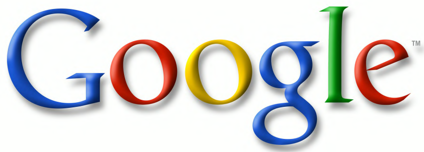

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ

ВИЛЬНА

1868.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція **„Вѣстника Западной Россіи“** едва ли не больше его подписчиковъ сѣтуетъ на запаздыванье выходомъ, его книжекъ. Редакція принимаетъ и будетъ принимать противъ этой непріятности всѣ свои средства и усилія и увѣрена, что, при всей несостоятельности виленскаго типографскаго производства, она войдетъ, въ непродолжительномъ времени, въ сроки своего изданія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VI,—1868.

КНИЖКА VII.

ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.
Въ типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ, въ зданіи гимназіи, противъ губернскаго правленія.

1868.

Дозволено цензурою. 7-го октября 1868 года. Вильна.

ской епархіею. По этой же причинѣ (сего не скрываетъ само латинское холмское духовенство), покойный Меѳодій Терлецкій, епископъ холмскій, погребенный въ каѳедральной церкви, былъ взятъ изъ нея, когда она была въ рукахъ неунитовъ, и въ Красноставѣ похороненъ латинскимъ капитуломъ въ гробницѣ латинскихъ епископовъ. Какъ, говорили по сему случаю, послѣдній уніатскій епископъ, посредствомъ погребенія, присоединился къ латинскимъ епископамъ, такъ и съ уніатскою епископіею должно произойти подобное соединеніе. Впрочемъ, съ перемѣною военныхъ обстоятельствъ, когда неуниты, изгнанные изъ Холма, послѣ похода подъ Берестечко, стали требовать себѣ возвращенія этой епархіи, то ее ввѣрили пожизненно нынѣшнему епископу, дабы она не досталась изгнанному неуниту Балабану; а нѣкоторые изъ латинскаго холмскаго клира явно говорили, что они потому не могли проглотить этой епархіи, что нынѣшній уніатскій епископъ (I. Суша) сталъ имъ костью въ горлѣ. Достойно замѣчанія, что все, что ни постановляемо было во вредъ уніатамъ, не получало Божьяго благословенія; напротивъ, рѣчь-посполитая тотчасъ была тревожима козаками. И съ другими вакантными уніатскими епархіями хотѣли сдѣлать тоже, что съ холмскою. Но ошибаются обвиняющіе насъ въ томъ, что мы не прилагаемъ труда къ распространенію уніи. Въ теченіе 69 лѣтъ отъ возникновенія уніи, она, при Божьей помощи, распространена была уніатами въ Литвѣ и на Руси.

I.

—

№ 7.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Закладная запись епископа владимірскаго и архимандрита кіево-печерскаго монастыря Мелетія Хребтовича на имѣніе Путятичи, данная Аксиньи Богушевой—Балакиревой. 1592 г.

Я, Мелентей Хребтовичъ, епископъ Володимерскій и Берестейскій, архимандритъ Кіевскій монастыра Печерского. Вызнаваю то и явно чиню симъ моимъ листомъ, ижъ ку пильной а великой потребѣ моей позычилъ и до рукъ своихъ отличивши, взялъ есми семнадцать копъ грошей Литовское личбы у ее милости панеи Богушовое Балакировое, панее Оксиньи Круневичовны, которую копъ семнадцать грошей Литовскихъ маю и повиненъ буду ее милости всю сполна отдати и заплатити, при окупенью имѣнья моего отчизного, въ повѣтѣ Мозырскомъ лежачого, Путя-

тичи, которое имѣнье ее милость отъ мене держить за листомъ моимъ головнымъ въ сумѣ пѣнезей, у трехъ сотъ и шестидесятъ копахъ грошей Литовскихъ, до которое сумы прилучивши копъ семнадцать грошей Литовское личбы, тую суму сполна, ведлѣ листовъ моихъ, ее милости отдати буду повиненъ, альбо тому, кому бы ее милость тую суму пѣнезей зъ имѣньемъ моимъ пустила, отдати и заплатити повиненъ буду. А гдѣ бымъ тое копъ семнадцати грошей еи милости при той сумѣ пѣнезей головной заплатити и отдати не хотѣлъ, тогды подъ тые же обовязки и варунки въ листѣ моемъ головномъ, еи милости на то имѣнье отъ мене даномъ, подлечи маю. И на то есми ей милости панеи Богушовой Балакировой Оксиньи Крупевичовнѣ далъ сесь мой листъ печатью моею и съ подписомъ руки моее властное. А притомъ были и того вѣдоми, за прозбою моею печати свои приложити и руками се своими подписать рачили: ихъ милость панъ Дмитрій Еленцъ, писаръ земскій Кіевскій, а панъ Иванъ Солтанъ. Писанъ у Кіевѣ. Року тисеча пятьсотъ деветдесятъ второго. мѣсеца Апрѣля двадцать первого дня. Въ того листу печатей три а подписъ рукъ тыми словы: архимандритья рука такъ есть написана: властною рукою. Дмитръ Еленцъ, писаръ земскій Кіевскій, рукою властною. Иванъ Солтанъ, власною рукою.

Хранится въ архивѣ полоцкаго Софійскаго собора. Напечатано по выписи.

2.

Рѣшеніе уніатскимъ духовнымъ судомъ несогласій между настоятелемъ Богоявленской бѣльской церкви и ея прихожанами, вмѣстѣ съ ревизіей этой и Пречистенской церквей. 1634 г.

Захаріяшъ Аѳанасій Фурсъ, архипрезвитеръ и намѣстникъ всего епископства Володимерской и Брестской, Петръ Рогозницкій, номинатъ протопопіи Брестской.

Всимъ вобецъ и кождому зособна вшелякого стана духовного и свѣцкого людемъ, а наипаче презвитеромъ въ протопіи Бѣльской будучымъ, тудежъ славетнымъ паномъ мѣшчаномъ обоего враду радецкого и войтовского Бѣльскимъ, и всякимъ околичнымъ людемъ религіи Греческой въ едности святой зостаючыхъ, братіи о Христѣ возлюбленной мира, здоровія отъ Христа Спасителя зычимъ. Мы особы вышейменованные и нижей руками своими подписаные ознаймуемо симъ писмомъ, ижъ мы, будучи зосланые отъ ясне превелебного его милости господина отца Іосифа, зъ Божое немочи и святой Апостольской ласки протоѳронія Кіевского, епископа Володимерского и Брестского, милостивого пана и пастыра, до мѣста Бѣльска на угамованіе неснасокъ великихъ завзятостей отъ сколько лѣтъ между пречестнымъ отцемъ Ѳеодоромъ Яковевичомъ протопопою Бѣльскимъ, презвитеромъ Богоявленскимъ соборнымъ зъ одной, а другой стороны между старшими брацтва Богоявленского, сирѣчъ: паномъ Грыгорымъ Кобзою, Савою Гливкою и Германомъ Хомиковичемъ, которые, предъ нами стануючи, вносили скаргу на отца протопопа;

же ихъ розне акгравуеть такъ словами частокроть, яко тежъ правомъ невинне турбуетъ, ово згола ни въ чомъ ихъ, яко старшыхъ ктиторовъ и дозорцовъ шпитальныхъ, не поважаеть, лечъ мней важачы права и потверженья ихъ милостей епископскіе и декрета носпонуѣтъ, въ которыхъ южъ все досконале обваровапо есть, яко то: книги, аппарата, сребро въ чыемъ дозорѣ и ключами въ скарбницѣ зоставать маеть, чого регестра аппробоване святой памети епископа Потея судовне доводыли, болше тежъ отца протонопы терпѣти не хотячы, овшемъ абыся отъ церкве пренеслъ и опой резекгновалъ, нижели зъ нимъ уставичную трудность и вархолъ чынить домовлялися, обѣцуючы годную особу становити до посвяшченья па тое мѣстце, которая зможетъ Богу хвалу промововати и парафіяномъ належыте услужыти. На которую мову и доводъ взаемне отецъ Ѳеодоръ протопопа слезне отповѣдаеть, ижъ помененые панове коляторове и дозорцы шпиталя Богоявленского невинне его помовляють, о належитости церковные, о держанье ключа у себе отъ скарбницы, никгды отъ кильку лѣтъ не мѣлъ, которого сами держать, а другіи у панамара зостаеть, за чимъ напасть зволокають, самы тежъ только фарбу уніи святой по собѣ показуючы, вси поступки старо-Грецкіе заховують, за епископа своего кгды ектенья отправуется, смѣхъ чынять, ощо кгды ся умовляеть и научаеть, теды плюють и словами прыкрыми зневажають, про то большъ терпѣти немогечы, доброволне самъ уступить отъ церкве позволилъ, оразъ и ключы положылъ предъ нами. Только за резыкгнацыю и прыбудованье своихъ выкладовъ, огулне на золотыхъ пять сотъ, абы вернули акторове, просилъ и домовлялся, самъ тежъ инвестiованый будучы ко храму Рождства Пресвятыя Владычицы нашея Богороды-

цы отъ его пастырской милости за презентою короля его милости, намъ на сей часъ счастливе панующего, до которой то церкви увязанье поссесіи и интродукованья отъ насъ просилъ. А по оныхъ словахъ ставшы вси панове ктиторове старшые и молодшые протестовали ся, же якъ набоженствомъ не гнушалися, такъ его милости пастыра своего никгды не насміялися и не гордыли, але то за опачное уданье твердили, самого тежъ отца протопопа не зневажали, овшемъ яко преложоного шануютъ, поважаютъ; а што стороны резыкгнацыи отъ церкве и зъ плебаніи тымъ ся барзо контентуючы нагородити за прыбудованье и опатренье огородовъ обѣцали, только о квитацыю огродовую въ Брянску, абы оныхъ квитовалъ зо всихъ правныхъ претензый, пильно жадали и домовляли, ведже заразъ передъ нами суму золотыхъ 200 поступили. Мы теды особы духовные, до тоей справы депутованые, згодне прыслухавшы ся спорца сторонъ обудвохъ, такъ пановъ ктиторовъ и брацтва церковного, яко тежъ велебного отца протопопы, якъ узнаваемъ и мѣти хочемъ, жебы ся отецъ протопопа отъ того часу большъ не важылъ ся помененныхъ ктиторовъ паряжаты кгды завзятость великая повстала часто и неугамованная злость между нами, прето подъ анаѳемою згодитися обычне прыказуемо, церковь тежъ соборную поздати зо всимъ и уступити заказуемо, маючы часу румацыи до недѣль дванадцатъ, ведлугъ права духовного, поколь собѣ утвердитъ слушное мѣшканье пры церкви Свято-Пречыстской, которую яко по части опадлую и презъ пекгліецыю прошлого пресвитера реставровати годне и прыстойне речь повинна, якожъ дерева сорокъ тры штуки прыготованого видимо въ семъ же року и оправовати повелѣваемъ, на што листъ свой прошацкій до пановъ парафіянъ выдать декляруемъ. Однакже и пры той

церкви Пречистенской зостаючему зверхность урадовая протопопская пры отцу Өеодору Яковичу зоставуеть ся, гдѣ на усильную прозбу отца протопопу, а прычыною нѣкоторыхъ годныхъ особъ, то есть Анхима Песковича, Панаса и Лаврына Прокоповичовъ, Корнила Васковича, братшчанъ молодшыхъ тое зъ церкви до весны прышлой, то есть до Сошествія Святого Животворяшчого Духа, хрестъ удѣлаемъ, обовязуючы именемъ Божымъ и властію нашею любовь христіянскую между собою мѣти и заховати, подъ изверженьемъ и клятвою зъ обудвухъ сторонъ, утверждаемъ и змоцняемъ. По которомъ декретѣ стороны прызволавшы до прыслуханья, если контентовати ся могуть, было пытанье. А отозвавшыся брацтво ставропигиюмъ названое патріаршеское и епископское апробованое до жадной власти высшей не апеллювали, семужъ декретови чуючы ся быти подлеглыми, и зъ обухъ сторонъ оного утвердити и заховати на часы потомные субмитовали, который зъ обу сторонъ печатми своими утвердившы, и подписами рукъ змоцнившы, выдалисмо. Писанъ въ Бѣльску, року 1634, мѣсеца Сентебря 28 дня.

Подъ тымъ же актомъ того жъ року мѣсеца дня 29. по фердаванью сего декрету, на завтрѣ, пры сходцѣ пановъ парафіянъ всихъ церквей Бѣльскихъ, и по удареныю належытомъ у звонъ, отецъ протопопа по одправленью духовной ексорти, церковь соборную Богоявленія Господня, вздаеть подъ регестромъ особливымъ отъ насъ списаннымъ, всихъ апараментовъ, книгъ, сребра, и всякихъ належытостей церковныхъ, въ ободвохъ сторонъ положылъ, тудежъ самый списокъ брацтва именами и прозвисками списанныхъ апробовалисмо и пры церкви соборной зоставилисмо такъ собѣ до викаръ духовныхъ екземпляръ зоставившы яко и пры церкви для памети вѣчной да-

ппы и заховавшы; чого самый списокъ брацтва моцно потребовали. А поневажъ южъ цале отъ насъ отецъ протопопа Өеодоръ Яковович увязанъ ку церкви Святой Пречыстой просилъ, тудежъ зъ инвентованя всихъ належытостей церковныхъ, абы отъ пановъ ктиторовъ Богоявленскихъ инвидыи и ненависти не поносилъ, потребовалъ. Которая, во всемъ стосуючыся до визитъ пречестного отца Стеөана Михаловича презвитера Свято-Троецкого и протопопы Бѣльского, въ датѣ року 1624, мѣсеца Сентемврыя 18 дня, такъ ся въ собѣ мѣла, и на сей часъ по отцу Ивану Орестовичу презъ насъ подается пречестному отцу протопопѣ теперешнему.

Ревизія року 1637 отправованая.

Церковъ Рождества Пресвятой Владычицы нашея Богородицы, зостаючая на старомъ мѣстѣ, пренесенная року 1562 зъ замку Бѣльского, фундованая нѣкгды княземъ Михаиломъ Семеновичомъ Городенскимъ, Бѣльскимъ и Кобрынскимъ и кнегинею Вассою, яко написъ оневаетъ на таблицѣ зъ образами трема намѣстными, украшенными злотомъ; І. Деисусъ опадлый барзо, который поправити отецъ протопопа поднялся; антымисъ святой памети отца Іоны, епископа Володымерского, яко неспособный отобравшы, инного у его пастырской милости старатися велѣли; Евангеліе-тетрописанное, украшенное; служебникъ писаный, старый; престолъ полотномъ простымъ крашениною покрытий; товаленъ всихъ седмъ; лихтаровъ малыхъ девять, великихъ, внеачыхъ мосяжовыхъ три; келихъ, звѣзда, лжица—сребрние; въ олтару и церкви малеванье оздобное, на образѣ намѣстномъ Пресвятыя Богородицы табличекъ седмъ, корали, шнуры чтыры перловыи; перстенъ золотый; крыжиковъ розныхъ больныхъ и меньшыхъ шесть;

акгнусковъ два, сребромъ оправныхъ; китайка зеленая полтора локтя, коронъ двѣ на Богородицѣ и Спасителю, на образѣ Іоакима и Анны корона сребрная; дзвоновъ большихъ и меньшихъ па дзвонници чотыры; ризовъ пятеры розной матеріи, стихаровъ два, наруквицъ трои, крестъ сребрный спорый и прочая. Мѣшканье священническое, за недбальствомъ зошлого отца Іоана Орестовича, онадлое, только пекарня зъ сѣньми, въ которой панъ коморникъ мѣшкаетъ, бо той священникъ жилъ на мѣстскомъ кгрунтѣ своемъ власномъ; осѣлость цментарова барзо щуплая на каплана, лечъ отецъ протопопа обѣцалъ прикупити на церковь и разширити мѣшканье, якожъ заторгованый пляцъ побочный, по семужъ поля волокъ двѣ за милю отъ Бѣльска въ селѣ Стрыкахъ межи кгрунтами церковными, парафія въ мѣстѣ Бѣльску по розныхъ улицахъ и на посвятномъ костельномъ седмдесятъ и шесть домовъ, а фольварки мѣстскіе: Стрыки, Шасталы, Ягуштово, домовъ чотыринадцать, окромъ соборныхъ пятдесять и двохъ хатъ въ томъ селѣ, а въ староствѣ Бѣльскомъ—село Грабовецъ, село Орехвичы, село Плески, село Денисвки и полъ села Воскресенскихъ, на которыхъ ся отецъ протопопа ускаржалъ о бунты и непослушенства, же едностью святою погоржаютъ, которыхъ мы, судіи и подавцы духовныи, іерейскою властію укарати позволяемъ, и во помощь до реставрованья церквей оныхъ, яко здавна належащихъ нарафіянъ, бастуемъ, на що добровольне позволили. А по таковомъ декретѣ и интродукцыи, сирѣчъ ввязанью въ помененую церковъ отца пречестного Ѳеодора Яковoвича, протопопы Бѣльского, млоденецъ годный и способный ку хвалѣ Божой, сынъ его жъ панъ Лукашъ Яковoвичъ, стану святого іерейского жарливе потребовалъ, рекучи: любо панъ отецъ мой отъ того мѣстца, отъ церкви со-

борной уступуеть, але я могу тому Божому зъ ласки его святой згодою пановъ парафіянъ и благословенствомъ пастырскимъ услужити. На що вси одностайне панове ктиторове позволили, только спокойного житья потребовали. Мы теды, видечи таковое згодное народу христіанского обовязанье, такъ брацтва Богоявленского, ставропикгіумъ реченное, публице, обволываемъ презъ духовного отца Сылуяна Воскресенского, Бѣльского, и ежели бы хто моглъ якіе претенсіи до духовныхъ особъ ку оскарженью албо спротивенству, овшемъ вси едностайне сему декретови и интродукціи и воли его милости пастырской послушныи быть декляровали; не вырекуючи во всемъ сему нашому написаного декрету зъ обвязанью себе самыхъ. Тогожъ часу млоденца пана Лукаша ЯковоВича отсылаемъ его съ общими мѣстскими презентами и брацкими списками згодного но совершенье іерейства къ самому его милости пану и пастыру, который зъ нами поспѣшествовать весполъ и трудности працъ подорожныхъ до Володимера града...... за сына стати. Писанъ въ Бѣльску, на мѣстцу звыклымъ протопопскомъ. Року 1637, мѣсеца Септемврія 29 дня.

Захарыашъ Аѳанасій Фурсъ, архипрезвитеръ и намѣсникъ всего епископства Володимерского и Бресцского. Тимоѳей Симановичъ, архидіяконъ епископіи Володимерской и Бресцкой рукою власною. Сумовалъ Войшнаровичъ, писаръ приданый до тое функціи епископское. Петръ Рогозницкій, номинатъ протопопіи Берестейской рукою власною. Року 1644, сей декретъ и интродукцію во всѣхъ пунктахъ и параграфахъ стверждаемъ на соборѣ Берестейскомъ, дня осмого Мая. Іосифъ, епископъ Володимерскій и Берестейскій, власною рукою.

Сіе грамотное начертанье, или декретъ, оразъ ин-

трodукцію потвержаеть Іоаннъ Патей, епископъ Володимерскій и Берестейскій, рукою власною.

Хранится въ Бѣльской Пречистенской церкви. Доставленъ г. Гижевскимъ.

3

Жалоба полотскаго лянтвойта Есмана на полотскаго скорняка Өедора Алексѣевича, утверждавшаго, что унія—порожденіе діавола. 1646 г.

Протестацыя его милости пана лянтвойта, пана Есмана, на пана Өедора Олексѣевича.

Передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучыми, оповѣдалъ и жаловалъ земенинъ господарскій воеводства Полоцкого его милость панъ Крыштофъ Есманъ, лянтвойтъ Полоцкій, на мѣщанина мѣста его королевское милости Полоцкого Өедора Олексѣевича, кушнера, о томъ, штожъ дей сего року тисеча шесть сотъ сорокъ шостого, мѣсеца Августа двадцать шостого дня, будучи его милости пану лянтвойтови упрошоному отъ бурмистра Полоцкого пана Крыштофа Сторымовича до дому его, тутъ въ мѣстѣ господарскомъ Полоцкомъ будованомъ, маючы тамъ нѣкоторые справы свои пильные зъ нимъ же паномъ лянтвойтомъ и зъ нѣкоторыми въ дому пана бурмистровомъ будучыми, несподѣваючи се на себе, яко чоловѣкъ спокойный и никому ни въ чомъ невинный и покоемъ права посполитого обварованый жадное прыкрости и обельги, и вжо поздно прышодшы до того жъ дому пана Сторымовича бурмистра, року, мѣсеца и дня вышъ помененого тотъ преречоный Өе-

доръ, кушнеръ, ино въ борздомъ часѣ онъ Өедоръ, кушнеръ, уфаючы снать въ богатство, а не переставаючы въ своемъ гардомъ а не ногамованомъ замыслѣ, не паметаючы на срокгость правную на таковыхъ людей своволныхъ и гардыхъ описаную, смѣлъ и важылъ се наипервѣй наступуючы на вѣру светую уніатскую, мовечы и повтараючы не разъ, не десять, же то есть дьябельская и шатанская вѣра уніатская и не отъ Бога, але отъ дьябла тая вѣра вышла шалберская. Яко жъ панъ лянтвойтъ, видечы оного легкомысльность, почалъ того кушнера навпоминати, абы онъ, рачей не блюзнечы вѣру светую, скромне седѣлъ. Онъ Өедоръ, кушнеръ, мало дбаючы на навпоминанье пана лянтвойта и овшемъ зухвале што разъ повтораючы, и вѣрою шатанскою называлъ, гдѣ въ тотъ часъ и самого его милость пана лянтвойта словами неучстивыми лжылъ, соромотилъ. А его милость панъ лянтвойтъ, яко особѣ легкой не хотечы далѣй терпѣти такъ о вѣру светую уніатскую, яко и о свою зневагу и на иншый часъ то откладаючы, вставшы зъза стола, хотѣлъ до господы своее тамъ же въ Полотску шотовое отыйти, а панъ бурмирстръ Сторымовичъ, яко господарь, его милости пана лянтвойта не пущалъ. А въ томъ онъ Өедоръ, кушнеръ, прыпадшы до его милости пана лянтвойта, шкленицою въ палецъ руки правое его милости крваве обранилъ и зранилъ. А маючы въ томъ его милость панъ лянтвойтъ великій жалъ и крывду немалую, а хотечы о томъ зъ тымъ Өедоромъ кушнеромъ у суду належного правне поступовати, просилъ, ижъ бы тое оповѣданье и жалоба его милости была до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записана. Што есть записано.

Изъ книгъ Полотской ратуши за 1646 годъ (стр. 847).

4.

Донесеніе холмскаго уніатскаго епископа Іакова Сушы римскому папѣ о бѣдственномъ положеніи уніатской церкви и угнетеніи уніатовъ католиками (*).

(переводъ съ латинскаго).

Жалуются почтеннѣйшіе уніатскіе епископы предъ Богомъ, предъ святѣйшимъ владыкою и св. римскою церковью, жалуются, видя съ изумленіемъ, что повсюду въ нашемъ отечествѣ есть немало духовныхъ латинскихъ господъ, хлопочущихъ у св. престола о томъ, чтобы насъ, уніатскихъ епископовъ, уничтожить и перевести наши имѣнія на латинскія епископіи и чтобы, оставивъ намъ однихъ священниковъ: монашествующихъ и свѣтскихъ, подчинить ихъ, однакожъ, латинской юрисдикціи. По словамъ иныхъ нашихъ обвинителей, насъ слѣдовало бы совсѣмъ уничтожить, потому именно, что мы нисколько не трудимся для распространенія уніи. Въ подтвержденіе сказаннаго, не говоря уже о постоянныхъ объ этомъ толкахъ, у насъ есть сильное доказательство. Такъ, послѣ похода подъ Берестечко, нѣкоторыя духовныя лица совѣтовали, не только сенаторамъ, но даже самому королю, упразднить насъ (въ качествѣ епископа холмской епархіи). Отсюда-то произошло, что холмская уніатская епархія отдана нынѣшнему епископу (І. Сушѣ) лишь во временное управленіе, въ виду предположеннаго слитія ея съ латинской холм-

---

(*) Это донесеніе Суши, выписанное въ прошедшемъ столѣтіи: ex Archivo S. Nunciaturae въ Польшѣ имѣетъ слѣдующее заглавіе: De laboboribus Unitorum exc.... anno 1664 находится въ архивѣ львовскаго митрополичьяго капитула, а въ находящемъ русскомъ переводѣ помѣщено въ Холмскомъ календарѣ на 1868 годъ.

II.

ВИШНЕВЕЦЪ И КНЯЗЬЯ ЕГО.

*(Продолженіе *).*

Съ 1603 г. Вишневецъ, съ участіемъ князей своихъ, начинаетъ быть гнѣздомъ для самозванца Гришки Отрепьева, времена коего бросали мрачную тѣнь въ наше отечество.

Будучи по происхожденію галичаниномъ, — боярскій сынъ, Гришка Отрепьевъ, первоначально былъ діакономъ Чудова монастыря; но осужденный здѣсь на заточеніе за развратную жизнь и дерзскія слова, онъ бѣжалъ 1602 года въ Украйну и здѣсь снискалъ милость у знаменитаго воеводы князя Константина Острожскаго. Онъ жилъ въ кіево-печерскомъ монастырѣ, затѣмъ въ Никольскомъ и въ Дерманѣ; отсюда удалился къ днѣпровскимъ казакамъ, гдѣ въ шайкѣ старшины Герасима Евангелика, получилъ навыкъ владѣть мечемъ и конемъ; затѣмъ вступилъ въ школу волынскаго города Гащи для изученія польскому и латинскому языкамъ и подъ конецъ 1603 года поступилъ въ службу къ князю Адаму Вишневецкому, который жилъ тогда въ Брагинѣ со всею пышностію вельможи 48).

Тутъ самозванецъ началъ приступать къ дѣлу,—и если искалъ въ Вишневецкомъ надежнаго помощника въ своемъ предпріятіи, то не обманулся въ выборѣ; ибо Вишневецкій, сильный при дворѣ и на сеймахъ, и самъ по себѣ, и многочислен-

*) См. Кн. 6 Вѣст. Зап. Россіи.

48) Ист. Мал. Росс. ч. I, стр. 161.—Дипл. собр. дѣл. между Рос. и польск. Госуд. ч. II.— Истор. Госуд. Рос. Карамз. Т. XI, стр. 128 изд. 1842 г. стр. 75.

ными друзьями своими, и прислужниками, соединялъ въ себѣ и надменность съ слабымъ умомъ и легковѣріемъ младенца 49).

Гришка Отрепьевъ на первый разъ извѣстенъ въ Вишневцѣ слугою князя Адама Вишневецкаго. Этотъ новый слуга знаменитаго брагинскаго пана велъ себя скромно, убѣгалъ всякихъ безполезныхъ забавъ, ревностно упражнялся въ воинственныхъ занятіяхъ. — Имѣя наружность некрасивую, ротъ средній, грудь широкую, волосы рыжеватые, лицо круглое, бѣлое, но совсѣмъ непривликательное, глаза голубые безъ огня, взоръ тусклой, носъ широкій, бородавку подъ правымъ глазомъ, также на лбу и одну руку короче другой,—Отрепьевъ замѣнялъ эти недостатки живостію и смѣлостію ума, краснорѣчіемъ и благородною осанкою. Заслуживъ вниманіе и доброе расположеніе господина, хитрый обманщикъ притворился больнымъ, потребовалъ духовника и сказалъ сему послѣднему тихо: „Умираю; предай тѣло мое земли съ честію, какъ хоронятъ дѣтей царскихъ. Не объявляю своей тайны до гроба; когда же закрою глаза на вѣки, ты найдешъ у меня подъ ложемъ свитокъ и все узнаешъ; но другимъ не сказывай: Богъ судилъ умиреть мнѣ въ злощастіи!“ Духовникъ былъ іезуитъ (*); онъ извѣстилъ князя Вишневецкаго о сообщенной ему тайнѣ, а любопитный князь обыскалъ постель мнимо—умирающаго, нашелъ бумагу и прочиталъ въ ней, что слуга его есть Димитрій, царевичъ московскій, спасенный отъ убіенія своимъ вѣрнымъ медикомъ (**),—что злодѣи, прислан-

49) Ист. Госуд. Рос. Т. XI стр. 75.

(*) Въ Хронографѣ говорится: призва себѣ латинскія вѣры попа, а въ Хронографѣ сокращенномъ называется попъ греческимъ, (Прим. къ XI Т. Ист. Госуд. Рос.) Но такое повидимому противорѣчіе обясняется тѣмъ, что этотъ попъ латинской вѣры былъ первоначально православнымъ, перешелъ въ латинство и сдѣлался іезуитомъ; а въ слѣдствіе того одни называютъ его еще православнымъ, греческимъ попомъ, а другіе называютъ его латинской вѣры попомъ.

(**) Въ отвѣтахъ Мнишки на вопросы нашихъ бояръ, Гришка жилъ въ кіевскомъ монастырѣ, въ старческомъ одѣяніи, а потомъ былъ у кіевскаго воеводы великаго князя Острожскаго, не хотѣлъ сказаться Димитріемъ и пришелъ къ князю Адаму Вишневецкому, сказывая, что онъ—истинный Димитрій. Согласное сказаніе лѣтописца нашего Весенберга и Мнишка свидѣтельствуютъ, что

ные въ Угличь умертвили одного сына священническаго, вмѣ-

Лже-Димитрій открылся Вишневецкому, а не игумену кіевскому. Прим. Ист. Госуд. Росс. Кар. т. XI,—207. А затѣмъ, принимая въ соображеніе настоящую сноску съ словами Амвросія Порфирича Добротворскаго, помѣстившаго свою статью о самозванцѣ въ Вѣстникѣ Западной Россіи, — мы полагаемъ, что Лже-Димитрій, Гришка Отрепьевъ, затѣявъ вступить на московскій престолъ подъ именемъ Димитрія, искалъ только случая испытать удачу, а потому бѣгалъ съ мѣста—на мѣсто, чтобы найдти поддержку въ комъ либо изъ такихъ лицъ, которыя имѣли бы вліяніе въ народѣ и при дворѣ. Съ этою цѣлью, обходивъ монастыри, а приглядѣвшись, во время пребыванія своего въ Москвѣ къ дѣламъ,—онъ, наконецъ, явился къ князю Константину Острожскому; но зная характеръ сего мужа и не находя въ немъ того, чего искалъ, бѣжалъ на Волынь и здѣсь предпринялъ планъ высказать свое намѣреніе, будучи увѣренъ, что іезуиты съ охотою подхватятъ его сказку и станутъ для него предметомъ защиты и помощи. Но сперва онъ хотѣлъ пустить въ ходъ молву, что онъ царевичь Димитрій; а для того на книгѣ „Василія Великаго о постничествѣ," полученной, или быть можетъ похищенной отъ князя Острожскаго, во время бытности своей у него, надписалъ ее слѣдующими словами: „Дѣта отъ сотворенія міру 7110 (зри) мѣсяца августа въ 14 день (ДІ), сію книгу Василія Великаго далъ намъ І. Григорію царевичу Московскому, собратіею, со Варлаамомъ, да Мисгаиломъ, КонстантинъКонстянтиновичъ, нареченный во св.крещеніи Василій" (Вѣст. запад. Рос. за 1866 кн. 6 и 7 въ отд. II, — статья: „Кто былъ первый Лже-димитрій?). Но книга осталась безъизвѣстною и неизвѣстно также, какимъ образомъ попала въ библіотеку Загоровскаго монастыря Волынской губерніи, Владимірскаго уѣзда. А потому, свидѣтельствуясь братіею Варлаамомъ и Мисаиломъ, Отрепьевъ думалъ, что братія станутъ помогать ему въ этомъ дѣлѣ, изъ уваженія, что князь Острожскій будьто бы признаетъ его царевичемъ Димитріемъ, давши эту книгу; между тѣмъ ни братія, ни другіе вовсе не обратили вниманія на подпись книги. Видя, что братія Варлаамъ и Мисаилъ не потворствуютъ ему въ его честолюбивыхъ замыслахъ и даже насмѣхаются надъ его затѣями, зная хорошо, что онъ— бѣглый діаконъ Чудова монастыя,—онъ бросился въ объятія іезуитовъ, которымъ такой человѣкъ—находка. Іезуиты, видя въ Отрепьевѣ человѣка предпріимчиваго, способнаго къ ловкому веденію обмана и, предвидя въ немъ надежное орудіе для своихъ личныхъ цѣлей — стали руководить бѣглецомъ, предложивъ ему прежде всего изучить польскій и латинскій языки и принять латинскую вѣру, а потомъ распространилъ бы ее и въ Московскомъ государствѣ, когда при помощи ихъ достигнетъ престола. Чтобы удобнѣе достигнуть такой цѣли, іезуиты отправили Гришку къ князю Адаму Вишне-

сто Димитрія, коего скрыли вельможи и послѣ отправили въ

веццкому и здѣсь при помощи духовника, своего же іезуита, огласили, — какъ выше сказано,—Отрепьева царевичемъ московскимъ и даже успѣли въ томъ убѣдить короля Сигизмунда, который былъ самъ въ душѣ іезуитъ. Обманъ, словомъ, удался какъ нельзя лучше. Сигизмундъ всѣми силами сталъ стараться облегчить Отрепьеву путь къ московскому престолу, не пощадилъ польскихъ злотыхъ на его поддержку—и отправилъ его къ Мнишку и Вишневецкимъ для окончанія плана. Мнишекъ и Вишневецкіе, по мимо общей съ іезуитами цѣли, старались также достигнуть и своихъ личныхъ: они взяли съ Отрепьева обязательство, что онъ женится, по достиженіи престола, на дочери Мнишка Маринѣ и выдастъ опредѣленное количество денегъ для уплаты тестевыхъ долговъ. Послѣдніе (Мнишекъ и Вишневецкіе), собравъ различныхъ бродягъ и присоединивъ къ нимъ своихъ подданныхъ, — отправили Гришку въ Россію. Между тѣмъ, Варлаамъ, жившій въ 50 верстахъ отъ Вишневца, все это видѣлъ, слышалъ и сталъ слѣдить еще зорче за дѣйствіями Гришки, когда послѣднему стали помогать Мнишекъ и Вишневецкіе въ его замыслахъ: а потому, при отвѣтахъ своихъ, съ надлежащею вѣрностію и матиматическою точностію, показалъ слѣдующее: „А онъ Гришка съѣхалъ въ Гощею въ Городѣ къ пану къ Госкому, да въ Гощеѣ иноческое платье съ себе скинулъ и учинился міряниномъ и училъ въ Гощеѣ учитися въ школѣ по-Латински и по-Польски и—Лютеранской граммотѣ, и бысть отмѣнникъ и законо-преступникъ православныя сущія христіанскія вѣры. И я, Государь, изъ монастыря до Острога, до князя Василія ѣздилъ и князю Василію билъ челомъ, чтобы князь Василій изъ Гощей велѣлъ его взяти и учинити по старому Черноцомъ и Діакономъ и повелѣлъ бы его послати къ намъ въ Дерманскій монастырь; и князь Василій и всѣ дворовые люди говорили мнѣ: здѣся де такая земля какъ кто хочетъ да тотъ въ той вѣрѣ и пребиваетъ; да князь же мнѣ говорилъ: сынъ де мой князь Янышъ родился въ христіанской вѣрѣ, и держитъ Ляшскую и мнѣ до его не вняти и нынѣ де панъ Краковскій въ Гощеѣ. А въ Гощеѣ у него и зимовалъ, и послѣ велика дни изъ Гощей пропалъ безвѣстно (у іезуитовъ усовершался на наукѣ) и очутился въ городѣ Брагинѣ у князя Адама Вишневецкаго, и сказался князю Адаму царевичемъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ, а тотъ князь, Адамъ бражникъ и безумецъ, тому Гришкѣ и повѣрилъ и учинилъ его наколесницахъ и наконехъ ѣздити и людно.

Изъ Брагина князь Адамъ поѣхалъ до Вишнивца и того Гришку съ собою взялъ и по паномъ изряднымъ его возилъ и сказывалъ его царевичемъ Димитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ. И въ Вишневцѣ Гришко Отрепьевъ у него лѣтовалъ и зимовалъ, и после велика дни князь Адамъ его Гришку допроводилъ до

Литву, исполняя наказъ Іоанновъ 50).

Кракова, до Жыкмонта; и сказалъ князь Адамъ королю про него, будьто онъ царевичь Димитрій Ивановичь Углицкій и король его къ рукѣ звалъ; и онъ училъ прельщати его именуючи сущаго быти царевича Димитрія, присная сына благовѣрнаго государя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси Самодержца... И я, королю протого Гришку извѣщалъ, что онъ не царевичь Димитрѣй, а Чернецъ онъ, Гришкою зовутъ, а прозвищемъ Отрепьевъ, а шелъ сомною съ Москвы вмѣстѣ; а король и паны мнѣ невѣрили и послали меня къ нему Гришкѣ въ Самборъ и къ Воеводѣ Сандомирскому къ папу Юрѣю Мнишку и къ нимъ листъ о мнѣ писали и какъ меня привезли въ Самборъ, и разстрига Гришка съ меня платья иноческое снялъ, и повелѣлъ меня бити и мучити; да разстрига Гришка учалъ и говорити и сказывати про насъ, промеия да про-сыня боярскаго Полачева, будьто мы посланы отъ царя Бориса для того, чтобы его убити; и того Якова Палачева тотъ разстрига и воевода Сендомирскій велѣли смертію казнити, и онъ Яковъ, и у казни называлъ его разстригою Отрепьевымъ: а меня, бивъ и мучивъ, велѣлъ въ кандалы заковати и въ тюрму вкинути и проч." Смотр. Вѣст. зап. Россіи за 1865—66 г. Книга 6 и 7 отд. II, стр. 97, 98 и 99.

Беръ пишетъ: однажды, разсердясь въ банѣ на своего камердинера—Лжедимитрія, Вишневецкій далъ ему пощечину... слуга заплакалъ и сказалъ: если бы ты зналъ кто я? Князь спросилъ: кто же ты?—Тутъ обманщикъ расказалъ ему извѣстную всѣмъ басню и упалъ къ ногамъ его... Князь извинился предъ нимъ и велѣлъ ему одному остаться въ банѣ, а самъ выйдя изъ бани,—приказавъ изготовить все нужное для угощенія царя русскаго,—возвратился въ баню съ 12 слугами и богатою одеждою для Лжедимитрія, самъ надѣлъ ее на бывшаго слугу своего и подарилъ ему великолѣпную карету и 6 лошадей. Борисъ, узнавъ о замыслѣ Отрепьева, чрезъ гонца предложилъ Вишневецкому нѣсколько замковъ и городовъ, съ условіемъ, чтобъ онъ выдалъ самозванца. Вишневецкій, для безопасности, уѣхалъ съ *своимъ* царевичемъ далѣе отъ предѣловъ россійскихъ въ г. Вишневецъ и тамъ показалъ ему письмо Борисово. Лже-Димитрій упалъ на колѣна, говоря: Богу и тебѣ извѣстно кто я, дѣлай со мною что хочешь. Князь Адамъ, конечно, не хотѣлъ измѣнить мнимому царевичу. Тогда Борисъ снова написалъ къ Вишневецкому и прислалъ нѣсколько человѣкъ, съ приказаніемъ убить самозванца. Князь Адамъ отправилъ его къ воеводѣ сендомирскому; а въ хронографѣ (какъ мы видѣли) князь Адамъ „учинилъ его на колесницахъ и на конѣхъ;" и изъ Брагина князь Адамъ поѣхалъ до Вишневца и послѣ велика дни кн. Адамъ его Гришку допровадилъ до Кракова."

50) Ист. Госуд. Рос. Карамз. примѣч. 209 т. XI.

Вишневецкій изумился и еще хотѣлъ сомнѣваться, но уже не могъ, когда хитрый, видя будьто бы неосторожность духовника, раскрилъ грудь и показалъ золотой крестъ, осыпанный драгоцѣнными камнями сказалъ со слезами: что сія святыня дана ему крестнымъ отцомъ Иваномъ Мстиславскимъ (не іезуитами ли для успѣшнѣйшаго доказательства къ совершенію обмана?).

Вельможа литовскій, былъ въ восхищеніи (еще бы!).... И какая слава была невозможною, когда слуга его сядетъ на тронѣ.—Онъ не щадилъ ничего и только желалъ, чтобы поскорѣе выздоровѣлъ слуга его... Послѣдній не замедлилъ встать съ кровати, не смотря на то, что лежалъ на предсмертномъ одрѣ... Тогда Вишневецкій построилъ для него великолѣпное платье, приставилъ къ нему ливрейную прислугу и успѣлъ разгласить по всей Литвѣ о чудесномъ спасеніи отъ убіенія Иванова сына 51). Затѣмъ, вмѣстѣ съ воеводою сендомирскимъ и княземъ Вишневецкимъ, Отрепьевъ явился въ Краковѣ, гдѣ нунцій немедленно посѣтилъ его, обнималъ и ласкалъ, бесѣдуя съ нимъ о Россіи,—и убѣдилъ, чтобъ ему торжественно обѣщалъ принять католичество для вѣрнѣйшаго успѣла въ дѣлѣ.—Димитрій клялся исполнить желаніе нунція и подтвердилъ свою клятву при многихъ вельможахъ. Тогда, угостивъ Отрепьева пышнымъ обѣдомъ, нунцій Рангони повезъ его въ дворецъ, гдѣ и король Сигизмундъ принялъ его съ ласковою улыбкою, обѣщавъ быть ему помощникомъ и опредѣливъ на содержаніе его сорокъ тысячь злотыхъ ежегоднаго дохода (54,000 нынѣшнихъ серебрянныхъ рублей) 52). Впрочемъ, не желая самъ нарушать перемирія съ Россіею, Сигизмундъ велѣлъ Мнишку и Вишневецкимъ идти съ войскомъ противъ Годунова именемъ Іоаннова сына, составить рать изъ вольницы,—опредѣлилъ на жалованье доходы сендомирскаго воеводства, внушилъ дворянамъ, что въ Россіи ожидаетъ ихъ слава и богатство—и, торжественно снявъ съ своей груди золотую цѣпь, возложилъ ее на разстригу и отпустилъ его съ двумя іезуитами изъ Кракова въ Галицію, гдѣ близъ Льво-

51) Ист. Госуд. Россійск. Карам. томъ XI, стр. 7—77.
52) Ист. Госуд. Рос. Карамз. т. XI, стр. 78.

ва и Самбора, въ имѣніи вельможи Мнишка, уже толпилась шляхта и разные бродяги съ неудержнымъ желаніемъ идти на Москву...

Главою этого похода былъ самъ Мнишекъ, на дочери котораго Маринѣ Лже-димитрій изъявилъ готовность жениться и, по вступленіи на престолъ, выдать милліонъ польскихъ злотыхъ Мнишку изъ московской казны; кромѣ сего, обѣщалъ, что утвердитъ за женою своею на вѣчные времена великій Новгородъ и Псковъ, а за тестемъ Смоленскъ и всѣ сѣверскіе города; наконецъ, обѣщалъ всѣми силами совратить россіанъ въ латинство 53). Этотъ договоръ слѣдующаго содержанія:

„Мы, Димитрій Ивановичъ, Божіею милостію царевичъ великой Россіи, Углецкій, Дмитровскій и инныхъ—князь отъ колѣна предковъ своихъ и всѣхъ государствъ московскихъ государь и дидичъ. Разсуждая о будущемъ состояніи житія нашего, не только по примѣру нашихъ монарховъ и предковъ нашихъ, но всѣхъ христіански живущихъ за призрѣніемъ Бога всемогущаго, отъ котораго живетъ начало и конецъ, а жена и смерть бываетъ отъ негожъ, — усмотрѣли есьмя и улюбили себѣ, будучи въ королевствѣ польскомъ, въ дому честнѣмъ, великаго роду, житья честнаго и побожнаго, пріятеля и товарища ясне вельможную панну Марину съ великихъ Кончицъ Мнишкову, Воеводеньку Сендомирскую, Старостеньку Львовскую, Самборскую, Лиденскую и проч.—дочь ясневельможнаго Ю. Мнишка; коего считаемъ отцемъ своимъ, испытавъ его честность и любовь къ намъ; но отложивъ бракосочетаніе до нашего воцаренія: тогда — въ чемъ клянемся именемъ св. Тройцы и прямымъ словомъ царскимъ, — женясь на паннѣ Маринѣ, обязываюсь:

I. Выдать немедленно милліонъ злотыхъ (1,350,000 нынѣшнихъ нашихъ рублей) на уплату его долговъ и на путешествіе до Москвы, сверхъ драгоцѣнностей, которыя пришлемъ изъ нашей казны московской.

II. Торжественнымъ посольствомъ извѣстить о семъ короля Сигизмунда и просить его благосклоннаго согласія на оное дѣло;

---

53) Тамъ же томъ XI, стр. 8. — Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. I, стр. 160.

III. Будущей Супругѣ нашей уступить два великія государства Новгородъ и Псковъ со всѣми уѣздами и пригородами, съ людьми думными, дворянами, дѣтьми боярскими и духовенствомъ, такъ, чтобы она могла судить и рядить въ нихъ самовластно, опредѣлять намѣстниковъ, раздавать вотчины и помѣстья своимъ людямъ служивымъ, заводить школы, строить монастыри и церкви латинской вѣры, свободно исповѣдуя сію вѣру, которую и мы сами приняли, съ твердымъ намѣреніемъ ввести оную во всемъ государствѣ московскомъ.

Если же, отъ чего Боже сохрани (!), Россія воспротивится нашимъ мыслямъ, и мы не исполнимъ своего обязательства въ теченіи года, то панна Марина вольна развестися со много, или взять терпѣніе еще на одинъ годъ и проч. 54).

1604 г., въ сентабрѣ мѣсяцѣ, послѣ вышеизложеннаго договора, отправился Лжедимитрій въ Россію съ манифестомъ о чудесномъ спасеніи своемъ, и большою толпою приверженцевъ, искать московскаго престола. Между тѣмъ въ Самборѣ Вишневецкіе и Мнишекъ, при помощи вина и другихъ приманокъ, производили вербовку въ армію самозванца и скоро образовали изъ разныхъ бродягъ значительный отрядъ 55).

Борисъ, въ свою очередь, предпринялъ нужныя мѣры. Въ самомъ началѣ онъ извѣстилъ польскихъ вельможъ и короля, что мнимый Димитрій есть бѣглый монахъ Чудова-монастыря, Гришка Отрепьевъ,—послалъ для улики людей, знавшихъ его до побѣга изъ Москвы, учредилъ бдительную стражу на границѣ и, вмѣстѣ съ патріархомъ, обнародовалъ манифестъ, коимъ старался увѣрить подданныхъ въ самозванствѣ Лжедимитрія, описавъ подробно жизнь сомозванца 56). Несмотря на все это, Лжедимитрій успѣлъ обмануть толпу народную.

При появленіи самозванца, Путивль, Рыльскъ, Черниговъ и многіе другіе города сдались самозванцу добровольно 57). Тутъ же посчастливилось послѣднему поправить свои финансы: московскіе купцы везли казну въ медовыхъ бочкахъ отъ

54) Ист. Госуд. Рос. Карамз. т. XI, прим. 50.
55) Романъ „Марина Мнишекъ" ч. I, стр. 20.
56) Рус. Ист. Устр. часть II, стр. 132 и 131 издан. II.
57) Тамъ же часть II, стр. 132.—Романъ Марина Мнишекъ ч. I, стр. 27 и 28.

Бориса къ начальникамъ сѣверскихъ городовъ; ляхи перехватили эту казну и Отрепьевъ отослалъ большую часть ея въ Литву къ князю Вишневецкому и пану Рожынскому, чтобы навербовать новыя толпы сподвижниковъ 58).

1605 г. весь южный край Россіи взволновался и даже въ самомъ войскѣ Борисовомъ обнаружилось недоумѣніе; но упорная защита Басмановымъ Новгорода сѣверскаго остановила на время распространеніе мятежа; самозванецъ едва не погибъ, когда запорожскіе казаки оставили его. Воевода сендомирскій, видя эту неудачу, возвратился со вновь набранною дружиною во свояси, а самъ самозванецъ едва ускользнулъ отъ плѣна— и потерялъ уже всякую надежду на полученіе престола,—какъ вдругъ смерть Бориса воскресила его надежды 59). Со смертію Бориса, всѣ умы поколебались и русскіе стали громко поговаривать, что онъ былъ причиною смерти Димитрія и что скоропостижная смерть его есть очевидный признакъ небеснаго правосудія. Съ другой стороны, царская рать, увлеченная измѣною Басманова, предалась самозванцу, а Москва послѣдовала примѣру войска. Самозванецъ торжествовалъ, когда отъ Путивля и до самой столицы его встрѣчали съ восторгомъ, какъ истиннаго сына Іоаннова и безпрекословно присягнули ему 60).

Видя успѣхи Отрепьева, Вишневецкіе, Мнишекъ, равно какъ и всѣ поляки, радовались. Завладѣвъ престоломъ, самозванецъ, для исполненія своего условія, отправилъ немедленно значительную сумму къ своему тестю,—частію на уплату его долговъ, а частію на издержки путешествія и обрученіе. Исторія говоритъ, что секретарь Отрепьева Бучинскій привезъ въ первое посольство самозванца изъ Москвы 200,000 злотыхъ Мнишку, сверхъ 100,000, которыя онъ отослалъ Сигизмунду для отдачи того, что взялъ сендомирскій на ополченіе 1604 г. 61)

---

58) Ист. Госуд. Рос. т. XI, стр. 90.—Ром. Мар. Мниш. ч. I, стр. 60.

59) Руск. Ист. Устр. часть II, стр. 132 и 133.

60) Тамъ же, стр. 133 и 134 примѣчаніе: когда самозванецъ подступалъ къ Москвѣ, Софроній жаловался, что въ сіе время князь Адамъ Вишневецкій у монаха іерусалимскаго Симеона отнялъ двѣ арабскія лошади. См. Ист. Госуд. Рос. т. XI, примѣч. 377 Ром. Мар. Мниш. ч. I, стр. 130.

61) Романъ Мар. Мниш. ч. I, стр. 130.

Однимъ словомъ — въ это время Самозванецъ, Мнишекъ и Вишневецкіе были на верху счастья. По полученіи денегъ Мнишкомъ, къ нему такъ много стеклось гостей, что въ огромныхъ залахъ воеводы сендомирскаго не было гдѣ помѣститься, а балъ такъ былъ великолѣпенъ, что даже избалованная роскошью Марина удивлялась его величію. Между тѣмъ самозванецъ не переставалъ истощать московскую казну,—сыпалъ деньгами какъ сором: награждалъ своихъ приверженцевъ безъ мѣры, покупалъ и заказывалъ драгоцѣнныя вещи, увеличивалъ пышность своего двора и проч., — однимъ словомъ— такъ торовато велъ свои дѣла, что, по замѣчанію исторіи, въ три мѣсяца израсходовалъ изъ московской казни болѣе семи милліоновъ тогдашнихъ рублей серебромъ 62). Тронъ его былъ вылитъ изъ чистаго золота съ такими же кистями, а усыпанъ алмазами и жемчугомъ, утвержденъ на двухъ серебрянныхъ львахъ и покрытъ—кресто-образно четырмя щитами, надъ коими сіялъ золотой шаръ и орелъ изъ того же металла 63).... Такъ прошолъ годъ безъ малаго. Наконецъ:

Захотѣлъ Разстрига жениться,
Не у себя—то онъ въ каменной Москвѣ,
Бралъ онъ разстрига въ проклятой Литвѣ 64).

1606 г. Лжедимитрій послалъ къ своей невѣстѣ Маринѣ, посольство въ числѣ 200 человѣкъ, разнообразно одѣтыхъ, и велѣлъ объявить Маринѣ обрученіе. Прибытіе посольства было объявлено за нѣсколько дней прежде; прибытія его въ послѣдній день, самъ король ожидалъ съ нетерпѣніемъ. Наконецъ наступили минуты прибытія знаменитаго посольства, представителемъ котораго былъ Власьевъ. Король вошелъ въ залу; сестра послѣдняго вела Марину, а за ней также шли съ Власьевымъ всѣ 65), паны и даже папскіе кардиналы. Одинъ изъ послѣднихъ произнесъ напыщенную рѣчь Маринѣ, въ ко-

62) Тамъ же, стр. 131. — Ист. Госуд. Рос. Карамз. томъ XI, стр. 233.

63) Тамъ же, стр. 144. Въ это время Лжедимитрій не намѣренъ былъ отдавать долговъ занятыхъ въ обителяхъ и даже намѣренъ былъ окончательно отнять всѣ доходы монастырскіе на содержаніе войска и костеловъ. Тамъ же, ч. I, стр. 113.

64) Разсказы про Стар. время на Руси—Петруш.; стр. 160.

65) Романъ „Марина Мнишекъ“ ч. I, стр. 183.

торой исчислялъ всѣ выгоды обѣихъ державъ отъ союза и, заключилъ рѣчь, обратясь къ невѣстѣ, чтобы она не забывала того края, гдѣ получила жизнь и образованіе, гдѣ началось и устроилось ея величіе и счастіе 66); послѣ того отправились въ церковъ *), гдѣ чрезъ нѣсколько минутъ совершился и самый обрядъ. Изъ церкви опять возвратились въ прежнюю залу, гдѣ, послѣ низкаго поклона короля, усѣлись за столъ—къ обѣду. За обѣдомъ, русская царица (такъ уже именовали въ это время Марину, приняла отъ нареченнаго своего супруга слѣдующіе дары:

I. Богатый образъ Св. Тройцы.
II. Перо изъ рубиновъ.
III. Чашу Гіацинтовую.
IV. Золотой корабль, осыпанный драгоцѣнными камнями.
V. Золотой литый быкъ.
VI. Золотой литый пеликанъ.
VII. Золотой литый павлинъ.
VIII. Богатые и рѣдкіе часы съ флейтами и трубами.
IX. Болѣе трехъ пудовъ жемчуга.
X. 640 лучшихъ соболей.
XI. Четки изъ большихъ жемчуговъ.
XII. Алмазный крестъ съ именемъ невѣсты царицы.
XIII. Драгоцѣнное ожерелье.
XIV. Нѣсколько тяжелыхъ злотыхъ и
XV. Кипы бархатовъ, парчей и червоныхъ 67).

Послѣ послѣдняго бала, Марина отправилась въ Москву для бракосочетанія. Предъ выѣздомъ ея съ ранняго утра хлопоталъ старый Мнишекъ, придумывая планы, какъ бы сдѣлать этотъ путь пышнѣе и величественнѣе... Онъ самъ назначалъ мѣста

---

66) Тамъ же часть I, стр. 185 и 186.

(*) Преданіе говоритъ, что обрученіе совершилось въ древней православной Вознесенской церкви, бывшей въ то время въ замкѣ (нынѣ находящейся внѣ онаго), какъ полагаемъ со времени устройства новаго дворца Вишневецкимъ княземъ Михаиломъ Серваціемъ около 1725 и 1727 г. — послѣ разоренія м. Вишневца 1672 г. турками. См. Podole, Wołyń, Ukraina t. I, str. 40 sn. 1. тамъ же стр. 46 и 47.

67) Ром. Мар. Мниш. ч. 1, стр. 187 и 188.—Эти дары цѣнили въ 200,000 червоныхъ. см. Гревенбуха 32. и Пясец. 223.

брату своему, сыну, князю Вишневецкому и другимъ панамъ,—самъ сочинялъ церемоніялъ, осматривалъ экипажи и проч. 68).

Но вотъ настало и самое путешествіе въ Москву; Марина ѣхала въ богато-убранной каретѣ, на имперіалѣ которой возвышался вызолоченный гербъ Мнишковой фамиліи. Воевода сендомирскій хотѣлъ ознаменовать это путешествіе всевозможною пышностію. Марина ѣхала между рядами войска конницы и пѣхоты тихо и величественно. Братъ и сынъ воеводы, князь Вишневецкій и каждый изъ знаменитыхъ пановъ имѣли свою дружину военную. Такъ путешествіе продолжалось до самой Вязьмы; а здѣсь, оставивъ Марину, сендомирскій воевода, братъ его, сынъ и князь Вишневецкій поспѣшили напередъ въ Москву для нѣкоторыхъ предварительныхъ переговоровъ о бракѣ 69). Здѣсь Лжедимитрій велѣлъ приготовить для гостей богатый обѣдъ, за которымъ однакожъ самъ не сидѣлъ рядомъ, и приказалъ воеводѣ, сыну его и князю Вишневецкому подать золотыя тарелки; на балѣ вечеромъ, играли польскіе музыканты, сынъ воеводы и князь Вишневецкій танцовали въ императорскомъ московскомъ дворцѣ, а самъ Лжедимитрій забавлялся перемѣною одеждъ, являясь ежеминутно—то рускимъ щеголемъ, то венгерскимъ гусаремъ и проч. 70)... Между тѣмъ Марина приблизилась къ Москвѣ. Слѣдя со вниманіемъ за поведеніемъ Лжедимитрія, Москва уже начинала думать думу и хмурить чело. Волненіе и ропотъ ея становилось съ часу—на часъ сильнѣе и сильнѣе, такъ, что наконецъ, не было сословія, которое благопріятствовало бы Лжедимитрію, бояре негодовали на самозванца за пошлыя насмѣшки его надъ ихъ обычаями и грубоватостью, духовенство было озлоблено отнятіемъ у монастырей помѣстьевъ и пристрастіе самозванца къ латынству, народъ не могъ примирить, по тогдашнимъ понятіямъ, съ идеею царя его воинскихъ и не воинскихъ потѣхъ,—разгульной его жизни, его сарказмовъ надъ вѣками освященными обычаями и проч. 71).—Къ тому же распространеніе слуховъ между наро-

---

68) Ром. Мар. Мниш. ч. II, стр. 37.

69) Тамъ-же ч. II, стр. 44—49.—Ист. Госуд. Рос. Карамз. т. XI, стр. 149.

70) Ист. Госуд. Рос. Карамз т. XI стр. 149.

71) Русская Исторія Устрялова; часть II, отдѣлъ III, стр. 135 и 136.

дамъ о принятіи царомъ латинской вѣры съ цѣлію ввести ее и въ цѣломъ Московскомъ государствѣ,—предпочтеніе самозванцемъ польскихъ вельможъ—увеличили общее негодованіе народа. Однимъ словомъ — мятежъ готовъ былъ вспыхнуть противъ самозванца при малѣйшемъ противудѣйствіи его духу—народному. Это обнаружилось при появленіи Марины Мнишковны въ Москвѣ съ 2000 поляковъ, озлобившихъ народъ дерзкимъ своеволіемъ, непомѣрною гордостію и оскорбленіемъ святыни *). Потерявшій терпѣніе народъ, предводимый Василіемъ Шуйскимъ вломался 27 мая въ Кремль и разтерзалъ самозванца. Марина, отецъ ея и родственники едва избѣгли смерти и заключены въ темницы, — а многихъ поляковъ постигла смерть среди площади, вмѣстѣ съ самозванцемъ 72)... По убіеніи самозванца, Мнишекъ и Вишневецкій рѣшились защищаться вооруженною силою. Послѣдній сражался съ народною толпою двое сутокъ. Наконецъ москвичи подвезли подъ домъ его пушки—и, конечно, деревяный домъ не могъ бы выдержать осады; Вишнивецкому грозила погибель, но онъ избавился на честныхъ условіяхъ 73).

Впрочемъ борьба Константина Вишневецкаго за самозванца нисколько неудивительна. Извѣстно, что предъ смертію своею Лжедимитрій сообщилъ князю Константину Вишневецкому свое намѣреніе распространить въ Россіи католическую вѣру, истребивъ сначала бояръ, для чего и сдѣлано было имъ распоряженіе поставить за городомъ пушки (будьто бы для потѣхи),—и что первѣйшіе должности будутъ поручены Вишневецкимъ, сендомирскимъ и ихъ друзьямъ 74).

*) Самозванецъ вѣнчался 8 мая въ четвертокъ противъ Николина дня. Разсказы про старое время на Руси Петра Ильскаго; стр. 160.

72) Рус. Ист. Устр. ч. II стр. 136.

73) Нѣсѣцкій т. IV. стр. 550 и 551. Исторія говоритъ, что въ это время Вишневецкій непременно былъ бы убитъ, если бы самъ В. Шуйскій не спасъ его. Видя что подступаютъ пушки къ дому, въ которомъ находился Вишневецкій, Шуйскій вошелъ въ него, и поцѣловалъ Вишневецкаго въ знакъ безопасности послѣдняго и увидѣвъ множество русскихъ убитыми, заплакалъ. Въ это время Вишневецкій выведенъ былъ изъ дома Вас. Шуйскимъ въ одномъ жупанѣ. Примѣч. 558. Ист. Госуд. Рос. стр. 557.

74) Ист. Госуд. Рос. Карамз. т. XIII. примѣч. 9.

Но Сигизмундъ, Вишнивецкіе и Мнишки и по смерти самозванца, не остановили своихъ притязаній на московскій престолъ... Казна Московскаго государства мерещилась имъ и во снѣ, и на яву; а честолюбіе увлекало ихъ на путь борьбы, и они не переставали тревожить Россію.

1608 г. 23 сентября князь Константинъ Вишневецкій, вмѣстѣ съ другими польскими вельможами, явился подъ стѣнами Троицко-Сергіевой лавры съ 30,000 войска и на другой день осадилъ ее. Эта осада продолжалась годъ и четыре мѣсяца и не только выдержала всѣ нападенія поляковъ, но даже подкрѣпляла и Москву, также осажденную въ то время поляками, доставляла туда съѣстные припасы, военные снаряды и денежныя пособія 75). Константинъ Вишневецкій лишилъ Троицко-Сергіевскій монастырь воды, задержавъ ее на Климентовскомъ полѣ,—и тѣмъ самимъ много способствовалъ къ стѣсненію жизни, находившихся въ осадѣ монаховъ и стрѣльцовъ, между которыми явились смертоносныя болѣзни.

1609 г., послѣ бѣгства II самозванца и Марины въ Калугу, а именно 29 декабря, положенъ совершенный конецъ троицко-сергіевской лаврской осадѣ, послѣ чего Россія на время успокоилась, и по изгнаніи Тушинскаго вора избрала себѣ 1613 г. на московскій престолъ законнаго государя Михаила, изъ дома Романовыхъ, потомки коего счастливо царствуютъ и по настоящее время 76).

1609 г. около того времени когда самозванецъ Тушинскій бѣжалъ въ Калугу съ Мариною, признавшею его въ 1603 году своимъ мужемъ, Василій во св. крещеніи называемый Адамъ Вишневецкій, въ своего супругою Александрою Ходкевичевой составили духовное завѣреніе, въ коемъ повелѣли, дабы основанные ими монастыри въ Брагинѣ мужескій и въ томъ же имѣніи женскій, первый во имя Преображенія, а послѣдній во имя Благовѣщенія,—всегда принадлежали монахамъ православнаго исповѣданія 77).

Послѣ описанныхъ происшествій, о м. Вишнивцѣ и князьяхъ его, исторія мало говоритъ.

---

75) Восп. Энцикл. Лексик. ч. 1, стр. 46 и 47.

76) Рус. ист. Устр. ч. II, стр. 143.—Ист. Госуд. Рос. т. XII, стр. 59.—также примѣч. 241.

77) Вѣст. зап. Рос. за 1863 г. книга IV, отд. 1.

Въ 1632 году Вишневецкіе, бывшіе дотолѣ православнаго исповѣданія, являются теперь гонителями древней религіи предковъ и притѣснителями православныхъ. Кіевскій митрополитъ, Исаія Копинскій, писалъ къ московскому патріарху Филарету Никитичу о претерпѣваемыхъ тамошними православными гоненіяхъ отъ римскихъ католиковъ и просилъ у него защиты и ходатайства. Гоненіе это по письму митрополита простиралось до того, что въ густинскомъ монастырѣ, основанномъ нѣкогда благочестивыми князьями Корибутами - Вишневецкими, потомки которыхъ въ XVII столѣтіи отступили отъ православія,— было расхищено все имѣніе, вся архіерейская ризница разграблена, многіе монахи этого монастыря безчеловѣчно были мучимы гонителями православія; жесточайшимъ изъ нихъ явился Константинъ Вишневецкій, измѣнникъ православію, и племянникъ его Михаилъ, который впослѣдствіи избранъ польскимъ королемъ.

При такомъ положеніи православной вѣры и народности, митрополитъ Исаія, воспріемникъ и воспитатель Михаила Вишневецкаго при жизни его благочестивыхъ родителей,—теперь долженъ былъ посылать къ патріарху своихъ иноковъ „сокровеннѣ и тайнѣ ради зѣльныя боязни отъ супостатъ" (такъ именуетъ онъ р. католиковъ) и проситъ для нихъ на обратномъ пути проводниковъ „для ради боязни стрегущихъ напути" 78). Впрочемъ нѣкоторые факты показываютъ, что Вишневецкіе еще не всѣ въ XVII столѣтіи отпали отъ вѣры своихъ предковъ. Такъ, 24 февраля тогоже года княгиня Вишневецкая Христина подписала грамоту на отдачу игуменіи Олимпіадѣ Рогозянкѣ и инокамъ спасскаго и благовѣщенскаго монастырей, гдѣ прямо говорится, что по этой дарственной записи имѣніями этихъ монастырей должны пользоваться иноки, инокини только православнаго исповѣданія 79).

Съ 1634 г. по 1651 г., включительно, главную роль изъ Вишневецкихъ князей игралъ князь Іеремія, сынъ Михаила III. Онъ происходилъ отъ православныхъ родителей; отецъ его Михаилъ исповѣдывалъ вѣру православную до конца жизни своей и умеръ въ Вишнивцѣ, гдѣ гробъ его можно видѣть и теперь

78) Вѣст. зап. Рос. за 1866 г. отдѣлъ 1, стран. 49.
79) Вѣст. зап. Рос. за 1863 г. кн. III, отд. 1, стр. 55.

ять древней православной Вознесенской церкви. Самъ Іеремія также былъ сначала православнымъ, но отданный для воспитанія своимъ дядей въ львовскую іезуитскую академію, ловкими учениками Лойолы совращенъ въ латинство 80). Впослѣдствіи Іеремія сдѣлался такимъ ревностнымъ исполнителемъ р. католичества, какъ будто всѣ папы, ксендзы и кардиналы вдохнули въ него свою душу 81)...

Въ молодости своей Іеремія путешествовалъ по Европѣ и возвратился въ 1634 г. въ свое отечество. Владѣя огромными имѣніями въ Червоной Руси, на Волыни и въ Украйнѣ, особенно въ нынѣшней Полтавской губерніи *), онъ, по совѣту іе-

---

80) Богд. Хмѣльницкій ч. 1, стр. 169.

81) См. примѣчаніе 54 къ поэмѣ Великіе проводы. Журналъ Основа 1862 мцъ январь.

*) Регистръ имѣній и хозяевъ осѣдлыхъ, подданныхъ князя Іереміи, изъ оригинальнаго инвентаря,—выписанный изъ рукописи князя Михаила Вишневецкагó К. В. В. К. Л. В. В.— Изъ черно-Островской библіотеки на Подолѣ.

			Счетъ хозяевъ.			*Счетъ мельницъ.*
Лубны.	—	—	2646.	—	—	40.
Хороль.	—	—	1297.	—	—	8.
Горошинъ.		—	107.	—	—	11.
Лукомль.	—	—	504.	—	—	—
Орчица.	—	—	91.	—	—	—
Буромль.	—	—	158.	—	—	6.
Іереміевка.		—	327.	—	—	—
Жуланинъ.		—	312.	—	—	9.
Чигиринъ, Дуброва.			137.	—	—	6.
Пырятинъ.		—	1749.	—	—	38.
Бѣло-Шапки.		—	374.	—	—	3.
Дейрзбы-край.		—	318.	—	—	—
Злотоноша.		—	273.	—	—	13.
Пѣсчана.	—	—	230.	—	—	8.
Домонтовъ.		—	243.	—	—	5.
Прилуки.	—	—	366.	—	—	36.
Полтава.	—	—	812.	—	—	11.
Монастырище.		—	939.	—	—	12.
Гака.	—	—	824.	—	—	6.
Журавка.	—	—	474.	—	—	16.
Гродня.	—	—	312.	—	—	12.
Гмировка.	—	—	135.	—	—	2.
Ична.	—	—	1494.	—	—	3.

зуитовъ принялся съ жаромъ вводить въ этихъ мѣстахъ и со предѣльныхъ съ ними латинство; построилъ въ Прилукахъ доминиканскій монастырь, костелы въ Лубнахъ, Ромнѣ, Лохвицѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ; поощралъ единоземцевъ, переходившихъ въ латинство разными способами и жестоко гналъ схизматиковъ (такъ называли поляки православныхъ).

Иваны.	—	—	336.	—	—	3.
Голонка.	—	—	304.	—	—	2.
Красне.	—	—	995.	—	—	4.
Липова.	—	—	381.	—	—	9.
Кропивна.		—	184.	—	—	—
Самборгъ.		—	198.	—	—	—
Грицовъ.		—	1264.	—	—	16.
Варва.	—	—	2037.	—	—	21.
Переваточна.		—	426.	—	—	10.
Сикирина.		—	128.	—	—	12.
Себрна.	—	—	1830.	—	—	11.
Чериголь.	—	—	944.	—	—	9.
Снитенка.	—	—	436.	—	—	14.
Воронки.	—	—	145.	—	—	1.
Мнока.	—	—	285.	—	—	3.
Куренка.	—	—	346.	—	—	24.
Лохвиця.	—	—	3325.	—	—	35.
Пискы.	—	—	349.	—	—	6.
Сѣнча.	—	—	1403.	—	—	31.
Комишна и Ручинцы.			1194.	—	—	9.
Гмутки.	—	—	446.	—	—	8.
Сергевка и Радышевка.			214.	—	—	—
Царо-бродъ.		—	104.	—	—	2.
Липовка Низша.		—	150.	—	—	2.
Край городъ.		—	137.	—	—	—
Опамашовка.		—	17.	—	—	—
Толаевка.	—	—	66.	—	—	—
Роменъ.	—	—	6000.	—	—	—
Мощна.	—	—	1400.	—	—	—
Корибутовъ.		—	600.	—	—	—
Кулигороды.		—	80.	—	—	—

Сумма хозяевъ 39,610. Мельничн. камней 423.

Примѣчаніе. Каждый изъ тѣхъ хозяевъ, желавшій быть свободнымъ отъ барщины, долженъ былъ давать по пять таляровъ въ годъ; мельники же отъ каждаго камня въ мельницѣ, по два червоныхъ злотыхъ; кромѣ того корчма и вообще питейные домы, были доходомъ князя; а фольварки были отдѣльно. См. Podole, Wołyń, Ukraina, Przezdzeckiego, t. 1, str. 41—44.

Такой фанатизмъ Іереміи чрезвычайно нравился полякамъ и р. католическому духовенству. Но кромѣ фанатизма Іеремія поддерживалъ къ себѣ уваженіе и другими качествами: онъ, говорятъ поляки, съ молодости не зналъ ни Бахуса, ни Венеры, съ твердостію переносилъ лишенія и велъ простой образъ жизни; честолюбивый, ласковый съ низшими, онъ содержалъ толпы бѣдныхъ шляхтичей и значительное войско на своемъ иждивеніи—войско, которое отъ ноги было къ нему привязано 82).

Іеремія Вишнивецкій былъ отличный полководецъ, и въ тоже время тиранъ, неумолимый ко врагамъ. Во время войны съ русскими, онъ разорялъ великороссійскія укрѣпленія, города и села,— за что прозвали его *памюнъ*. Еще большую жестокость оказывалъ онъ надъ казаками послѣ укрощеніи мятежей; самыя ужасныя казни выдумывалъ онъ для нихъ и чрезъ то пришелъ въ крайнее омерзеніе у русскихъ. Особенно ненавидѣло его духовенство и возбуждало даже противъ него народъ, какъ противъ отщепенца и измѣнника. Неразъ жизнь Іереміи находилась въ опасности; но лишь только удавалось освободиться ему отъ бѣды, онъ не думалъ, подобно другимъ, усмирять недовольныхъ ласкою. Іеремія не терпѣлъ двуличной политики; откритый во враждѣ и дружбѣ, онъ держался правила истреблять безъ милосердія всѣхъ враговъ 83).

Іеремія прежде всѣхъ и болѣе всѣхъ нападалъ на козаковъ, за что сіи послѣдніе питали къ нему чрезвычайную злобу и, при первомъ случаѣ, готовы были умертвить его 84).

1638 г. польскій король, паны и ксендзы подняли самое изувѣрское гоненіе противъ православія; въ главѣ ихъ стоялъ кн. Вишнивецкій. Въ это время ляхи предприняли твердое намѣреніе, истребить православіе въ цѣлой Литвѣ, православныя церкви обратить въ костелы и книги русскія уничтожить 85). Крестьяне, ободряемые своими пастырями, не соглашались переходить изъ православія въ латинство и говорили, въ порывѣ негодованій, что они согласнѣе пристать къ татарамъ и каль-

82) Богданъ Хмѣльн. ч. 1, стр. 169 и 170.
83) Богданъ Хмѣльн. ч. 1, стр. 170.
84) Ист. Малорос. (за 18⁶⁵/₆₆ гг. кн. IX, отд. 1, стр. 11 и 12) ч. 1, стр. 192.
85) Вѣст. зап. Рос. за 18⁶⁵/₆₆ гг. кн. IX, отд. 1, стр. 11 и 12.

винамъ, нежели перейдти въ латинство. Почему Вишневскій въ своей исторіи литературы (т. VIII, стр. 319), замѣчаетъ: что „Sement Smotrickiego wielkie na Russi zrobił wrażenie; Volimy do Meczetow tatarskich raczéj do zborów kalwinskich, niż skosciołem Rżymskim lo jedności,“ takie słyszyć się dowały, dzies się w mniejszosci znalezli 86).

1639 г. Князь Іеремія Вишнивецкій первый разъ имѣлъ стычку съ казаками при р. Мерлѣ, въ Слободско-украинской губерніи, одержалъ надъ ними верхъ и прогналъ ихъ, вмѣстѣ съ предводителемъ Карпомъ, такъ названнымъ, Полтора-Кожуха 87).

1648 г. Іеремія Вишнивецкій въ свою очередь, потерпѣлъ пораженіе отъ козаковъ; вслѣдствіе чего въ скоромъ времени поднялъ оружіе противъ нихъ и произвелъ ужасное кровопролитіе въ Польшѣ 88).

Когда Хмѣльницкій поднялъ войну противъ Вишневецкаго, Іеремія находился тогда въ Лубнахъ, любимомъ своемъ имѣніи. Въ это время крестьяне, услыхавъ о возстаніи казаковъ оставили все и бѣжали къ Хмѣльницкому. Вишнивецкій собралъ 6000 войска 89), (а по другимъ до 8000) изъ шляхтичей, жившихъ въ его имѣніяхъ, разсѣялъ козацкіе загоны и всѣхъ попадавшихся ему въ руки казнилъ съ неимовѣрною жестокостію. Въ каждомъ городѣ и селѣ ставили на рынкахъ висѣлицы, виновныхъ вѣшали, сажали на колъ, рубили имъ головы и проч. Уничтожая такимъ образомъ дружины козаковъ, Вишневецкій дошелъ почти до Переяславля и намѣревался уже перейдти на другую сторону Днѣпра, чтобы поспѣшить на помощь Потоцкому: но услыхавъ, что Переяславль возмутился и Кривоносовъ, посланный Хмѣльницкимъ, съ 10000 готовился поразить его,— возвратился назадъ. Недалеко отъ Берестечка, явились къ нему шесть козаковъ съ письмомъ отъ Хмѣльницкаго, въ коемъ предводитель козаковъ извѣщалъ князя о пораженіи гетмановъ польскихъ подъ Корозномъ и просилъ не оскорбляться этимъ и

86) Michał Wiszniwieckiy t. VIII str. 258—405. См. Вѣст. за Рос. за 1863 г. кн. III, отд. II, стр. 165.

87) Ист. Малорос. Бант. Кам. ч. I, стр. 192, см. еще Малор. лѣтопись.

88) Тамъже ч. I, стр. 192.

89) Лѣтоп. событ. въ югозап. Рос. въ XVII вѣкѣ. Самуила Величка т. I, стр. 94.

не предпринимать более непріязненныхъ дѣйствій противъ русскихъ 90). Вишнивецкій, вмѣсто отвѣта, приказалъ немедленно посадить на колъ пословъ Хмѣльницкаго; этотъ приговоръ исполненъ былъ на дорогѣ между Войтовымъ и Филипповымъ 91). Побрякивая саблею, Вишнивецкій говорилъ своимъ приверженцамъ: „вотъ чѣмъ слѣдуетъ усмирять козаковъ"—и хотѣлъ было напасть на нихъ, но, узнавши тутъ же, что казаки собрались подъ Лубнами, князь поспѣшилъ назадъ, ибо въ Лубнахъ оставалась жена его Гризельда, дочь Ѳомы Замойскаго, которую онъ нѣжно любилъ. Между тѣмъ возстаніе разгорялось часъ отъ часу все болѣе и болѣе, такъ что положеніе самаго Вишневецкаго дѣлалось опаснымъ, тѣмъ болѣе, что изъ дружины его осталось уже только 3000. Собравшись наскоро, Вишневецкій, вмѣстѣ съ семействомъ, выѣхалъ изъ Лубенъ со слезами на глазахъ 92). Онъ хотѣлъ переправиться чрезъ Днѣпръ и идти на Кіевъ; но встрѣтивъ къ тому важныя препрятетвія, направился къ Любечу и здѣсь, переправившись чрезъ Днѣпръ, отправилъ княгиню съ сыномъ въ Вишневецъ чрезъ Полѣсье, при вооруженной стражѣ, со множествомъ обоего пола, спасавшихся отъ возстанія 93); а самъ остался на нѣсколько дней въ Житомірѣ, куда собралось много пановъ и шляхтичей на сеймъ. Поддержавши здѣсь своимъ примѣромъ и увѣщаніями духъ шляхтичей, Вишневецкій увеличилъ свой отрядъ новыми охотниками, далъ ему правильное устройство и, при содѣйствіи воеводы кіевскаго Тышкевича, сдѣлалъ постановленіе о сборахъ съ каждаго повѣта для содержанія войскъ; а пока нужныя деньги могли быть собраны, далъ заимообразно собственныхъ нѣсколько тысячь злотыхъ 94).

---

90) Богд. Хмѣльн. ч. I, стр. 171 и 172.—Памятн. Кіевской комиссіи I. III. XXVI. Liatop. jed. 16, 1, 3, 157. Лѣтоп. Велич. 1, 30. Пам. Кіев. ком. 1, 3, 39.

91) Лѣт. событ. въ Югозап. Рос. въ XVII вѣкѣ соч. Величко т. I, стр. 78 и 79.

92) Богд. Хмѣл. ч. I, стр. 172. Лѣт. Вел. т. I, 79 см. отд. IV, 22 Лѣт. Вел. 1 94.—Ист. о призрѣн. брат.

93) Лѣт. соб. Югозап. Рос. Сам. Велич. изд. 1851 г. Кіевъ т. I, стр. 95.

94) Богданъ Хмѣльн. часть I, стр. 173. — Лѣт. Велич. 1 25. Ист. о призрѣн. брат.— Derb. Gest. Contr. cos. 57 poch hrjen sławy Liatop. šczd. 1 67.

Пока Вишнивецкій сдѣлалъ эти приготовленія къ борьбѣ съ казаками Кривоносъ началъ уже свои военныя дѣйствія опустошеніемъ нѣсколькихъ помѣстій своего противника, гдѣ умертвилъ 15,000 р. католиковъ и жидовъ.

Узнавши объ этомъ, Іеремія бросился въ глубину Украины праваго берега. Въ Погребницахъ жители составили гайдамацкій загонъ, куда собрались изъ другихъ сосѣднихъ селъ крестьяне, ободряемые священниками 96). Вишневецкій напалъ на нихъ нечаянно и всѣ они попались въ его руки... Князь сажалъ всѣхъ безъизятія на колъ, тиранилъ, мучилъ виновныхъ и невиновныхъ, а особенно священниковъ, по замѣчанію лѣтолѣтописца „ничтоже согрѣшшимъ:“ послѣднимъ даже просверливали буравомъ глаза 97)... Вышедши изъ Погребища, князь очутился среди разгаря возстанія. Опъ послалъ шляхтича Барановскаго въ Немировъ, бывшій въ его имѣніи, требовать для войска провіанта, а самъ остановился въ Ободномъ. Но Барановскій, подошедши къ городу, увидѣлъ, что ворота заперты „немировскіе пьяницы и повѣсы,“ какъ называетъ ихъ лѣтописецъ, вышли на валъ и закричали: „идите прочь! тутъ уже нѣтъ лядскаго духа: не знаемъ мы твоего пана, есть у насъ другой панъ Хмѣльницкій...“ 98). Съ такимъ отвѣтомъ Барановскій возвратился и передалъ его своему князю. Послѣдній, узнавъ, что рабы его болѣе не повинуются ему, тотчасъ съ своею дружиною отправился подъ Немировъ; но городъ по прежнему оставался запертымъ; тогда вишневцы пробили деревяныя стѣны, выдернули колья и ворвались въ Немировъ. Увидавъ княжескую дружину, жители пришли въ отчаяніе и не знали что дѣлать... Священники сами били въ набатъ и одушевляли всѣхъ къ защитѣ... Мѣщане и казаки, дѣйствительно, стали защищаться отчаянно и многіе изъ нихъ пали на мѣстѣ; а другіе, видя невозможность противостать княжеской

---

96) Богданъ Хмѣл. ч. I, стр. 173.

97) Тамъ же стр. 174.—Лѣт. Велич. 1, 95. Pamiętniky o wojn. Kozack. za Chmielnik. 12. Wojn. Dom. 1 17. Ист. о призрѣн. братпамят. Кіев. Ком. 1 3 157.

98) Богданъ Хмѣл. ч. I, стр. 174.—Pamiętm. Wojn. Kozack. za Chmiel. 12, Лѣт. Велич. 1 95.

дружинѣ, побросали оружіе и попрятались въ погребахъ и на чердакахъ домовъ. Князь въѣхалъ въ Немировъ... „подайте мнѣ кричалъ онъ, виновныхъ!“ и на другой день приказалъ явиться на площади цѣлому городу. Тогда началась ужасная сцена: „палачей!—палачей!“—закричалъ разъяренный Вишневецкій и приказывалъ мучить всѣхъ поголовно: немировцамъ вырывали глаза, распинали, растесывали ихъ по поламъ, сажали на колъ, обливали кипяткомъ и, вообще, изобрѣтали такія муки, какихъ по замѣчанію лѣтописца, и поганые не могли выдумать 99). Вишневецкій присутствовалъ при казняхъ и находилъ въ нихъ какое то звѣрское удовольствіе: „мучьте ихъ такъ, чтобы они чувствовали что умираютъ, кричалъ онъ въ изъступленіи!“

На другой день утромъ князь приказалъ оставшимся въ живыхъ сойтись и сказалъ: „виновные казнены! я васъ прощаю; служите мнѣ вѣрно и узнаете мою милость!“ Послѣ сего, забравши провіантъ, князь уѣхалъ, оставивъ въ Немировѣ 200 драгуновъ. Но едва немировцы отерли слезы,—снова начали сноситься съ казаками и умоляли ихъ поспѣшить на помощь, а когда послѣдніе, появились, отперли имъ ворота. Драгуны думали сопротивляться; но только одинъ изъ нихъ спасся, а прочіе всѣ погибли подъ рукою козаковъ; немировцы единодушно признали своимъ господаромъ Хмѣльницкаго.

Услышавъ о новой измѣнѣ немировцевъ, князь Вишневецкій сказалъ: „теперь я накажу ихъ такъ, что и свѣтъ не слыхалъ подобной кары 100)“—и велѣлъ направиться войскамъ на Немировъ. Но немировцы на этотъ разъ спаслись: на дорогѣ прискакалъ къ Іереміи Тышкевичъ и донесъ ему, что Кривоносъ, разграбивши нѣсколько имѣній князя, уже ворвался въ его имѣніе Махновку. Іеремія немедленно подступилъ къ Махновкѣ 101), въ которой ворота и стѣны уже были разрушены до его прихода. Вишневецкій сталъ тѣснить пѣхоту, увидѣвъ помощь, жолнеры, бывшіе въ замкѣ, стали напирать сильнѣе, какъ вдругъ на Вишневецкаго стылу бросается самъ Кривонос

99) Богданъ Хмѣл. ч. I, стр. 176.

100) Богд. Хмѣл. ч. I, стр. 176. — Pamiętn. o Wojn. Kozac. za Chmiel. 12. Ист. о призр. бр. Histor ab. exe. Wład. IV. 22.

101) Богд. Хмѣл. ч. I, стр. 177.

съ конницей, началъ лично гоняться за Вишневецкимъ съ копьемъ и чуть было не прокололъ его. Іеремія долженъ былъ отступить назадъ и благодарилъ Бога, что не погибъ въ битвѣ совсѣмъ своимъ товариществомъ 102).

На другой день Іеремія хотѣлъ было поправить свои обстоятельства, но, по совѣту Тышкевича, остался въ бездѣйствіи, чтобы не попасть въ большую бѣду 103): вслѣдствіе чего Вишневецкій удалился отъ Махновки въ Грицевъ на отдыхъ и отсюда имѣлъ идти въ Збаражь; какъ вдругъ разогнанная толпа шляхтичей прибѣжали къ Іереміи въ Грыцевъ съ просьбою, чтобы онъ оказалъ имъ помощь. Вишневецкій отвѣтствовалъ, что у него нѣтъ войска, что его люди крайне изнурены, а между тѣмъ послалъ къ Корецкому и Осинскому съ приглашеніемъ биться съ непріятелемъ. Послѣдніе отвѣтствовали, что не имѣютъ гетманскихъ приказаній; но вслѣдъ за тѣмъ, боясь прогнѣвать Вишневецкаго, поспѣшили къ нему, прося прощенія, что не явились тотчасъ 104).

Опустошивъ многія имѣнія поляковъ и разбивъ ихъ на голову, Кривоносъ обратилъ затѣмъ силы свои на старый Константиновъ и нечаянно встрѣтился съ Вишневецкимъ не далеко отъ города 25 іюля при какомъ то прудѣ, чрезъ который шла плотина. Видя приближающагося къ нему съ немалою силою непріятеля Вишневецкій употреблялъ хитрость: онъ поставилъ спереди конницу, а сзади отрядъ драгуновъ и отрядъ пѣшихъ. Кривоносъ думалъ, что будетъ имѣть дѣло только съ небольшимъ отрядомъ конницы и уже мечталъ взять въ плѣнъ самаго Вишневецкаго: но сей послѣдній съ засадою устремился на козаковъ и загналъ ихъ до самаго Табора, откуда, впрочемъ вынужденъ былъ отступить 105) и самъ.

На другой день Вишневецкій опять обманулъ Кривоноса: поставленный спереди плотины небольшой отрядъ побѣжалъ, какъ будто въ испугѣ и сталъ отступать къ тѣмъ, что были

---

102) Лѣт. опис. соб. въ Югозап. Рос. въ XVII вѣкѣ Сам. Вел. т. I, стр. 96 и 97.

104) Богд. Хмѣл. ч. I, стр. 179 и 180. Лѣт. Велич. 1. 95. Pamięt. o Wojn. Kozac. za Chmiel. 15. Ист. о призр. брат. Wojn. Dam. z. 1, 18. Liatop. jed derebus detis contra cos 59—61 Poch Wojn.

105) Богд. Хмѣл. ч. I, стр. 181 и 182.

за плотиною. Русскіе думали перебить ихъ и устремились на нихъ со всею силою, какъ вдругъ Вишневецкій приказалъ оборотиться своимъ войскамъ въ лице и поподчивать ихъ оловяными пилюлями 106).

Въ этомъ двудневномъ сраженіи Вишневецкій отобралъ у Кривоноса 4 пушки, положилъ нѣсколько старшинъ и взялъ 27 значковъ, съ потерею и своихъ воиновъ до 4000 и до 18 хоругвей 107).

Послѣ сего похода Вишневецкій отправилъ свою армію въ Тульчинъ, а самъ съ легкимъ войскомъ обратился къ Константинову: но услыхавъ, что его жена ушла изъ Вишневца въ Збаражь, самъ туда поспѣшилъ, оставивъ гайдамакъ спокойно продолжать разграбленіе 108).

Узнавъ, что Вишневецкій удалился въ Збаражъ, Кривоносъ, по приказанію Хмѣльницкаго, отправился на Варъ 109); но, не имѣя достаточныхъ силъ для взятія этого укрѣпленнаго города, Кривоносъ прибѣгъ къ слѣдующей хитрости: онъ велѣлъ своимъ козакамъ перевязать ночью въ кули множество соломы и сѣна, намочить ихъ нѣсколько водою и зажечъ. Такимъ образомъ произведенный мокрою соломою съ сѣномъ дымъ затмилъ городскій валъ, бывшій тогда подъ вѣтромъ, и когда жители обратились съ войсками къ мѣсту пожара, для обороны строеній и отряженія непріятеля, Кривоносъ вошелъ на валъ, противною стороною и овладѣлъ городомъ 110). По занятіи города казаки перебили множество шляхтичей, духовныхъ, а особенно іезуитовъ и жидовъ, такъ, что число погибшихъ жидовъ, по сказанію историковъ, простиралось до 15,000, 111).

Когда Вишневецкій находился въ Збаражѣ, соотечественники его разсуждали о спасеніи отчизны, вели переговоры, со-

---

106) Тамъ же, страница 183.

107) Описаніе соб. Югозап. Рос. въ XVII стол. Самуил. Вел. т. I, стр. 97.

108) Богд. Хмѣл. ч. I, стр. 184 и 185. Лѣтоп. Вел. 1, 27. Ист. о призр. бр. Anna 1. Clin. 1. 51.

109) Богд. Хмѣл. ч: I, стр. 185.

110) Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. I, стр. 192. Ист. Руссовъ.

111) Тамъ же, стр. 186. Лѣт. описаніе въ Югозап. Рос. въ XVII стол. Велич. т. I, 99.

ставляли сеймы и, между прочимъ, избрали Заславскаго предводителемъ польскихъ войскъ 112).

Вообще, какъ Іеремія ни славился своими воинскими подвигами, какъ много ни обѣщали его дарованія; но магнаты не любили его: это объясняется тѣмъ, что Іеремія былъ чрезвычайно высокомѣренъ, не терпѣлъ равнаго, раздражался при малѣйшемъ признакѣ неуваженія къ нему и былъ хорошъ только съ тѣми, которые въ немъ нуждались 113).

Вишневецкій, будучи еще въ Збаражѣ и узнавши о невниманіи къ нему сейма, разсердился, что ему не дали начальствовать, въ то время, когда онъ, отражавшій козаковъ среди всеобщаго оцѣпѣненія, считалъ себя достойнѣе всѣхъ. Чтобы показать соотечественникамъ своимъ, что онъ не на столько нуждается въ нихъ, на сколько они въ немъ, Іеремія собралъ свое собственное войско изъ 12000 и сталъ лагеромъ подъ Константиновомъ, намѣреваясь дѣйствовать отдѣльно 114). Узнавъ о станѣ Іереміи многіе изъ воиновъ Заславскаго убѣжали къ нему подъ Константиновъ 115).

Вишневецкій напалъ на козаковъ близъ Пилявы и одержалъ верхъ надъ ихъ вождями Кривоносомъ и Пульяномъ, которыхъ и посадилъ на колъ 116). Вслѣдствіе чего Хмѣльницкій отправилъ толпу вооруженныхъ крестьянъ подъ начальствомъ полководца Остапа и Ганяси, кои произвели ужасное опустошеніе въ Польшѣ. Остервенѣніе доходило до того, что тѣла убитыхъ бросали на снѣденіе псамъ. Князью Янушу Четвертыньскому подъ Тульчиномъ отрубили голову, а женою его завладѣлъ Остапъ. Впрочемъ, какъ ни были страшны для Польши сіи враги, Вишневецкій истребилъ и ихъ въ скоромъ времени 117).

---

112) Богд. Хмѣл. ч. I, стр. 213.

113) Тамъ же. стр. 196 и 197.

114) Тамъ же, стр. 213.—Hist. bellicos polon. 72.

115) Богданъ Хмѣл. ч. I, стр. 214.

116) Прим. къ I, ч. Ист. Мал. 280, стр. 58 и 59. Истор. Мал. Рос. часть I, стр. 219. Рудавск. стр. 22. Нѣсѣцк. т. IV, стр. 547. Енгель стр. 148, примѣч. къ I т. Ист. Мал. Рос. 280, стр. 58 и 59.

116) Прописаный уже на оборотѣ сей стран. при 115 сноскѣ.

117) Ист. Мал. Рос. часть I, стр. 219. Рудельскій стр. 22. Несѣцкій т. 4, стр. 547.—Малорос. Лѣт. Енгель 148.

Тогда, видя невозможность побѣдить Вишневецкаго собственною силою, Хмѣльницкій обратился къ своему союзнику хану-крымскому, чтобы сей послѣдній помогъ ему въ трудныхъ обстоятельствахъ; ханъ изъявилъ готовность помочь Хмѣльницкому. Вишневецкій, предвидя неудачу, просилъ Заславскаго, стоявшаго тогда лагеремъ у Пилявы (Подол. губерніи), чтобы онъ напалъ на козаковъ да соединенія ихъ съ татарами; но, съ другой стороны, Кисель совѣтывалъ ему помедлить.

Пока происходила рада, крымцы приблизились къ козакамъ, завладѣли двумя польскими замками и укрѣпились за болотами. Въ скоромъ времени слухъ о прибытіи самаго хана, съ многочисленнымъ войскомъ, поселилъ страхъ въ польскихъ военачальникахъ 118). Заславскій, по совѣту пановъ, самъ удалился къ Вишневецкому; но и Вишневецкій, на этотъ разъ, и самъ былъ не въ лучшемъ положеніи. Видя что Заславскаго войско, привыкшее къ пышности, будетъ только мѣшать ему, Вишневецкій прекратилъ связь съ Заславскимъ и хотя стоялъ недалеко отъ главнаго лагера, но дѣйствовалъ отдѣльно 119). Сраженіе началось при небольшой рѣчкѣ 20 сентября, на коемъ козаки взяли до 10,000 возовъ съ лошадьми, 80 орудій и на 10,000,000 польскихъ злотыхъ драгоцѣнностей: древка съ знаменами, узды, щиты, сукна, богатыя шали, рукомойки, ванны, гдѣ богатый панъ только что купался, кушанья, варенья, конфекты, пирожныя,—все это валялось въ безпорядкѣ по полю. Паны бѣжали... А между тѣмъ хлопы поднимали съ жадностію лакомства и драгоцѣнности, которыхъ было столько, что не знали, что брать и что оставлять 120). Особенно козаки поразили бѣглецовъ подъ Константиновомъ, гдѣ подъ ляхами обломался мостъ на р. Случѣ 121).

---

118) Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. I, стр. 222.

119) Богд. Хмѣл. ч. I, стр. 218 и 227. Ист. Малорос. ч. I, стр. 222. Пасторій 27. Грондскій стр. 78.

120) Богд. Хмѣл. ч. I, стр. 238 и 239. Кратк. опис. Малор.

121) Богд. Хмѣл. ч. I, стр. 240 см. о Пилявскомъ пораженіи вообще: Ист. о призв. братьевъ, Лѣтоп. Самовид. Вел. 12. Vojn. Dom. 1, 28—31. Annal Polon. chin. 1, 60, 62. Histor Jan. kaz. 1, 12—15. Pamiętniky do Panow. Zygm. III Vlad. IV, Pamiętn. o wojn. kazack. za Chmiel 21—24. Кратк. опис. о малорос. народѣ 25. Bolli Scyth. Kazac. 27. Ист. о призр. бр. 23—24. Stor delle belle civ. 32—35.

Видя критическія обстоятельства, паны предложили Вишнивецкому команду надъ войскомъ; но онъ отказался, и изумленный постыднымъ бѣгствомъ соотечественниковъ, велѣлъ снять свой собственный лагеръ и удалился отъ Константинова въ Львовъ 122).

Прибывши въ Львовъ, Вишнивецкій, посовѣтовавшись съ прочими панами, наложилъ контребуцію на жителей для содержанія войска,—въ томъ числѣ и отъ костеловъ даваемы были драгоцѣнные сосуды, кресты и ризы съ образовъ 123). Но и въ Львовѣ Вишневецкій не могъ на долго оставаться, зная что за нимъ лично гонится врагъ его. По этому, оставивъ здѣсь гарнизонъ, онъ отправился въ Замостье, а отсюда въ Варшаву. Татарское войско, соединившись съ Хмѣльницкимъ и не довольствуясь своею добычею ударило по слѣдамъ Вишневецкаго, овладѣвъ Константиновомъ и Збаражемъ. Въ послѣднемъ не найдено ни одной души. Въ Збаряжѣ Хмѣльницкій нашелъ еще 50 пушекъ, взялъ съ евреевъ выкупъ сукнами, полотнами и кожами и, въ началѣ октября, явился предъ Львовомъ и осадилъ его 125). При осадѣ Львова, Хмѣльницкій потребовалъ, чтобы выдали ему Вишневецкаго и всѣхъ бѣжавшихъ изъ подъ Пилявы, но Вишневецкаго здѣсь уже не было, какъ мы выше сказали, онъ былъ уже въ Варшавѣ 126). Хмѣльницкій бросился по слѣдамъ Вишневецкаго и прямо направилъ силы свои къ Замостью, но здѣсь успѣхъ его завоеваній долженъ былъ остановиться: Хмѣльницкій три мѣсяца держалъ въ осадѣ тамошній замокъ безъ успѣха 127). Эта крѣпость принадлежала тогда фамиліи Замойскихъ, родственниковъ Вишневецкаго, отъ которой фамиліи, и получила свое названіе. Крѣпость эта была неприступна какъ по своему положенію, такъ и по искуснымъ укрѣпленіямъ. Съ юга защищалъ ее огромный прудъ, съ сѣвера и запада непроходимыя болота, а съ востока ровъ,

---

122) Богд. Хмѣл. ч. I, стр. 241. Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. I, стр. 222 и 223.

123) Тамъ же, ч. I, стр. 242. Relacia Czechowicza Kron. Miosta str. 297.

125) Ист. Мал. Рос. ч. I, стр. 223.

126) Богд. Хмѣльн. ч. I, стр. 256.

127) Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. I, стр. 223.

чрезвычайно широкій и глубокій, наполненный водою; за этими рвами возвышалась огромная стѣна; по перечь всей стѣны проведенъ былъ толстый выступъ для воспрепятствованія приставлять лѣстницы; семъ круглыхъ башень защищали стѣну, а между башнями и самою стѣною поставлены были пушки такъ искусно, что издали ихъ нельзя было даже примѣтить. Въ стѣнѣ были сдѣланы отверстія для стрѣльбы въ разныхъ мѣстахъ. Самая стѣна была такъ широка, что на верху ея могла свободно обарачиваться карета шестерней.

Вишневецкій собралъ туда 10,600 человѣкъ, въ числѣ коихъ было 150 пѣхоты, подъ командой Вайера, славившагося тогда знаніемъ военнаго дѣла. Кромѣ того, въ Замостьѣ было 4000 шляхты Бѣльскаго воеводства, шляхтичи воеводства Хольмскаго и Волынскаго, составлявшіе резервъ 800 человѣкъ, постоянной стражи и до 1000 человѣкъ волонтеровъ разныхъ націй: армянъ, шотландцевъ, нѣмцовъ, кромѣ слугъ, годныхъ къ бою. Пороху было довольно, ружей и пушекъ множество 128).—

Всѣ эти распоряженія были сдѣланы Вишневецкихъ, котораго паны, да жольнеры избрали своимъ предводителемъ. Онъ вполнѣ оправдалъ выборъ и сдѣлалъ все нужное для защиты крѣпости и тѣмъ самымъ доставилъ случай соотечественникамъ загладить стыдъ бѣгства пилявскаго. При осадѣ Замостья, Хмѣльницкій объявилъ, что онъ не хочетъ кровопролитія, а явился съ войскомъ единственно потому, что преслѣдуетъ Іеремію Вишневецкаго, убѣждалъ поляковъ примириться и говорилъ, что всѣ смуты происходятъ отъ Вишневецкаго 129).

Хмѣльницкій весьма былъ не доволенъ, что поляки его непримиримаго врага избрали своимъ предводителемъ. А потому, держа еще въ осадѣ Замостье, онъ взялся вспомоществовать Яну Казиміру II (ненавидившему также Вишневецкаго) въ достиженіи престола и отправилъ на бывшій въ то время избирательный сеймъ своихъ пословъ, которые должны домагаться, чтобы Казиміръ избранъ былъ въ короли; въ противномъ случаѣ угрожалъ полякамъ войною. Поляки согласились на предложеніе и ходатайство Хмѣльницкаго и избрали королемъ Ка-

---

128) Богд. Хмѣл. ч. 1, стр. 265.
129) Богд. Хмѣльницкій ч. 1, стр. 270.

зиміра, который вслѣдъ за полученіемъ польскаго трона отправилъ къ Хмѣльницкому козацкаго посла съ письмомъ и осада съ Замостья была снята.

Казиміръ, обращаясь съ письмомъ о снятіи осады, вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ Хмѣльницкому въ скоромъ времени прислать булаву и другіе принадлежности гетманскія, обыкновенно каждымъ новымъ королемъ высылаемые. Хмѣльницкій поцѣловалъ печать на королевскомъ письмѣ. Этимъ и кончился походъ козацко-татарскій противъ поляковъ.

Всѣ удивлялись великодушію Хмѣльницкаго, который могъ разсѣять беззащитный сеймъ и, вмѣсто приказаній вступилъ въ переговоры съ королемъ. По словамъ Рудавскаго, поляки говорили въ то время другъ-другу на ухо: „Господь наказалъ Хмѣльницкаго слѣпотою,"—между тѣмъ какъ дѣянія сего великаго мужа основаны были на глубокой политикѣ и выгодахъ отечественныхъ 130).

Король не замедлилъ выполнить свое обѣщаніе,—и отправилъ къ Хмѣльницкому посольство. 19 февраля; гетманъ Хмѣльницкій выѣхалъ на встрѣчу польскихъ пословъ, отправленныхъ къ нему королемъ, для врученія клейнодовъ, на полъчетверти мили въ поле, съ полковниками, есаулами, сотниками, съ военной музыкой, подъ бончукомъ и красною хоругвою, и просилъ посольство къ себѣ на обѣдъ. 20 числа назначено было мѣсто этому акту на широкой улицѣ предъ домомъ Хмѣльницкаго, гдѣ, вмѣстѣ съ польскими послами, были послы московскіе и венгерскіе. Церемоніалъ начался. Булаву несъ панъ Крентовскій—ловчій, а хоругвь панъ Кельчинскій, стольникъ кіевскій; имъ предшествовали музыканты съ трубами и бубнами. Самъ Хмѣльницкій стоялъ у воротъ и ожидалъ почестей въ алтебасовомъ, собольемъ, красномъ капеняку, подъ бунчукомъ, съ полковниками и другими старшинами. Послы приблизились къ опредѣленной мѣстности и панъ воевода началъ говорить о милостяхъ короля гетману Хмѣльницкому и запорожскому войску, какъ вдругъ полковникъ съ гетманской стороны отозвался: „король яко король, але вы королевята и княжата броитѣ много; наброилъ и ты Киселъ, кость съ костей

130) Ист. Мал. Рос. Бант.-Кам. ч. I, стр. 223. Дип. дѣлъ между Рос. и Пол. Госуд. ч. 4. Польскіе дѣла 1651 г. №7.

нашихъ отщепился, пшестаешь съ ляве.“ — Но гетманъ, не давая полковнику высказываться до конца, велѣлъ удалиться ему отъ мѣста церемоніала. Послѣ сего воевода отдалъ Хмѣльницкому письмо и коммиссарскіе принадаежности, которыя были тутъ же прочитаны. Затѣмъ воевода вручилъ Хмѣльницкому осыпанную драгоцѣнными камнями булаву, а хорунжій поднесъ красную хоругвь съ бѣлымъ орломъ и надписью: Iohannes Kazimirus Rex.“ Хмѣльницкій принялъ, поблагодарилъ и попросилъ къ накрытому столу; за обѣдомъ онъ говорилъ много и между прочимъ, высказалъ польскимъ посламъ свое неудовольствіе на польскихъ пановъ, а особенно на Вишневецкаго и увѣрялъ, что всѣ смуты происходятъ чрезъ послѣдняго 131); вслѣдъ затѣмъ отправилъ къ королю слѣдующія мирныя предложенія:

1. Имя и память и слѣдъ уніи, которому на Руси широко выдали, нехай не будетъ.

2. Рымскимъ костеламъ до времени, а уніятскимъ не буты заразъ.

3. Митрополитъ Кіевскій по примасѣ Польскомъ первое мѣсто нехай имѣетъ.

4. Между Русью Воеводы, Каштеляны и иные отъ благочестивыхъ ту быльцы нехай будутъ.

5. Войско Запорожское по всей Украйнѣ при своихъ вольностяхъ давнихъ да будетъ.

6. Гетманъ Козацкій до самою маестату королевского нехай належитъ.

7. Жиды зъ усей Украины заразъ нехай выступятъ.

8. Іеремія Вишневецкій рейментарства надъ войскомъ нехай неймѣетъ никогда 132).

Поляки остались недовольны такими предложеніями и порѣшили взяться за оружіе. Война возгорѣлась снова.

На предварительныхъ стычкахъ при Звяглѣ, Острополѣ и Барѣ, казаки уже потерпѣли пораженіе; наконецъ, видя частыя неудачи, самъ Хмѣльницкій двинулся съ ханомъ прямо къ Збаражу 133).

---

131) Zrzódło do dziejow Polskich— Michała Hrabowskiego i Alexandra Przezdzieckiego t. 1, str. 5 и 6.

132) Богд. Хмѣльницкій ч. 1, стр. 320 и 321.

133) Ист. Мал. Рос. Балт.-Кам. ч. 1, стр. 229.

Число казацко-татарскаго войска было въ то время весьма многочисленно, но положительно не опредѣлено исторіей. По однимъ, оно состояло изъ 12,000, по другимъ изъ 9000 134). Наконецъ, по словамъ Пасторія, это войско состояло подъ командою 30 полковниковъ, и въ немъ было до 30,000 человѣкъ; впрочемъ послѣднее сказаніе невѣрно. 135).

Польское войско на сей разъ было также многочисленно. Оно состояло изъ 9000, которымъ предводительствовали: Фирлей, Вишневецкій, Ланцкоронскій и Конецпольскій 136). По извѣстіямъ-же современника Кохиновскаго, составъ польскаго войска былъ въ слѣдующемъ видѣ: вся армія раздѣлялась на пять дивизій: Фирлея, Ланцкоронскаго, Остророга—и двѣ дивизіи Вишневецкаго и Конецпольскаго, еще пока несоединившіяся съ первыми тремя. Въ дивизіи Вишневецкаго было три гусарскія хоругви: самаго Іереміи, племянника его Димитрія и 100 человѣкъ, избраннаго рыцарства, содержимаго на счетъ князя 137).

Войска расположились—одни у Каменца, а другіе у Збаража, гдѣ присутствовалъ самъ Вишневецкій. Хладнокровіе, оказанное къ нему на сеймѣ, лишеніе региментарскаго достоинства, невыгодное о немъ мнѣніе короля и придворной партіи—оскорбили до крайности честолюбіе князя. Почему, въ первыхъ порывахъ гнѣва, Вишневецкій не думалъ вступать болѣе въ дѣло; но, услыхавъ объ опасности, грозившей панамъ отъ казаковъ и татаръ,—онъ собралъ около себя горсть воиновъ и, видя, что нѣкогда заботиться о честолюбіи, хотѣлъ-было уже соединиться съ общими силами 138),—какъ вдругъ къ величайшему его удивленію Ланцкоронскій подсластилъ его честолюбіе: „Мы знаемъ, со слезами сказалъ Ланцкоронскій, что обидили тебя отважнѣйшаго, достойнѣйшаго воителя; но мы всѣ

---

134) Богд. Хмѣльн. ч. 1, стр. 333. Hist. panow Jan. Kaz. 54. Кратк. Ист. Опис. Мало-рос. 11; пов. о томъ, что случилось въ Украинѣ. Stor delle quer civ. 143—164. Кратк. опис. о каз. Малорос. нар. 27. О малорос. народѣ и о Запорож. 164.

135) Ист. Мал. Рос. Балт.-Кам. ч. 1, стр. 229.

136) Ист. Мал. Рос. Балт.-Кам. ч. 1, стр. 230.

137) Богд. Хмѣльн. ч. 1, стр. 333 и 334.

138) Тамъ-же стр. 351 и 352.

жалѣемъ и все войско наше жалѣетъ, что король обошелъ тебя, князь! Покажи примѣръ великодушія, прости оскорбленія, если не для насъ, то для Бога и спасенія отечества." Послѣ такой лести Іеремія Вишневецкій разчувствовался и прибавилъ съ плачемъ: „Я готовъ служить подъ командою Фирлея и завтра соединюсь съ вами! 139)." И дѣйствительно, на другой день прибылъ Вишневецкій, какъ обѣщалъ; но помогъ полякамъ очень мало. Неустройства, бывшія въ то время между поляками, медленность устройства окопа, за которымъ поляки думали защищаться, заставили и самаго Вишневецкаго призадуматься.—Хотя Вишневецкій и присовѣтывалъ было рыть рвы самые тѣсные среди обоза, но это нисколько не помогло полякамъ 140). Поляки были до того доведены, что должны были питаться конскимъ мясомъ, падалью, кошками, мышами, собаками и проч., а когда и этихъ продуктовъ недостало; то отрывали изъ обуви и отъ возовъ кожу—и ѣли, разваривая въ водѣ,—а иные грызли зубами землю. Самъ Вишневецкій ѣлъ супъ съ крысами, какъ замѣчаетъ Костомаровъ 141). Къ довершенію злополучія осажденныхъ, козаки безчеловѣчно подтрунивали надъ вождями польскими, особенно Вишневецкому, которому поранивши однуногу, орали во все горло:

„Диду Ферлію!
Продай Олію..!
А ты, Вишневецкій,
Воеводо грецкій,
Та выведы танчикъ понимецки 142).

Находясь въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, Іеремія, однакожъ, не падалъ духомъ; и когда дѣло дошло до крайности, онъ приказалъ одному изъ своихъ приближенныхъ пустить въ него стрѣлу, и тѣмъ до того одушевилъ поляковъ,

---

139) Богд. Хмѣльн. ч. 1, стр. 355.

140) Тамъ-же, ч. 1, стр. 367 и 368. Hist. Pan. Jan. Kaz. 1, 64. Pamięt. do pan. Zygm. III. Wlad. IV. Jan. Kaz. 1, 21. Annal. Polon. Clin 1, 130. Stor delle guer civ. 145.

141) Богд. Хмѣльн. ч. 1, стр. 367 и 368. Hist. pan. Jan. Kaz. 1,64. Pamiętn. do pan. Zygm. III. Vlad. IV. Annal. Pol. clin 1,130. Stor delle guer civ 145.

142) Богд. Хмѣльницкій ч. 1, стр. 369.

что послѣдніе съ жаромъ бросились въ битву, и Хмѣльницкій долженъ былъ просить зборовскаго договора 143).

Послѣ зборовскаго договора 1650 г. Іеремія Вишневецкій встрѣченъ былъ въ Варшавѣ съ такими почестями, какія воздавались однимъ только королямъ. Толпа народа всякаго званія ожидала его за городомъ; рукоплесканія, восклицанія оглашали воздухъ... „Вотъ онъ, кричалъ народъ, поборникъ православѣрія, единственный заступникъ нашей свободы!" Затѣмъ изъ устъ въ уста переносились свѣжіе разсказы о его геройскихъ подвигахъ подъ Збаражемъ; духовенство оказывало ему знаки признательности отъ имени церкви, а депутаты, въ награду за труды, постановили отдать ему страну, омываемую Горыномъ и приписать къ Збаражу, что, впрочемъ королю и придворнымъ его, въ особенности Осолинскому, было не по духу 144). Послѣ варшавскаго тріумфа, Вишневецкій отправился на Дубно, на пути онъ опять разрушилъ планы Хмѣльницкаго и успѣлъ войти въ новую битву съ козаками подъ Радзивиловымъ. Хмѣльницкій, видя, что непримиримый врагъ его одинъ уничтожаетъ его замыслы и, какъ будьто насмѣхаясь надъ его силою, стоитъ въ отдаленіи отъ главнаго войска и спасаетъ всѣхъ своего храбростію и предусмотрительностію,—послалъ отрядъ войска сломить и уничтожить храбреца. Недалеко отъ Берестечка, казаки напали на Вишневецкаго; два раза онъ посылалъ просить подкрѣпленія и два раза отступали уже поляки; уже казалось, Вишневецкій былъ на закатѣ свой воинской славу,—какъ вдругъ, на закатѣ солнца, является Конецпольскій, возвращавшійся изъ Бродъ, и услыхавъ шумъ сраженія, поспѣшилъ на спасеніе Вишневецкаго и ударилъ на козаковъ сзади; послѣдніе смѣшались и прекратили сраженіе. Такимъ образомъ Іеремія, спасся отъ неизбѣжной погибели и съ торжествующимъ видомъ и новыми плѣнниками прибылъ въ обозъ свой 145).

Въ другой разъ Іеремія одержалъ побѣду надъ казаками подъ Берестечкомъ. 1651 года, во второй половинѣ іюня, за-

---

143) Тамъ-же стр. 387 и 388.

144) Богд. Хмѣльницкій ч. II, стр. 7. Hist. ab. exc. Vlad. IV et cet.

145) Богд. Хмѣльницкій ч. II, стр. 128 и 129.

нявъ станъ подъ Берестечкомъ съ 300000 войска — Вишневецкій и король хотѣли отразу сокрушить козаковъ. Но Хмѣльницкій, узнавъ о многочисленномъ польскомъ войскѣ, заключилъ союзъ съ крымскимъ ханомъ Исламъ-Гиреемъ и присоединивъ къ 100,000 своихъ козаковъ 150,000 татаръ, пошелъ на непріятеля. Первыя непріятельскія дѣйствія начались 27 іюля. Въ этой битвѣ вечеромъ 10,000-ный отрядъ татарскій доходилъ уже до самаго королевскаго лагера; но былъ обращенъ въ бѣгство. 28-е число прошло безъ всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій; 29 Исламъ-Гирей со всѣми крымцами и съ отборными козаками расположился на высотахъ предъ Берестечкомъ. Самъ Хмѣльницкій слѣдовалъ за ними съ остальными малороссіанами. Король хотѣлъ прежде всего сбить враговъ своихъ съ выгодной позиціи; но усилія его были напрасны. Ночью 30 іюня король провелъ нѣсколько часовъ на молитвѣ и устроилъ армію въ боевой порядокъ, въ двѣ линіи. Правое крыло, прикрытое лѣсомъ, состояло изъ пяти корпусовъ; а лѣвое, находившееся на открытой мѣстности, изъ четырехъ, центромъ командовалъ самъ король; третьимъ крыломъ командовалъ воевода князь Вишневецкій. Утромъ 30 іюня Исламъ-Гирей успѣлъ занять лѣсъ, но король приказалъ выгнать его пушечными выстрѣлами, дабы не препятствовалъ правому флангу его войска. Вишневецкій присовѣтовалъ ускорить битву; король приказалъ выдвинуть впередъ армію и, въ два часа по полудни, велѣлъ Вишневецкому съ корпусами его и Станислава Потоцкаго напасть на правое крыло непріятеля. Аттака началась съ невѣроятнымъ мужествомъ; но Вишневецкій встрѣтилъ сильный отпоръ и, послѣ двухъ-часовой кровопролитной битвы, принужденъ былъ отступить; король, вдававшійся также въ величайшія опасности, подкрѣпилъ его своими силами, не смотря на то, сраженіе долго оставалось сомнительнымъ.

Хмѣльницкій, наблюдая за двусмысленнымъ ханомъ, оставилъ команду надъ пѣхотою Гурскому; но Гурскій, недавно пожалованный поляками въ дворяне, во время нападенія Вишневецкаго отступилъ назадъ. Поляки прорвались въ средину козацкаго войска, раздѣлили его и князь Вишневецкій, летѣвшій впередъ, показывая дорогу полякамъ,— вдали выставилъ знамя съ гербомъ своего дома, посреди непріятельскаго лагера, вдали отъ прочихъ знаменъ Рѣчипосполитой. Къ счастію

поляковъ, ѣздившій съ королемъ переводчикъ татарскаго языка указалъ ему большое ханское знамя, которое развѣвалось на лѣвомъ флангѣ союзниковъ, немедленно наведены были туда по совѣту Вишневецкаго пушки и грянули разомъ изъ нѣсколькихъ десятковъ. Этими выстрѣлами былъ сбитъ съ коня одинъ изъ крымскихъ сановниковъ Исламъ-Гирея; вслѣдствіе чего и самъ ханъ обратился въ бѣгство. Неожиданное бѣгство татаръ привело въ разстройство козаковъ. Но Хмѣльницкій, не теряя духа, пытался поправить дѣло еще. Устремясь за бѣгущимъ ханомъ, онъ настигъ его около Ямполя и умолялъ возвратиться, дабы общими силами, прекратить торжество поляковъ; но убѣжденія его остались безъуспѣшными. Исламъ-Гирей удержалъ Хмѣльницкаго при себѣ и только чрезъ недѣлю отпустилъ его, заставивъ заплатить за себя выкупъ.

— Между тѣмъ, какъ предводитель малороссіянъ находился въ опасности потерять, можетъ быть, навсегда свою свободу, часть козаковъ въ ожиданіи Хмѣльницкаго, нашла убѣжище въ обширномъ таборѣ, еще до начала сраженія устроинномъ ими изъ повозокъ, за правымъ флангомъ. Придвинувъ весь таборъ тыломъ къ непроходимому болоту, они наскоро укрѣпились съ остальныхъ трехъ сторонъ валомъ и рвомъ и тутъ, въ теченіи десяти дней, держались противъ усилій цѣлой арміи, пока наконецъ совершенное изнуреніе и убѣжденіе нѣкоторыхъ малодушныхъ не заставило ихъ предаться бѣгству, — оставивъ въ добычу полякамъ 40 пушекъ и всѣ взятые Хмѣльницкимъ въ походъ драгоцѣнности и регаліи 146).

Это была послѣдняя побѣда Іереміи Вишневецкаго. Послѣ шестнадцати битвъ, успѣхъ остался, наконецъ, за поляками. 21 августа козаки принуждены были просить мира 147).

Давъ совѣтъ полякамъ идти по дорогѣ въ Кіевъ и соединиться подъ Радзивиловымъ, и потомъ уже съ удвоенными силами—поразить козацкаго предводителя,—Іеремія неожиданно, въ цвѣтущихъ лѣтахъ (на 39 г. своей жизни), умеръ.

Предъ смертію своею, Іеремія Вишневецкій былъ веселъ, шутилъ, подчивалъ гостей и самъ пилъ противъ обыкновенной

146) Военный Энциклопед. Лекс. изд. Обществомъ Воен. и Литераторовъ ч. II, стр. 286—288. Богд. Хмѣльн. ч. II, стр. 146 и 147—152. Кратк. Ист. опис. Малорос. 16.

147) Ист. Мал.-Рос. Бант.-Кам. ч. I, стр. 230.

своей трезвости; а на другой день съѣлъ арбузовъ, разстроилъ желудокъ, у него открылась сильная горячка. 9 августа его отвезли въ замокъ, гдѣ, чрезъ 24 часа, храбрый полководецъ, среди блестящихъ подвиговъ, счастливый любовію соотечественниковъ и проклятіями православныхъ скончался 149).

Узнавъ о смерти его, войско поражено было до изступленія; многіе говорили, что онъ не умеръ обыкновенною смертію, а отравленъ ядомъ. 12 августа тѣло Іереміи отправили въ Вишневецъ. Вѣрная дружина сопровождала рыцаря съ плачемъ, и хорунжій, въ знакъ послѣдней почести, держалъ опущенное внизъ знамя; предводители слѣдовали за гробомъ его съ открытыми головами. Звукъ трубъ и бубновъ, громъ пушекъ и ружьевъ—были прощальною данію всего войска воинственному князю 150). Наконецъ, съ горестными воплями и слезами у самаго склепа разстались съ прахомъ Іереміи, тѣ, которыхъ онъ водилъ къ побѣдамъ 151)....

Получивъ извѣстіе о смерти Іереміи Вишневецкаго, Хмѣльницкій сказалъ: „Богъ услышалъ наши моленія: десница Божія оказала справедливость, князь Вишнивецкій, хотѣвшій нѣкогда владѣть цѣлою Русью, теперь занимаетъ четыре локти земли. Оружіе наше не сразило его... Богъ, мститель крови нашей, поразилъ беззаконную голову 152)!..“

Но какъ ни былъ безчеловѣченъ гонитель православія, рожденный въ лонѣ послѣдняго,—Іеремія, но ему, за его храбрость, отдаютъ честь не только польскіе, но и русскіе лѣтописцы 153). Кромѣ того онъ любилъ строгій порядокъ въ жизни; не употребляя самъ напитковъ—Іеремія, не допускалъ къ пьянству и своихъ воиновъ; онъ ежегодно раздавалъ изъ доходовъ своихъ 180,000 злотыхъ на содержаніе войска. Іеремія любилъ начинать битву всегда по субботамъ, увѣренъ будучи въ побѣдѣ, и всегда праздновалъ этотъ день. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ Іеремія обыкновенно говаривалъ: Calamitas Patriae—Vamontoᶻtiv Hie.

(Окончаніе будетъ).

---

148) Бог. Хмѣльн. ч. II, стр. 213—215.
150) Тамъ-же.
151) Ист. Мал. Россіи Бант.-Кам. ч. I, стр. 257.
152) Богд. Хмѣльн. ч. I, стр. 215. Hist. ab exc. Vlach. IV, 80.
153) Богд. Хмѣльн. ч. I, стр. 387 и 388.

ВѢРОТЕРПИМОСТЬ ПАПЪ.

(Историческій очеркъ).

*(Продолженіе *).*

IV.

ИСТРЕБЛЕНІЕ ПРОТЕСТАНТСТВА ВО ВСѢХЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ.

Въ началѣ шестнадцатаго столѣтія, благодаря великой церковной реформаціи, произведенной Лютеромъ, Меланхтономъ, Цвингеліемъ, Кальвиномъ и др., цѣлые милліоны свергли съ себя то страшное иго, подъ которымъ они томились до сихъ поръ. Вездѣ, въ каждой странѣ, гдѣ доселѣ исключительно господствовалъ папизмъ, получило значеніе и протестантство, а во многихъ мѣстахъ оно до того усилилось, что сдѣлалось господствующимъ надъ первымъ. Никогда еще не приходилось папамъ выносить такой сильный кризисъ, за то никогда они не брались за такія страшныя средства для поддержанія своего существованія. Уже не тысячи и десятки тысячъ, какъ было въ Тулузѣ и Прагѣ, милліоны людей истреблены были съ безпримѣрною жестокостію. Ихъ истязали, мучили, убивали— лишь бы только уцѣлѣли римскія учрежденія. Какъ начали это дѣло и какъ совершали его папы въ каждомъ государствѣ— это составитъ предметъ дальнѣйшаго описанія. Начнемъ съ той страны, гдѣ реформація получила свое начало.

1) Истребленіе протестантства въ Германіи.

По видимому, въ заглавіи этомъ есть уже противорѣчіе, потому что протестантство въ Германіи не было искоренено, а даже напротивъ, въ этой странѣ оно преимущественно утвердилось и усилилось. Тѣмъ не менѣе были *попытки* къ искорененію его, для чего употребляемы были всякія мѣры, и— попытки эти *не остались безъ успѣха:* протестантство дѣйствительно—хотя не вездѣ, но въ большей части страны искоренено. Оно искоренено во многихъ мѣстахъ и такихъ, гдѣ новое ученіе утвердилось—было, искоренено огнемъ или мечемъ—точь въ точь какъ во времена крестовыхъ походовъ противъ ере-

---

*) См. Кн. 5 Вѣст. Зап. Россіи.

тиковъ! Что изъ 42 милліоновъ нѣмцевъ осталось только около 19 милліоновъ протестантовъ, не покоренныхъ папствомъ,— это нужно объяснять тѣмъ, что нѣмецкая имперія издавна состояла изъ различныхъ небольшихъ государствъ, признававшихъ зависимость отъ императора только на извѣстныхъ условіяхъ. Если бы Габсбурги имѣли такую же власть надъ Германіей, какою пользовались Валуа и Бурбоны во Франціи, то протестантство въ Германіи приведено бы было, конечно, въ такое же состояніе, въ какое поставлено было позже въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіи, гугенотство во Франціи, потому что Габсбурги, съ самаго начала своего могущества были „мужами по сердцу папъ,“ такъ что послѣдніе всегда, за немногими лишь исключеніями, могли вертѣть ими по своему.

Съ того самаго времени какъ возсталъ Лютеръ, папа рѣшилъ „уничтожить еретика и всѣхъ его послѣдователей,“ и въ тоже время приглашая государей всѣми зависящами отъ нихъ мѣрами содѣйствовать исполненію его рѣшенія. Но уже Клименту VII оказана была въ этомъ отношеніи нѣкоторая холодность, когда императоръ Карлъ V, съ которымъ онъ договаривался въ Болоніи въ 1529 году, по политическимъ причинамъ, отказался употребить противъ лютеранъ силу.

Конечно, папа пришелъ въ страшное раздраженіе. Гораздо счастливѣе въ этомъ отношеніи былъ папа Павелъ III (1534—50), ему удалось возжечь первую религіозную войну въ Германіи, такъ называемую *шмалькальденскую.* Каковъ же былъ гнѣвъ преемника Павлова, Юлія III, когда императоръ, которому папа предлагалъ для продолженія войны 15,000 вспомогательнаго войска, 200,000 дукатовъ субсидіи, секвестрацію монастырскихъ имѣній въ Испаніи и много разныхъ другихъ выгодъ, несмотря на все это, 31 іюля 1552 г., заключилъ съ протестантами такъ называемый *Пассаускій договоръ*, по которому имъ даровалась неограниченная религіозная свобода! Еще болѣе горькую пилюлю пришлось проглотить, нѣсколько лѣтъ позже, Павлу IV, когда въ 1555 г. заключенъ былъ въ Аугсбургѣ *религіозный миръ*, на которомъ протестантская ересь названа была даже религіею.. Павелъ IV протестовалъ, по этому, и требовалъ отъ императора Карла V, съ сильными угрозами, чтобы онъ рѣшеніе имперскаго сейма объявилъ

недѣйствительнымъ, потому что „пора совершенно истребить лютеранство,“ однакожъ Карлъ V не уважилъ протеста, не согласился на это требованіе папы, изъ опасенія новой войны, которая бы стоила ему импер. короны. Такимъ образомъ папы волею или неволею дожили до того, что протестантство болѣе и болѣе усиливалось въ Германіи и даже грозило совершенно вытѣснить оттуда католицизмъ. Но—Римъ ни на минуту не упускалъ изъ виду свою цѣль и *насталъ* наконецъ *день мщенія.* Уже 10 іюля 1609 г. легату Павла V удалось склонить значительную часть католическихъ князей Германіи къ заключенію, подъ начальствомъ Максимиліана, герцога баварскаго, союза противъ протестантовъ, который извѣстенъ подъ именемъ *священной лиги.* Сверхъ того импер. Матѳій, по внушенію іезуитовъ, совершенно управлявшихъ имъ, обязался положить конецъ распространенію новаго ученія, по-крайней мѣрѣ въ Богеміи, и повелѣлъ, поэтому, разрушить нѣкоторыя церкви, только что построенныя протестантами. Такимъ образомъ все было готово, чтобы при первомъ благопріятномъ случаѣ нанести ударъ ненавистной ереси, и папа торжествовалъ, когда 23 марта 1618 г. въ Прагѣ нѣсколько горячихъ дворянъ подъ предводительствомъ графа Турна вторглись въ ратушу и ненавидимыхъ за католичество императорскихъ совѣтниковъ, Мартиницу и Славату съ секретаремъ Фабриціемъ выбросили за окно. Въ этомъ поступкѣ папа видѣлъ неизбѣжность войны, давно имъ желанной. И дѣйствительно, теперь началась война между католичествомъ и протестантствомъ, война, окончившаяся только чрезъ *тридцать лѣтъ.* Конецъ ея, однакожъ, вовсе несоотвѣтствовалъ ожиданіямъ папъ. Сначала все шло по ихъ желаніямъ. Максимиліанъ, герцогъ баварскій, которому Павелъ V прислалъ освященную шпагу для пораженія протестантовъ, вторгнулся въ Богемію, 8 ноября 1620 г. поразилъ протестантовъ на голову на Бѣлой горѣ у Праги, лишилъ ихъ религіозной свободы, которою они пользовались доселѣ, впустилъ опять іезуитовъ въ Богемію, запретилъ богослуженіе всѣмъ не-католикамъ, изгналъ всѣхъ реформатовъ и лютеранъ; вслѣдствіе такихъ распоряженій около 200 дворянскихъ фамилій и до 30,000 ремесленниковъ должны были оставить Богемію и бѣжать въ Пруссію, Саксонію, Голландію и Швейцарію, имѣніе ихъ,

стоившее болѣе сорока милліоновъ гульденовъ было конфисковано, не рѣшившіеся бѣжать въ чужія страны, числомъ до двадцати тысячь, по повелѣнію Максимиліана, были или перебиты, или сожжены. *И все это дѣлалось во имя Христа, заповѣдавшаго любовь, дышавшаго любовью!* Чрезъ нѣсколько лѣтъ военное счастіе перемѣнилось, особенно когда шведскій король Густавъ Адольфъ, переплывши море и явившись на поприщѣ войны, поразилъ на голову обоихъ великихъ католическихъ предводителей Тилли и Валленштейна. Не наше дѣло описывать исторію тридцатнлѣтней войны. Для нашей цѣли достаточно сказать, что всѣ папы современные этой войнѣ Павелъ V, Григорій XV, Урбанъ VIII и Иннокентій X съ одинаковою ревностію старались раздувать пламя войны и поддерживать католическую партію какъ деньгами, такъ и вспомогательнымъ войскомъ. Самою пріятною жертвою для нихъ была „кровь еретиковъ“ и они пускали въ ходъ всѣ средства убѣжденія, чтобы воспламенить католическихъ государей, особенно импер. Фердинанда II, къ истребленію еретиковъ. Въ 1648 г. прекратилась эта страшная война, когда уже тысячи городовъ и деревень превращены были въ пепелъ, когда одна половина населенія Германіи пала на войнѣ, а другая повергнута была въ нищету! Прежде такая прекрасная и цвѣтущая страна уподоблялась необитаемой пустынѣ и пережившіе тридцатилѣтнія бѣды и ужасы, утратили не только религію и нравственность, но и всякое человѣческое чувство! Кратко сказать, состояніе Германіи было самое ужасное! Каковъ же былъ восторгъ, какъ искренна была благодарность къ Всевышнему, когда наконецъ воюющіе прекратили свои убійства и когда сердца государей склонились къ заключенію мира, который и дѣйствительно состоялся въ Мюнстерѣ и Оснабрикѣ. На пространствѣ всей Европы не было человѣка, который бы не радовался наступающему миру. Среди всеобщей радости было, однакожъ, лицо, омраченное печалію — это лицо папы Иннокентія X, который нетолько во время самыхъ переговоровъ въ Оснабрикѣ, чрезъ своего легата Эгиги, протестовалъ противъ заключенія мира, но даже, 26 ноября 1648 г., издалъ буллу, въ которой объявлялъ, уже послѣ того какъ заключенъ былъ миръ, что состоявшееся соглашеніе католиковъ съ протестантами оскорбительно для религіи и правъ папы, а пото-

му недѣйствительно, неправо, необязательно, гнусно, предосудительно, что никто—хотя бы—то и послѣ самой торжественной присяги—не обязанъ исполнять его. Такъ, одинъ Иннокентій X проклиналъ то, что благословляемо было всѣмъ человѣчествомъ! Впрочемъ, какъ принята была папская булла, это всего лучше видно изъ того, что экземпляры ея даже въ Австріи срываемы были съ церковныхъ дверей и сожигаемы на городскихъ площадяхъ.

Съ того времени существованіе протестантства признано было законнымъ даже отъ католическихъ князей; постановлено было, что никто во всемъ государствѣ не будетъ преслѣдуемъ за свою религію, что всѣ христіане—назывались ли они католиками, лютеранами или реформатами — во всѣхъ городахъ и мѣстахъ отечества могутъ молиться Богу по своему. Вотъ что постановлено было на вестфальскомъ мирѣ, и онъ повсюду сохранялся бы конечно, если бы не существовало одного препятствія, именно папы въ Римѣ. *Папа не допускалъ никакой терпимости*, да могъ ли онъ и допустить ее, когда это по его мнѣнію значило бы уронить себя въ глазахъ христіанъ. Онъ, папа, онъ, который называлъ себя источникомъ и средоточіемъ христіанства, неужели могъ онъ смотрѣть какъ на христіанъ на тѣхъ людей, которые не признавали въ немъ своего главу, не слушались его какъ отца. Онъ, предшественниками котораго создана была знаменитая булла о сожженіи еретиковъ „In coena domini“ (*), каждый годъ торжественно читавшаяся

(*) Эта знаменитая булла (ее называютъ буллою вечери, потому что она начинается словами (in coena domini) въ своихъ главныхъ чертахъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, гордому Бонифацію VIII, но потомъ Урбаномъ V, Юліемъ II, Павломъ III, Григоріемъ XIII и особенно Піемъ V и Урбаномъ VIII была обработана и пополнена; два послѣдніе папы поставили за правило, чтобы булла эта каждый годъ на чистый четвергъ читалась во всѣхъ католическихъ соборахъ цѣлаго міра. Къ сожалѣнію (конечно папъ), она принята не во всѣ государства; потому что ея содержаніе возбуждало не малый соблазнъ; но въ церковной области и особенно въ Римѣ она въ назначенный день прочитывается каждый годъ; потому что ея содержаніе есть истинное изображеніе желаній, мыслей и чувствованій папскихъ. Прежде всего въ ней читается, что папа глава всего христіанства, и не только всего клира, но и епископовъ, и князей, королей и императоровъ. Далѣе, въ ней содержатся страшныя проклятія на тѣхъ, кто осмѣливается какъ нибудь оскорбить папу или вообще римское-католичество. Проклинаются и анаѳематствуются во имя Бога Отца, Сына и

въ римской церкви, могъ ли освободиться отъ заботы придумать средства на гибель еретиковъ. Поэтому, если въ Германіи повальное избіеніе еретиковъ и прекратилось, такъ какъ князья болѣе не помогали въ этомъ дѣлѣ, то все таки же продолжались гоненія и преслѣдованія всего не католическаго, даже самымъ несправедливымъ и насильственнымъ образомъ, потому что разсчитывали, что этимъ можно поселить въ не католикахъ холодность къ ихъ вѣрѣ и тѣмъ самымъ обратить къ римско-католической церкви. Такой опытъ, разумѣется, имѣлъ мѣсто главнымъ образомъ тамъ, гдѣ главная масса жителей состояла изъ католиковъ, или гдѣ правители отдавались подъ руководство іезуитамъ; и исторія Тироля, Богеміи и т. д. представляютъ на это много доказательствъ, но еще лучшій примѣръ показалъ зальцбургскій архіепископъ *Леопольдъ*, баронъ Фирміанъ. Хотя его область лежала среди католическихъ державъ, Австріи и Баваріи, и хотя невѣроятно, чтобы подданные духовнаго князя усвоили себѣ еретическія мнѣнія, однакожъ евангелическая вѣра уже очень рано, при самомъ началѣ реформаціи, нашла себѣ пріютъ въ горныхъ долинахъ Зальцбургскаго округа. Конечно тогдашній архіепископъ *Матѳій Ланге* фонъ *Велленбургъ* тотчасъ предпринялъ самыя строгія мѣры и велѣлъ, наприм. обезглавить молодаго францисканскаго монаха Георга *Шерера*, проповѣдывавшаго Евангеліе въ Раштадтѣ, а также и пылкаго *Штекеля*, пастора въ

св. Духа, и во имя св. Апостола Петра и Павла, во первыхъ — всѣ гусситы, послѣдователи Виклефа, Лютера, Цвинглія, Калвина, также гугеноты, анабаптисты, тринитаріи, равно какъ и всѣ другіе еретики; во вторыхъ — всѣ тѣ, которые принимаютъ еретика, защищаютъ его, за него ходатайствуютъ; въ третьихъ—проклинается всякій, кто какую нибудь религіозную книгу, неодобренную апостольскимъ престоломъ, покупаетъ, читаетъ, печатаетъ, распространяетъ, имѣетъ въ домѣ, или какимъ нибудь образомъ благопріятельствуетъ ея успѣху; въ четвертыхъ—всѣ университеты, коллегіи, соборныя церкви, подающія аппелляціи къ собору; въ пятыхъ—всѣ тѣ, которые препятствуютъ внесенію денегъ, жизненныхъ припасовъ и т. д. къ папскому двору, или которые конфискуютъ доходы апостольскаго престола; далѣе тѣ, которые налагаютъ подати на клиръ и также тѣ короли и императоры, которые вмѣшиваются въ права клира и не признаютъ папскаго суда, и тѣ, которые противятся приказаніямъ папъ, или ихъ легатовъ комиссаровъ и нунціевъ и т. д.... наконецъ проклинается всякій, кто не повинуется папѣ также, какъ надобно повиноваться самому Богу.

Гебирге, но лютеранство этимъ нетолько не было подавлено, а напротивъ каждое мученичество доставляло ему больше и больше новыхъ послѣдователей. Немного спустя лютеранская библія была единственною молитвенною книгою, принимаемою горными жителями Зальцбургской вотчины; 12 лѣтъ позже протестантство утвердилось въ самомъ городѣ Зальцбургѣ и въ правленіе архіепископа *Марка Ситика*, графа фонъ-Гогенъэмса нѣкоторыя общины, находившіяся во внутренности этой земельки, отважились *просить* себѣ у его *преосвященства—протестантскаго пастыря*. Маркъ Ситикъ оказался однакожъ человѣкомъ находчивымъ, онъ послалъ 24 капуциновъ съ нѣсколькими сотнями солдатъ въ горы, въ полной увѣренности, что проповѣдь покаянія, подкрѣпленная военною силою, скорѣе образумитъ заблудшихъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ и не ошибся въ расчетѣ, потому что всѣ, покрайней мѣрѣ съ виду, обратились къ католицизму, хотя въ потаенныхъ мѣстахъ все еще продолжались запрещенныя собранія. Во время 30 лѣтней войны, которая довольно долго счастлива была для Зальцбурга, протестантство снова и безстрашно возвысилось. Въ то время архіепископствовалъ *Парисъ*, человѣкъ сколько гуманный и тонко образованный, столько же и свѣдущій въ военныхъ дѣлахъ и въ политикѣ, онъ—то умѣлъ такъ хорошо защитить горныя тѣснины, которыя вели въ его владѣніе, что ни одинъ непріятельскій воинъ, въ продолженіи всѣхъ 30-ти лѣтъ не вступалъ въ его область. Разумѣется онъ и не думалъ пока продолжалась война, преслѣдовать кого либо изъ своихъ подданныхъ „за вѣру;“ потому что его сила основывалась только на единодушіи всѣхъ жителей страны, и ему конечно нужно было поддержать это единодушіе, чтобы отразить нападенія враговъ. Далеко набожнѣе былъ преемникъ его, архіепископъ *Максимиліанъ Гандольфъ*, снова обратившійся къ системѣ насильственнаго вразумленія; однако онъ скоро оставилъ эту систему, когда замѣтилъ, что преслѣдованія не только не приносятъ ему никакой пользы, а даже и очень разорительны. Также спокойно прошло правленіе архіепископа *Франца-Антона*, урожденнаго графа Гаррахскаго (1709—1727), потому что, хотя и не переставали изъ подъ тишка мучить еретиковъ, однакожъ не дѣлали имъ никакого открытаго насилія.

Но настало совсѣмъ другое время, когда за октября 1727 г.

вступилъ на архіепископскій престолъ *Леопольдъ Антонъ*, баронъ фонъ *Фирміанъ*. Онъ былъ скупъ, и, такъ какъ онъ долженъ былъ заплатить въ Римъ за Пассаумъ 100, 000 талеровъ, то, разумѣется, сталъ помышлять какъ бы выжать эти деньги съ своихъ подданныхъ. Кромѣ того дорого стоила ему возлюбленная его, графиня фонъ Арко, а также на немъ лежала забота о дѣтяхъ, рожденныхъ отъ графини. Вмѣстѣ съ жадностію къ деньгамъ онъ имѣлъ еще и другую страсть: это честолюбіе, и потому онъ домогался не только кардинальскаго сана, но также и пассаускаго епископства, которое 30 лѣтъ предъ симъ сдѣлалось независимымъ отъ Зальцбурга; онъ хотѣлъ снова присоединить его къ своей епархіи. Такъ какъ того и другаго нельзя было достигнуть иначе, какъ только чрезъ папу, то онъ вмѣстѣ съ своимъ фактотумомъ и канцлеромъ Іеронимомъ Христіаномъ Рэллемъ, сочинилъ истинно дьявольскій планъ для пріобрѣтенія расположенія правившаго въ то время Бенедикта XII. Оба они рѣшили или силою обратить всѣхъ протестантовъ зальгбурцевъ, или обречь ихъ на уничтоженіе, чтобы показать тѣмъ папѣ, что интересъ римской церкви для нихъ дороже всего. Конечно, по условіямъ вестфальскаго мира, надобно было воздержаться отъ сожжѣнія еретиковъ... но однако оказывалось возможнымъ пытать и мучить ихъ до тѣхъ поръ, пока они въ отчаяніи не поднимутъ бунта, тогда, конечно, въ правѣ или казнить ихъ или изгонять изъ страны и конфисковать ихъ имущество. Великолѣпный планъ! и Рель получилъ за него отъ римской куріи 5,0000 флориновъ! Къ выполненію этого плана приступить не замедлили, и множество іезуитовъ прошли всю страну, проповѣдуя раскаяніе и обращеніе отпавшихъ, и отбирая запрещенныя сочиненія, т. е. переводъ библіи, или новаго завѣта. У кого была такая книга и онъ не выдавалъ, съ тѣмъ обходились какъ съ преступникомъ, заключали въ темницу, въ которой ему приходилось томиться цѣлые мѣсяцы безъ допроса, или высылали со всѣмъ за границу и подъ страхомъ смерти запрещали возвращеніе назадъ. Здѣсь показалъ себя особенно дѣятельнымъ верфенскій судья *Францъ Романъ* фонъ *Ветцель*, онъ приказалъ заключить въ башню 11 отцовъ семействъ, подозрѣваемыхъ въ отпаденіи отъ католичества, и такъ повелъ съ ними дѣло, что они дали обѣщаніе на будущее время снова молиться по четкамъ, и еще

кромѣ того заплатить въ видѣ выкупа значительную сумму денегъ. Нарушеніе права было вопіющее, но не смотря на то Романъ Ветцель не только не потребованъ къ отвѣту, но даже за свою ревность по службѣ награжденъ высшимъ мѣстомъ. Послѣ этого и другіе чиновники Зальцбургской области старались подражать примѣру и даже превзойти упомянутаго судью. Въ скоромъ времени всѣ темницы были переполнены, и никого не выпускали оттуда, пока не отречется отъ еретичества. Впрочемъ заключеніе не было единственнымъ наказаніемъ, которому подвергали подозрительныхъ, но было также много изысканныхъ штрафовъ, напр. отказывали лютеранину въ почетномъ погребеніи, ни одинъ священникъ не долженъ былъ проводить мертвеца, не позволялось ни звонить въ колокола, ни пѣть, ни даже погребать на общемъ кладбищѣ. Католическіе священники проникали во всѣ дома, крестили насильно младенцевъ по римскому обряду, особенно они старались дѣйствовать на женщинъ, стращали ихъ вѣчнымъ осужденіемъ, если онѣ не обратятся и не обратятъ своихъ домашнихъ. Запрещено было также католикамъ всякое обращеніе съ еретиками, чтобы совершенно изолировать послѣднихъ, и воoще употребляли все, чтобы сдѣлать лютеранъ какъ можно злосчастнѣе. Лишали ихъ даже, наконецъ, гражданскихъ правъ, напр. никто изъ подозрѣваемыхъ въ ереси не былъ допускаемъ въ воспріемники, въ свидѣтели въ судѣ! Будучи въ такой крайности, протестанты начали собираться въ ночное время въ потаенныхъ мѣстахъ, частію для утѣшенія другъ друга словомъ Божіимъ, а частію для изысканія способовъ какъ бы избавиться отъ нетерпимаго притѣсненія. Едва однако канцлеръ *Рель* получилъ извѣстіе о такихъ собраніяхъ, поторопился представить это дѣло началомъ бунта и послать курьеровъ въ Вѣну къ императору съ просьбою дать ему войска противъ бунтовщиковъ. И протестанты тоже пришли къ мысли послать гонцовъ въ Вѣну и Регенсбургъ, гдѣ находились тогда представители евангелическихъ сословій съ жалобою на нарушеніе вестфальскаго мира, и дѣйствительно нѣкоторымъ удалось достигнуть Регенсбурга, хотя въ горныхъ ущельяхъ разставлена была бдительная стража и большую часть посланныхъ задержали какъ возмутителей. Евангелическія сословія въ Регенсбургѣ вступились за угнетеніе, и въ апрѣлѣ 1731 г. вошли съ представленіемъ къ ар-

хіепископу, а также просили императора, чтобы и онъ благоволилъ обратить свое вниманіе. Но чтоже вышло изъ этого? Архіепископъ объявилъ, будто его протестанскіе подданные мятежники, и поэтому удвоилъ прежнія строгости, объявивъ въ тоже время, что каждое сборище, состоящее болѣе, чѣмъ изъ четырехъ человѣкъ, должно считаться возмущеніемъ. Въ силу этого объявленія съ протестантами начали поступать такъ, какъ только хотѣлось католическимъ чиновникамъ; а такъ какъ имъ не хотѣлось, чтобы кто-нибудь изъ еретиковъ ускользнулъ, то надобно было составить точный списокъ всѣхъ приверженцевъ евангелія. Для этого канцлеръ Рель объявилъ однажды, что правительство озабочивается узнать всѣ нужды своихъ протестанскихъ подданныхъ, чтобы имѣть возможность доставить имъ законное удовлетвореніе, и самъ, лично объѣзжалъ въ 1731 г. различныя мѣста, чтобы слышать жалобы и записать имена и имущество протестантовъ. Полные радости при видѣ близкаго конца своимъ страданіемъ (чтобы заманить протестантовъ, канцлеръ далъ позволеніе по домамъ исповѣдывать евангелическую вѣру), протестанты спѣшили вносить свои имена въ списки еретиковъ, и что же? оказалось, что въ области архіепископа не менѣе 20,678 протестантовъ, между которыми 850 богатыхъ фамилій. Но едва былъ составленъ полный списокъ, Рель сбросилъ маску, и гоненія начались снова; они даже сравнительно съ прежнимъ стали жесточе. Первый шагъ по этому пути сдѣлалъ веренскій деканъ, который распорядился сжечь конфискованныя лютеранскія библіи торжественно на городской площади. Сряду послѣ этого уже въ сент. 1731 г. вступили въ Зальцбургскій округъ 6,000 императорскаго войска, будто бы для подавленія бунта, а на самомъ дѣлѣ для истребленія ереси. Конечно, солдаты располагались постоемъ только у лютеранъ, такъ какъ уже всѣ они были извѣстны, теперь началась система самыхъ ужасныхъ притѣсненій. Солдаты распоряжались въ Зальцбургѣ, какъ бы въ непріятельской сторонѣ, грабили, опустошали и производили всякаго рода насилія и тѣмъ самымъ довели все лютеранское населеніе до крайняго нищенства. Плохо приходилось мужчинамъ, а еще хуже было женщинамъ, потому что солдаты по отношенію къ нимъ были совершенно не умолимы. Впрочемъ невозможно изобразить всѣ неистовства, которыя были произ-

ведены въ эту пагубную войну католичества съ протестанствомъ. Доведенные до отчаянія протестанты рѣшительно недоумѣвали, что имъ дѣлать и куда обратиться. Наконецъ въ одинъ воскресный день въ глухомъ ущельи Динтнерталя недалеко отъ С. Вейта собралось на совѣщаніе болѣе сотни стариковъ, въ качествѣ депутатовъ отъ различныхъ протестанскихъ общинъ Зальцбурга.

Всѣ они рѣшили, что нужно искать себѣ другаго отечества, подъ какимъ бы небомъ оно не было. Но какъ было пробраться за границу, когда вездѣ поставлена была бдительная стража? Смѣлчаки пытались пробраться чрезъ цѣпи горъ, но они были пойманы и растрѣляны, наконецъ двоимъ удалось безнаказанно избѣжать погони и стражи. Эти-то бѣглецы и обратились къ сильнѣйшимъ протестанскимъ государствамъ Европы, именно: Англіи, Швеціи и Пруссіи, чтобы выхлопотать право переселенія. Въ то время на престолѣ Прусскомъ былъ Фридрихъ Вильгельмъ I, который сейчасъ же понялъ, какъ выгодно для него будетъ, если къ его мало-населенной землѣ присоединятся зальцбургскіе переселенцы. По этому онъ съ настойчивостію требовалъ, чтобы архіепископъ представилъ свободный выходъ всѣмъ тѣмъ, которые пожелали бы переселиться. При этомъ онъ объяснялъ архіепископу, что и съ своими католическими подданными онъ поступитъ точно также какъ архіепископъ съ зальцбургскими, если послѣдній будетъ упрямиться. Духовный князь сдѣлалъ уступку, но какую? Вмѣсто позволенія онъ далъ рѣшительное приказаніе выселяться, т. е. выгонялъ изъ страны при помощи импер. драгуновъ, не давая времени продать имѣнія и приготовить себя къ преднамѣренному великому путешествію. Среди зимы они должны были терпѣть всѣ ужасы непогоды, и кто не хотѣлъ идти, того гнали штыкомъ. Католикамъ говорили, что имъ не зачѣмъ покупать что нибудь у еретиковъ, потому что чрезъ нѣсколько дней можно и такъ вступить во владѣніе никому непринадлежащими имуществами. Если тому или другому протестанту удавалось запастись наличными деньгами, то ихъ умѣли отнять у него въ уплату за право выхода, и вообще употребляли всѣ средства, чтобы выпускать за границу только нищихъ. Употреблялось насиліе и другаго рода, напр. въ г. Зальцбургѣ, куда должны были приходить переселенцы для полученія пас-

портовъ, ихъ обыкновенно продерживали цѣлыя недѣли, похищали у нихъ дѣтей подъ тѣмъ предлогомъ, будто эти желаютъ сдѣлаться католиками, и не гнушались никакими средствами, чтобы спасти ихъ для католической церкви. Все однакожъ было напрасно. Чѣмъ больше нужда, чѣмъ страшнѣе притѣсненіе и чѣмъ ближе бѣда, тѣмъ болѣе возрастало воодушевленіе, и ни одинъ лютеранинъ не хотѣлъ остаться на родинѣ. Въ короткое время выселилось до 80 тысячь человѣкъ и нѣкоторыя мѣстности до того опустѣли, что можно было подумать, что тамъ свирѣпствовала страшная моровая язва. Но князь архіепископъ объ этомъ не сокрушался: „лучше пусть всѣ поля," говорилъ онъ, „зарастутъ терніемъ и волчцами, чѣмъ останется хоть одинъ еретикъ въ моемъ государствѣ." За такой истинно-католическій образъ мыслей, онъ былъ обильно награжденъ папою, такъ какъ Климентъ XII далъ ему титулъ „Excelsus" т. е. „высочество."

Впослѣдствіи, „новое высочество" къ ужасу своему увидѣло, что съ уменьшеніемъ народонаселенія уменьшаются и его доходы, и, чтобы удержать по крайней мѣрѣ еще невыселившихся протестантовъ, архіепископъ требовалъ отъ всѣхъ своихъ подданныхъ такой присяги: „клянусь живымъ Богомъ и всѣми святыми, что я нетолько исповѣдую спасительную римско-католическую вѣру сердцемъ и устами, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрую, что переселяющіеся и имѣющіе переселяться отправляются къ сатанѣ." Однако это неловкое средство удержать людей отъ удаленія имѣло прямо противоположное дѣйствіе; потому что внезапно поднялась изъ подземной соляной копи Галлейна тысяча рудокоповъ, и предъявила архіепископу свое исповѣданіе лютеранской вѣры. Тогда-то онъ заскрежеталъ зубами, увидѣвъ, что его чудесный рудникъ, богатѣйшій источникъ доходовъ, остается безъ рабочихъ рукъ! За рудокопами послѣдовало еще около 20,000 человѣкъ. Вообще же число оставившихъ страну простиралось до двадцати двухъ тысячъ. И какой видъ послѣ этого получила вся страна? Гдѣ прежде кипѣла дѣятельность веселой жизни, тамъ теперь воцарилась могильная тишина, и цѣлыя поколѣнія прошли, пока загладились слѣды насильственныхъ переселеній. Но полный гордости архіепископъ радовался и хвалился, что во всей его странѣ нѣтъ ни единаго еретика, а все истинные католики.

Это было послѣднее преслѣдованіе еретиковъ въ Германіи. Различныя правительства стали наконецъ, приходить къ убѣжденію, что преслѣдованія болѣе приносятъ вреда чѣмъ пользы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и папа долженъ былъ отказаться на будущее время отъ удовольствія вести религіозную войну, по крайней мѣрѣ въ Германіи.

(Продолженіе впредь).

III.

„НОВОЕ ВРЕМЯ“ НЕ СТАРѢЕТСЯ.

Прошлою статьею, напечатанною въ 5 книжкѣ нашего журнала, за нынѣшній годъ, мы хотѣли покончить бесѣду съ читателемъ объ этой, — какъ называютъ ее нѣкоторые русскіе органы,—«польской газетѣ, издающейся на русскомъ языкѣ», потому что въ ней достаточно уяснили программу и идеи, которыя она старается проводить въ публикѣ. Но нѣкоторыя ея сужденія бываютъ такъ оригинальны, что мы вынуждены измѣнить свое желаніе и снова поговорить о ней.

Недавно въ нашей прессѣ говорили объ уничтоженіи римско-католическихъ братствъ, которыми переполненъ сѣверо-западный край. Почти всѣ эти братства за религіозною ширмой скрываютъ цѣль пропагандическую, полонизаторскую. Объ этихъ агитаторскихъ ассоціаціяхъ, не мало способствовавшихъ зародышу и развитію бывшихъ мятежей польскихъ,—читатель можетъ найдти подробныя свѣдѣнія въ 3, 4 и 5 книжкахъ «Вѣстника запад. Россіи», за нынѣшній годъ, въ статьѣ: «О костельныхъ братствахъ.» Между прочимъ въ ней находится и описаніе подвиговъ этихъ достойныхъ братствъ.

«Новое Время» не въ силахъ было молчать, когда разговоръ коснулся предмета слишкомъ близкаго его сердцу. И вотъ, въ № 91, оно, на всякомъ шагу спотыкаясь и на каждомъ словѣ противорѣча себѣ, выступило на защиту братствъ. Такъ, оно говоритъ:

«Братства вообще *всегда* и *вездѣ* представляли не толь-

ко религіозную борьбу за догматы, но и борьбу страстей. Вмѣсто того, чтобы мирить, внушать любовь и смиренія, чтобы учить забывать прошлое и прощать обиды, *братства порождали только ненависть, ожесточеніе, жажду мести.* Первоначальные учредители братствъ могли имѣть въ виду одну только нравственно-религіозную сторону 1). Но они не предчувствовали, до какихъ кровавыхъ разсчетовъ приведетъ ихъ пламенное усердіе къ вѣрѣ 2). *Сѣмя,* посѣянное съ вѣрою и любовію, *принесло обильные, но горькіе плоды: вѣковую вражду, ожесточенную борьбу, кровопролитія, неисчислимыя бѣдствія.»* Слѣдовательно, говоритъ газета: нынѣ администрація *являетъ необходимую и полезную* рѣшимость, принимая мѣры, чтобы на будущее время братства не могли быть вредны и опасны государству.»

Мы вполнѣ соглашаемся съ «Новымъ Временемъ»: р. католическія братства такъ отлично рекомендовали себя при каждомъ случаѣ, когда только являлась удобная минута вредить Россіи, что администрація здѣшняя ничего лучшаго и не можетъ съ ними сдѣлать, какъ только закрыть ихъ. Само «Новое Время» говоритъ, что онѣ только порождали «ненависть, ожесточеніе, жажду мести, вѣковую вражду, ожесточенную борьбу, кровопролитія и неисчислимыя бѣдствія.» Это развѣ еще мало?

Вслѣдъ за этимъ газета спохватилась, что зашла слишкомъ далеко и, нисколько не стѣсняясь грубостью противорѣчія, въ той же статьѣ говоритъ: «но «Голосъ» придаетъ ужъ слишкомъ широкое значеніе римско-католическимъ братствамъ въ политическомъ смыслѣ»,—и потомъ: «во время смутъ могли быть случаи, когда братства, руководимыя своими наставниками, могли возбуждать народъ и споспѣшествовать мятежу, а въ послѣднее время прегра-

1) Изъ вышесказанной статьи: „о костельныхъ братствахъ", ясно открывается цѣль, съ которою онѣ учреждались.

2) Это тоже не понятно: какъ они могли не предчувствовать того, для чего собственно и формировались эти благочестивые сеймы. Тутъ вѣра была только маской, подъ которою скрывались ярые якобинцы.

дать путь къ переходу въ православіе (какъ напр. случай, приводимый «Голсомъ» въ Гродненской губерніи),— но повторяемъ, это были отдѣльные случаи.» Какъ же согласовать эти слова съ сейчасъ только сказанными, что «братства *всегда* и *вездѣ* порождали только ненависть, ожесточеніе, жажду мести, вѣковую вражду, ожесточенную борьбу, кровопролитія, неисчислимыя бѣдствія»?

Потомъ газета начинаетъ доказывать, что время силы и господства братствъ *миновало;* что онѣ безвредныя учрежденія 1), что «братская обрядность впилась столѣтіями въ кровь и жизнь простолюдина» и что, поэтому ихъ нельзя уничтожить. Потомъ «Новое Время» говоритъ: «мы, кажется, достаточно высказали нашъ взглядъ и заявили, что въ наше время *считаемъ вообще братства отжившими свой вѣкъ.* Интересы государства требуютъ тушить каждое враждебное чувство и не допускать пропаганды, подъ видомъ братствъ, одного исповѣданія противъ другого. Намъ нужны другія братства, которыя бы сближали обѣ церкви и ихъ послѣдователей, а не раздражали, не волновали.»

Да, что братства отжили свой вѣкъ, значеніе ихъ пало, имъ въ настоящее время нечего дѣлать, кромѣ распространенія р.-католической пропаганды въ краѣ искони русскомъ и сѣянія вражды противъ всего русскаго въ населеніи издревле православномъ,—ихъ, потому, и слѣдуетъ закрыть. Еще разъ повторимъ: ничего не можетъ быть сдѣлано раціональнѣе, какъ уничтоженіе того, что приноситъ вредъ. Къ чему возлагать на себя трудъ дѣлать р. католическія братства безвредными, когда это былъ бы трудъ напрасный: народныя братства, какъ увѣряетъ весьма компетентная въ этомъ дѣлѣ газета «*всегда* и *вездѣ* приносили и приносятъ горькіе плоды!»

Мы вѣримъ, что братская «обрядность впилась въ жизнь и кровь простолюдина», подтачиваетъ его нравственность, извращаетъ понятія, усиливаетъ фанатизмъ, хан-

---

1) Какже безвредныя, когда братства, „*всегда* и *вездѣ* порождаютъ ненависть, „ожесточеніе и жажду мести.“?

жество. Нужно скорѣе освободить крестьянина отъ этого паразита, который «высасываетъ его кровь и силу».

Р. католическія братства, дѣйствительно, легли всею своею тяжестью на бѣдномъ крестьянскомъ сословіи. Онѣ, для своего существованія, требуютъ матеріальныхъ средствъ нерѣдко превышающихъ возможность удовлетворенія. Бѣдному народу не даютъ опомниться ревнующіе «ко славѣ Божіей» братчики, которые, длинной вереницей—одинъ за другимъ—расхаживаютъ и разъѣзжаютъ по «квестіи», по деревнямъ и селамъ, выманивая и даже требуя отъ крестьянина «десятину» на нужды своихъ братствъ. А сколько братствъ въ краѣ! Сколько разъ въ году взимается съ крестьянина эта самовольная подать? Какъ, поэтому, нужно освободить простолюдина отъ этихъ налоговъ и раскрыть ему глаза при помощи образованія!

Напрасно «Новое Время старается доказать, что шкаплежикъ или четки необходимы крестьянину. Какая необходимость въ нихъ—мы не понимаемъ. Развѣ та, чтобы не лишить братствъ самой доходной статьи.

Странная иногда бываетъ логика у иныхъ газетъ: «Недавно «Новое Время» подхватило мысли «Москов. Вѣдомостей«, что и политическая мудрость учитъ не раздражать религіозныхъ страстей, и требуетъ только, чтобы терпимое исповѣданіе не было политическимъ учрежденіемъ и органомъ чужой національности.» Эта мысль почему то, весьма понравилась «Нов. Времени», и оно, расхваливъ ее на сколько смогло, въ № 104 до того дохвалилось, что увѣряетъ публику, будто вслѣдствіе незнанія политической мудрости полицейскими сѣверо-западнаго края, тамъ часто производится раздраженіе религіозныхъ страстей. Вотъ какъ плачетъ она о крайнемъ обскурантизмѣ здѣшнихъ полицейскихъ:

«Много было случаевъ, въ которыхъ, безъ всякой пользы для кого бы то ни было, безтактность, нерѣдко самый грубый цинизмъ, раздражали религіозныя страсти народа, потому именно, что *эти дѣятели не знали или не хотѣли знать правилъ политической мудрости*. Послѣ закрытія костела въ Сморгонахъ приказано было перевез-

ти оттуда церковныя вещи. Среди бѣлаго дня, удивленные и оторопѣвшіе жители мѣстечка смотрѣли, какъ на нѣсколькихъ подводахъ вывозились въ безпорядкѣ сложенные предметы, которые они привыкли уважать. На одной подводѣ поставленъ былъ конфессіоналъ (кафедра, въ которой исповѣдуютъ) и въ немъ сидѣлъ полицейскій, правившій лошадью, на другой сложены хоругви, олтарики и проч., на третьей помѣщался разобранный катафалкъ, прикрытый саваномъ; на катафалкѣ тоже сидѣлъ полицейскій. На эту сцену съ негодованіемъ смотрѣли даже евреи.»

Рѣшительно не понятно, что тутъ заслуживало негодованія даже евреевъ. Если то, что полицейскій сидѣлъ въ конфессіоналѣ, то въ этомъ нѣтъ никакой «безтактности и цинизма», потому что въ конфессіоналѣ, стоящимъ даже въ храмѣ, дозволяется міряннну садиться во время обѣдни, если онъ не занятъ исповѣдникомъ. Примѣровъ этому можно много видѣть въ здѣшнихъ костелахъ.

Что полицейскій сидѣлъ на разобранномъ катафалкѣ, или на разобранныхъ подмосткахъ, на которые обыкновенно ставятъ гробъ, — въ этомъ нѣтъ тоже ничего предосудительнаго 1). Полицейскіе еще съ тѣхъ поръ пріучились на нихъ сидѣть, когда польское панованье въ краѣ употребляло ихъ при торжественныхъ похоронахъ за возницъ и ассистентовъ, сидѣвшихъ на томъ же катафалкѣ во время печальныхъ поѣздовъ, въ какихъ то странныхъ костюмахъ, которые сильно напоминали іезуитовъ и инквизиторскія шествія осужденныхъ на костеръ и нисколько не шли къ лицу блюстителю порядка. Развѣ то заслужило «негодованія евреевъ», что возница разобраннаго катафалка на этотъ разъ сидѣлъ не въ траурной хламидѣ, въ «какой возсѣдалъ въ былое время? Совсѣмъ иное дѣло, если бы тотъ же самый полицейскій усѣлся на алтарикѣ. Но смѣтливость его ему сказала, что это неприлично, что это грѣшно, и онъ этого не сдѣлалъ. Очевидное дѣло, что «Новое Время» напрасно укоряетъ полицейскихъ въ безтактности, когда само не понимаетъ разницы между церков-

1) Если на катафалкѣ лежатъ мертвые, то отъ чего нельзя на нихъ сидѣть живымъ людямъ?

ною утварью, ничего неимѣющею въ себѣ священнаго, и священною утварью, чтимою всякимъ. Кажется, полицейскіе съ большимъ тактомъ и смѣтливостью, относятся къ подобпой утвари, чѣмъ иныя газеты. Не для того ли «Новое Время» придаетъ серьезный смыслъ такимъ мѣлочамъ, чтобы раздражить религіозныя страсти» и вооружить противъ насъ заграничныхъ крикуновъ?

„Новое Время", войдя въ роль ментора, дидактическимъ тономъ упрекаетъ полицейскихъ въ томъ, въ чемъ не хочетъ сама сознаться виновнымъ, именно: въ незнаніи «правилъ тойже политической мудрости»; которая учитъ, что «терпимое иновѣріе не должно быть политическимъ учрежденіемъ. «Новое Время» не понимаетъ, говоримъ, «правилъ политической мудрости», когда защищаетъ римско-католическія братства, при помощи которыхъ римское латинство въ землѣ славянской стало въ изолированное положеніе; провело рѣзкую границу между русскими-православными и русскими—р.-католиками и, такимъ образомъ, устроило въ государствѣ государство, вдохнуло въ него жизнь искуственную, которая поддерживалась «религіознымъ раздраженіемъ» и соками извнѣ,—изъ Рима,—а въ землѣ русской устроило римскую курію,—племя славянское—превратило въ какихъ то средневѣковыхъ латинянъ, которыхъ существованіе зависѣло отъ метрополіи—Рима. Такое уклоненіе отъ естественнаго теченія жизни народной не можетъ быть терпимо, потому что оно приноситъ страданія органу, къ которому привилось и не имѣетъ иного исхода кромѣ смерти органа (чѣмъ наносится вредъ всему организму),—если во время не будетъ приступлено къ раціональному излѣченію или ампутаціи. Язва-же эта зарождается изъ «религіознаго раздраженія» членовъ одной и той же семьи. Вотъ такое то искуственное государство въ государствѣ, созданное изобрѣтательнымъ Римомъ и поддерживаемое религіознымъ раздраженіемъ р. католическихъ братствъ, не можетъ быть терпимо по смыслу той политической мудрости, на которую ссылается велерѣчивая газета.

Мы соглашаемся съ газетою въ томъ, что «интересы

государства требуютъ тушить каждое враждебное чувство и не допускать пропаганды, подъ видомъ братствъ, одного исповѣданія противъ другаго» мы согласны, что намъ нужны другія братства, которыя сближали бы обѣ церкви и ихъ послѣдователей, а не раздражали, не волновали.» Но для этого теперь во многихъ мѣстахъ устраиваются братства православныя, которыхъ девизъ: братская любовь къ ближнему и прозрѣніе слѣпымъ. Если бы такого девиза держались и р.-католическія братства, онѣ не былибъ политическими ассоціяціями, не грѣшили бы противъ правилъ политической мудрости.

Мы сказали, что нѣкоторые русскіе журналы смотрятъ на «Новое Время», какъ на польскую газету, издающуюся только на русскомъ языкѣ. Въ защиту своей газеты, г. Юматовъ, отвѣтственный редакторъ ея, въ №№ 100 и 167 отрекомендовался публикѣ чиновникомъ государственной канцеляріи, саратовскимъ помѣщикомъ и православнымъ. Все это было приведено имъ какъ доказательство благонамѣренности и «русскаго духа» его газеты, «Голосъ» постоянно называетъ наше изданіе, «польскою газетою на русскомъ языкѣ», говоритъ г. Юматовъ въ № 157 своего изданія. Наши же читатели хорошо знаютъ, что мы старались до сихъ поръ посредствомъ русскаго пера и русскихъ словъ служить исключительно дѣлу здраваго смысла и справедливости». Отлично! но отчего г. Юматовъ,—такъ говорятъ вокругъ насъ,—знакомя читателей съ своимъ послужнымъ спискомъ, упустилъ изъ вида доложить публикѣ, гдѣ онъ воспитывался, и холостъ или женатъ онъ и на комъ? (для этихъ свѣдѣній есть особенныя графы въ формулярахъ). Потому что, говорятъ они, безъ этихъ указаній, скептики все таки не повѣрятъ «русскому духу» его газеты.

Въ упрекъ «Новаго Времени» скептики приводятъ вотъ какое доказательство: смотрите, говорятъ они, «Голосъ», № 241, и читайте тамъ: «въ послѣднее время въ заграничныхъ газетахъ часто встрѣчаются весьма нелѣпые слухи относительно Польши. Берлинскій корреспондентъ «Кельнской газеты», отъ 27 августа (8 сентября)

говоритъ, что, на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, эти слухи нужно считать за новѣйшій результатъ рѣшенія, недавно принятаго польскою партіею дѣйствія—дѣйствовать тремя путями: съ одной стороны распущеніемъ слуховъ о пріобрѣтеніи Пруссіею части русско-польскихъ провинцій, съ другой стороны поддержкою нѣмецкаго движенія къ прибалтійскихъ губерніяхъ и въ третьихъ поддержкою настроенія старо-русской партіи».

Такъ, въ № 147 «Новое Время» очень ловко стращаетъ насъ переходомъ западной части Царства Польскаго въ руки Пруссіи и говоритъ: «Намъ нужны не мѣлкія преслѣдованія и погоня за полицейскими формальностями; ибо, слѣдуя внушеніямъ «Голоса», остается вѣдь только одно—учредить въ штатѣ полиціи (варшавской) особыхъ фортепіанныхъ инспекторовъ, которые гонялись бы за тѣмъ, чтобы строго различать фортепіаны благонадежные отъ не благонадежныхъ, предпочитающихъ мазурку, въ ущербъ вальсу, и «Боже цось Польска» въ ущербъ русскимъ гимнамъ. Для тѣхъ, которые думаютъ такими пріемами обрусить польскую землю, мы скажемъ откровенно, что они работаютъ въ пользу прусскаго короля ils travaillent pour le roi de Prusse.— Н. Юматовъ».

Въ № 151 газета энергично убѣждаетъ, что «дѣятельность крайней польской партіи, направленной противъ Россіи ничего не можетъ принести, кромѣ новыхъ несчастій для польскаго народа. Дѣятельность нашихъ собственныхъ крайнихъ патріотовъ ничего не принесетъ, кромѣ вреда для Россіи и для всего славянскаго міра:

Обѣ стороны вмѣстѣ, и кажда порознь, работаютъ не для Россіи и не для Польши. Онѣ безсознательно работаютъ, какъ мы говорили и прежде, единственно въ пользу Пруссіи. Н. Юматовъ».

Въ № 158 «Новое Время» увѣдомляетъ, что «носятся слухи, что Пруссія получитъ отъ Россіи часть Польши на западъ отъ Вислы, между прочимъ и Варшаву» и проч.

Зададимъ себѣ вопросъ: къ чему подобными слухами поляки тревожатъ насъ? Зачѣмъ они въ нашей публицистикѣ и въ заграничной прессѣ пугаютъ насъ тѣмъ, что

часть Польши отходитъ къ Пруссіи? Затѣмъ, что они сами боятся, чтобъ иногда Россія, соскучивъ возиться съ вѣчно безпокойнымъ сосѣдамъ и взаправду не передала бы его въ руки Пруссіи. Пруссаки мастера стушевывать полонизмы! Читатель извинитъ насъ, если для указанія ему, чего именно поляки боятся и за чѣмъ тревожатъ публику подобными слухами, мы приведемъ ему нижеслѣдующій текстъ изъ № 244 газеты «Голосъ», изъ варшавской корреспонденціи, которая рельефно обрисовываетъ ихъ завѣтныя мечты.

«Извѣстна слабость поляковъ,» говоритъ она, «приплетать свою фантастическую Польшу къ такимъ событіямъ и политическимъ комбинаціямъ, съ которыми она не можетъ имѣть ничего общаго. Послушаешь ихъ, такъ придешь къ выводу, что самое солнце существуетъ только для того, чтобы свѣтить полякамъ. Такъ и теперь, происшедшее въ Швальбахѣ между Государемъ Императоромъ и прусскимъ королемъ свиданіе было, молъ, вызвано единственно польскимъ вопросомъ и городскіе (варшавскіе) толки соединяютъ съ этимъ свиданіемъ важныя для лехитовъ послѣдствія. Все идетъ, будьто бы, къ тому, что западная часть Царства, по Вислу, будетъ уступлена Пруссіи, и на недавномъ свиданіи вопросъ, молъ, рѣшенъ окончательно».

Упоминаю объ этихъ толкахъ для того, чтобъ засвидѣтельствовать, что ляхиты больше всего опасаются такого tour de force. Они нисколько не скрываютъ, что подобный оборотъ дѣла былъ бы для нихъ началомъ конца, равнялся бы неумолимому смертному приговору и потому въ лехитскихъ толкахъ преобладаетъ мнѣніе, что въ виду безпощадной германизаціи, крѣпко подтачивающей польскую силу, полякамъ гораздо желательнѣе оставаться in statu quo, т. е. подъ русскимъ владычествомъ. Почему они предпочитаютъ statu quo,—обыкновенно не договаривается; но не трудно понять, что они крѣпко вѣруютъ въ нашу непослѣдовательность, если надѣются справиться съ нами гораздо легче, чѣмъ съ прусскимъ «историческимъ процессомъ». О громадныхъ же практическихъ преимуществахъ русскаго государства они разскажутъ вамъ съ полною от-

кровенностію. «Если сохрани Богъ отойдемъ мы къ Пруссіи, то всѣ (подразумѣвается шляхта) пойдемъ по міру. Теперь мы хоть и обезсилены надѣломъ крестьянъ и установленіемъ сервитутовъ, но все же обезпечены въ кускѣ хлѣба, оставшеюся за нами земельною собственностію, которой не угрожаютъ уже никакія опасности. Имѣній отъ насъ не отберутъ потому, во первыхъ, что отдать ихъ не кому; а, во вторыхъ, и потому, что русское правительство, чтобы о немъ наши ни говорили, все же придерживается въ своихъ мѣропріятіяхъ юридической почвы. Крестьяне, сдѣлавшись собственниками, уже удовлетворены; здѣшній средній классъ зарекомендовалъ себя столь невыгодно, что не можетъ, конечно, разсчитывать на внѣшнія пособія къ пріобрѣтенію отъ насъ земельной собственности; русскихъ дворянъ и капиталистовъ не хватитъ и на *«забранный* край», а платить намъ жалованья, взамѣнъ отобранія въ казну нашихъ имѣній, правительство не будетъ, какъ платитъ ксендзамъ, потому что помѣщики не состоятъ даже на парафіальной службѣ. Захвати-же насъ въ свои когти Пруссія: всякія юридическія церемоніи пойдутъ въ сторону. Нѣмецкое правительство поведетъ дѣло такъ, что чрезъ годъ другой въ нашихъ помѣстьяхъ окажутся собственниками швабы, а мы, помѣщики, превратимся въ бездомныхъ скитальцевъ, если изъ милости не дадутъ намъ тѣже швабы, въ нашихъ же имѣніяхъ, мѣстъ конторщиковъ. Въ отношеніи къ службѣ, мы, при русскомъ владычествѣ, также обезпечены. Положимъ даже, что русскій языкъ у насъ не будетъ со временемъ отмѣненъ, но пребудетъ обязательнымъ и въ школахъ и въ администраціи. Чрезъ это мы, все таки, не останемся безъ куска хлѣба. Во первыхъ, мы къ русскому языку такъ уже прислушались, что онъ для насъ не совсѣмъ чуждъ, а во вторыхъ, благодаря близкому сходству двухъ нарѣчій, чиновники и учителя могутъ въ три-четыре мѣсяца выучиться по русски на столько, чтобъ и при русскомъ языкѣ спокойно остаться па своихъ мѣстахъ. Всего этого мы лишимся, если только сожметъ насъ въ своихъ объятіяхъ Пруссія. Мы знаемъ, что если отойдемъ къ ней сегодня, то завтра вездѣ и во всемъ бу-

детъ обязательнымъ языкъ нѣмецкій, которому въ нѣсколько мѣсяцевъ не научишься, а слѣдовательно, всѣ поляки, существующіе теперь жалованьемъ, неминуемо попухнутъ съ голоду. У швабовъ, къ тому же, совѣсть покрѣпче и никакія гуманныя соображенія не помѣшаютъ имъ смѣстить немедленно всѣхъ польскихъ чиновниковъ, чтобъ отдать мѣста нѣмцамъ.»

Казалось бы чего же лучше? Если лехиты такъ боятся нѣмцевъ; если, при всей своей къ намъ непріязни, они видятъ въ насъ свое спасеніе, что же мѣшаетъ имъ тѣсно сплотить свои интересы съ нашими и дружно и искренно, рука объ руку, идти впередъ къ великой цѣли общеславянскаго величія!

Далѣе «Новое Время» передовую статью своего № 145, посвящаетъ пангерманизму и остзейскому краю, и расказываетъ, что одна изъ наиболѣе вліятельныхъ газетъ Германіи, именно „Allgemeine Zeitung," радуется, что пангерманизмъ успѣшно развивается въ балтійскихъ герцогствахъ (!) и утѣшаетъ себя тѣмъ, что вопреки русскому давленію, или именно вслѣдствіе этого давленія, германизація остзейскаго края *будетъ* успѣшно продолжаться. Вслѣдствіе этой радости „Allgemeine Zeitung" г. Н. Юматовъ обращается съ возваніемъ къ остзейцамъ и говоритъ:

«Минута, которую переживаетъ теперь остзейское дворянство, тяжелая минута. Съ одной стороны пробужденная Германія, какъ сирена, манитъ его къ себѣ; съ другой въ русскомъ обществѣ проснулось недовѣріе ко всему не русскому и слышатся оскорбительные возгласы (?). Было время, что люди германскаго происхожденія, живя въ Россіи, могли оставаться нѣмцами и быть русскими... Теперь наступила минута, которая требуетъ положить грань между нѣмцами и русскими. Теперь слѣдуетъ стать на ту или другую сторону. Слѣдуетъ признать себя или братьями людей, прославившихъ нѣмецкое имя подъ Кенигрецомъ и создавшихъ нынѣшній нѣмецкій Hochmuth, или братьями тѣхъ, которые сожгли Москву, чтобы спасти Россію и затѣмъ съ развернутыми знаменами, вступали тріумфаторами въ Парижъ.» Къ чему ставить Остзейскія провинціи

между посылками этой дилеммы, когда одна изъ нихъ, опровергнута назадъ тому полтора вѣка и когда эти провинціи составляютъ часть русской имперіи, которую безъ боя никто отнять у нее не можетъ. Указывая на побѣдителей при Кенигрецѣ, не значитъ ли подсказывать охоту къ солидарности съ этими побѣдителями, «прослававшими нѣмецкое имя,» и сепарацію отъ Россіи?

Напрасны тревожные крики и безумныя надежды тѣхъ, которые вѣрятъ въ успѣхъ германизаціи края, отодвинутаго на далекое разстояніе отъ Германіи. Да и пользы ни Германіи, ни остзейскому краю отъ подобной утопической метаморфозы, — если допустить возможность ея осуществленія, — не можетъ быть; потому что германизмъ не можетъ долго и прочно держаться въ крошечномъ (сравнительно) обществѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ сплошною, густою массою кореннаго русскаго населенія, какъ новгородцы, псковичи и русскіе литовцы.

Какъ въ германизаціи остзейскаго края, такъ равно и въ наступательномъ движеніи Drang nach Osten—тоже нѣтъ ничего угрожающаго. Одни только наши противники и за одно съ ними «Новое время», стараются придать этому дѣлу громадные размѣры, чтобы скорѣе убѣдить насъ въ необходимости устройства барьера 1) и дарованія Польшѣ самостоятельности; тогда за ея спиною мы будемъ вполнѣ безопасны отъ этого страшилища. Для этой единственно цѣли насъ и пугаютъ пореходомъ Польши во власть Пруссіи.—«Вотъ, говорятъ наши противники,—смотрите грозный пангерманизмъ уже двигается на васъ. Польша поглощена имъ; остзейскій край проглатывается. Скоро и васъ онъ цѣликомъ проглотитъ. Вы не хотѣли намъ вѣрить, что единственное ваше спасеніе зависитъ отъ воскресенія *крулевства*. Мы желали вамъ, какъ братья ваши, добра, а вы не слушались насъ.... и т. п.»

Дѣйствительно, кое какая германизація, благодаря нашей оплошности, вкралась въ остзейскія губерніи; но эта

---

1) Любопытные сужденіе объ этомъ барьерѣ „Новаго Времени" см. въ 5 кн. „Вѣстн. Зап. Россіи," за нынѣшній годъ, въ статьѣ „Новое Время."

германизація такъ ничтожна, что она должна совсѣмъ исчезнуть отъ тѣхъ средствъ, которыя предприняты уже правительствомъ. Русское образованіе, русскія народныя школы и дарованіе господства русскому языку — пока и довольно. Время и дѣйствіе этого лѣкарства покажутъ, нужно ли будетъ еще что предпринять или вполнѣ достаточно и этого для произведенія реакціи и уничтоженія зародыша болѣзни. Свобода же печати, этотъ сильнѣйшій боецъ XIX вѣка, какъ выражается г. Юматовъ—еще преждевременна собственно потому, что некому сражаться этимъ оружіемъ. Въ настоящее время немыслима успѣшная борьба на этомъ полѣ латыша, разучивающаго русскую азбуку, съ развитымъ и образованнымъ остзейскимъ дворяниномъ. Нужно дать пройдти десяткамъ лѣтъ, пока латышъ научится хоть кое какъ владѣть такимъ оружіемъ. Въ противномъ случаѣ, можно заранѣе угадать, что побѣда будетъ на сторонѣ нѣмца — остзейца и принесетъ только вредъ всему дѣлу и разстроитъ планы правительства.

Самое же лучшее средство, которое отлично подѣйствуетъ противъ непрошенаго пангерманизма, это скорѣйшее и коренное сліяніе Польши съ Россію. Тогда, чрезъ подобный барьеръ, будетъ труднѣе перешагнуть такому исполину, каковъ по увѣренію «Новаго Время» грозный Drang nach Osten. Да и Россіи будетъ тогда безопаснѣе и спокойнѣе, чѣмъ за спиною такой вѣроломной союзницы, какова Польша. Произвести этотъ маневръ можно при помощи того же самаго рецепта, который одобренъ г. Юматовымъ для остзейскаго края. Русское образованіе, русскія школы, откуда юношество и будущіе поляки будутъ выходитъ со свѣжими головами, не отуманенными іезуитскою схоластикою, и разумнымъ понятіемъ относительно порядка вещей, господство русскаго языка и русское судопроязводство, — вотъ главные ингредіенты лѣкарства, для полученія желаннаго результата. Какъ смѣшны и неумѣстны протоколы губернскихъ правленій Риги и Ревеля на нѣмецкомъ языкѣ, также точно смѣшны и неумѣстны они въ Кельцѣ или Радомѣ на польскомъ языкѣ, точно также смѣшно и рѣшеніе дѣлъ въ губернскомъ правленіи Радома по кодексу Наполеона и польскому статуту.

Свободная же печать, которой такъ сильно домогается «Новое Время» — еще болѣе вредна для привислянскаго края, чѣмъ для остзейскаго. Свободная печать въ продолженіи двадцати лѣтъ воскресила (живую) Чехію, но она не можетъ воскресить Польши. Чехія не могла слиться съ чуждымъ ей нѣмецкимъ племенемъ; ей предстояла смерть. Польшѣ не угрожаетъ смерть; напротивъ, ей предстоитъ блестящая и завидная доля отъ слитія во едино съ родною ей Россіею и, потомъ, отъ совмѣстнаго шествія къ свѣтлому назначенію, какое предопредѣлено Провидѣніемъ славянамъ. Ей нужно не воскресеніе, а измѣненіе. На политическую автономію она не имѣетъ никакихъ правъ, потому что для нея она не возможна. Это доказываютъ ея печальная исторія и рядъ тѣхъ грустныхъ безпорядковъ, которыми сопровождалось ея жалкое независимое существованіе: ея самобытность вредна какъ для нея самой, такъ и ея сосѣдей, что доказывается всей ея исторіей.

Свободная печать скорѣе можетъ возродить у поляковъ воспоминаніе о томъ давно минувшемъ времени, когда въ безалаберной Польшѣ безобразничали произволъ и своеволіе—и возбудить болѣе пылкое желаніе возврата того прекраснаго для нихъ времени и доставить удобный случай къ распространенію тѣхъ революціонныхъ прокламацій, лжей и клеветъ на Россію, резервуаромъ которыхъ теперь служитъ заграничная пресса. Теперь перейдемъ къ третьему пункту геніальной тактики, изобрѣтенной противъ насъ дѣятельною польскою партіею дѣйствія.

Прежде всего, что такое разумѣетъ польская эмиграція подъ именемъ «старо-русской» партіи, о которой, кажется, пока мало кто слышалъ? Отвѣтъ найдемъ въ «Познанскомъ Дневникѣ» 1), который увѣряетъ по самымъ „*достовѣрнымъ и высокопоставленнымъ*" источникамъ, что въ Россіи существуетъ очень могущественная «русскія партія», сильная при дворѣ, которая хлопочетъ о примиреніи поляковъ съ русскими на слѣдующихъ условіяхъ:

---

1) См. „Новое Время," №№ 153 и 160.

1) Возстановленіе отдѣльнаго административнаго положенія Царства польскаго и его автономіи, какою оно пользовалось при Велепольскомъ.

2) Присоединеніе къ нему великаго герцогства Познанскаго и западной Галиціи.

3) Обмѣнъ государственныхъ имѣній, подаренныхъ русскимъ въ Царствѣ польскомъ на имѣнія, находящіеся во владѣніи поляковъ въ западномъ краѣ.

4) Выкупъ другихъ польскихъ имѣній въ западномъ краѣ посредствомъ процентныхъ бумагъ, подлежащихъ постепенному погашенію.

5) Учрежденіе отдѣльныхъ польскихъ полковъ, которые должны быть неразрывно связаны съ русскою арміею (!).

Такія кондиціи приписываетъ „Познанскій Дневникъ" „русской" партіи, которую польская партія дѣйствія должна поддерживать и которую, вѣроятно, по ошибкѣ, берлинскій корреспондентъ „Кельнской Газеты" назвалъ „старо-русскою," вмѣсто „русской."

Но дѣло не въ названіи. Съ насъ довольно, что мы знаемъ, что есть въ Россіи какая-то партія, которая на столько проникнута индиферентизмомъ, что за одно работаетъ съ нашими противниками. Ихъ то собственно „виленскіе клерикалы" и „блаженные" окрестили „полякующими," за что и удостоились отъ „Новаго Времени" и „Вѣсти" разныхъ эпитетовъ—(въ томъ числѣ и вышеприведенныхъ) и брани, которая неумѣстна въ уважающей себя публицистикѣ.

Вотъ на что указываютъ скептики, сомнѣвающіеся въ „русскомъ духѣ" „Новаго Времени." Своего мнѣнія по этому дѣлу мы не высказываемъ и предоставляемъ волѣ читателя комментировать кто правъ: скептики ли, отвергающіе „русскій духъ" „Новаго Времени" или „Новое Время," доказывающее благовонность своего ess—bouquet'а. Наше дѣло—сторона...

А...ъ З...кинъ.

IV.

ЯГАЙЛО.

Историческій романъ.

*(Продолженіе *).*

ЧАСТЬ 1-я

ГЛАВА 8-ая

Ригальда.

Теперь намъ приходится вернуться немного назадъ, чтобы познакомить читателя съ личностью вайделотки Ригальды. Она была дочь литовскаго боярина, служившаго тіуномъ въ Трокахъ, у Кейстута. До 18 лѣтъ она жила у своего отца, въ трокскомъ велико-княжескомъ замкѣ. Тамъ-то именно и встрѣчалась она съ Ягайлой... Это случилось вотъ какъ: Ягайло и Витовтъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ были дружны и зачастую гостили другъ у друга. Два года назадъ, Витовтъ и Ягайло были вмѣстѣ на охотѣ, въ жмудскихъ лѣсахъ. Возвращаясь оттуда, Ягайло заѣхалъ къ Витовту въ Троки и остался на нѣсколько недѣль гостить у него. Витовтъ былъ неотлучно при своемъ дорогомъ гостѣ и всячески старался занять своего двоюроднаго брата. Только нѣсколько урочныхъ часовъ, въ которые Витовтъ учился нѣмецкому и латинскому языкамъ, отвлекавшими его отъ любезнаго Яши, такъ звалъ онъ иногда нашего героя. Въ это время Ягайло почти всегда отправлялся гулять вокругъ трокскаго замка и прислушивался къ плескамъ волнъ озера Гальвы.... Однажды, гуляя по берегу озера,

---

*) См. «Вѣст. Зап. Россіи» за 1867 г. кн. 10, 11 и 12 и за 1868 г. кн. 3, 4 и 5.

и проходя близъ стѣны главной башни, онъ получилъ легкій толчекъ въ плечо. Оглянувшись, Ягайло увидалъ у ногъ своихъ только что скатившійся съ плеча вѣнокъ изъ васильковъ. Поднявъ его и осмотрѣвъ, онъ машинально взглянулъ на верхъ; въ одной изъ нижнихъ бойницъ выглядывало хорошенькое женское личико, на розовыхъ губкахъ которой ползала добродушная улыбка... Встрѣтивъ взглядъ Ягайлы, это милое личико покраснѣло и сейчасъ же скрылось. Для нашего героя этого было достаточно... Каждый день, такъ только Витовтъ сядетъ за свои уроки языкознанія, Ягайло отправляется на берегъ озера и ходитъ вокругъ интересной башни до тѣхъ поръ, пока не покажется въ завѣтной бойницѣ «милое личико,» а оно каждый разъ ему показывалось и каждый разъ онъ получалъ вѣнокъ изъ васильковъ. Ягайло влюбился въ это личико и былъ совершенно счастливъ этой любовью, хотя еще и не сказалъ красавицѣ ни одного слова... Да онъ и не хотѣлъ выходить изъ предѣловъ созерцательности, ему, повторяю, нравилось только личико, на которомъ щеки горѣли румянцемъ, голубые глаза свѣтились огнемъ, а уста, улыбаясь, шептали что то такое, что онъ не могъ слышать, но могъ понимать, что въ шопотѣ этомъ есть признаніе его побѣды, и онъ блаженствовалъ...

Богъ знаетъ, чѣмъ бы это кончилось, если бы счастливый случай не свелъ нашего героя съ этой хорошенькой женской головкой.

Разъ онъ гулялъ по берегу озера и не встрѣтивъ ни въ одной бойницѣ своей милой, разгнѣвался на нее за такое невниманіе и, какъ бы желая отомстить ей, пошелъ черезъ подъемный мостъ, ведущій съ острова на берегъ; постоявъ не много на берегу, онъ отправился въ поле, на которомъ волновалась рожь колосистая. Долго онъ гулялъ во ржи безъ всякой цѣли и по разнымъ направленіямъ, наконецъ, почувствовавъ усталость, опустился на землю. День былъ чрезвычайно жаркій, на голубомъ чистомъ небѣ, кое гдѣ, и то только по краямъ, носились легкія парообразныя облака. Надъ головою Ягайлы въ лазури тамъ и сямъ плавали жаворонки, пѣсни которыхъ серебромъ разсыпались въ чистомъ воздухѣ... Вдругъ онъ слышитъ, что съ пѣніемъ жаворонковъ начало сливаться пѣніе человѣческое, какъ будто бы женское, но только гдѣ то далеко. Ягайло поднимается на ноги и присматривается въ ту сторону, откуда неслись звуки, а они неслись изъ за кургана, который возвышался среди поля. Онъ идетъ по полю къ кургану, всходитъ на верши-

у его и глазамъ его представляется слѣдующее: у подножія кургана, въ литовскомъ дѣвичьемъ костюмѣ, сидитъ его любезная незнакомка и, распѣвая литовскія пѣсни, вяжетъ вѣнокъ изъ васильковъ. Такъ вотъ гдѣ она, подумалъ Ягайло и началъ спускаться съ кургана.

Увидѣвъ Ягайлу, хорошенькая незнакомка смутилась немного, пѣсня умолкла, лицо зардѣлось маковымъ цвѣтомъ и голубые глаза стыдливо опустились на зеленый передникъ, увѣшанный дѣвичьими бубенчиками...

Въ свою очередь смутился и Ягайло... Настало довольно долгое молчаніе. Наконецъ хорошенькая знакомая незнакомка прервала его.

— Князь! тебѣ не пригоже ходить туда, гдѣ тебя не ждутъ, сказала она, не поднимая глазъ.

— А кого жъ ты здѣсь ждала?... спросилъ ее Ягайло.

— Ни кого я здѣсь не ждала...

— А для кого вѣнокъ связала?

— Для кого связала?

— Да...

Она подняла глаза и, окинувъ ими Ягайлу, снова опустила ихъ. Герой нашъ не могъ прочесть въ этомъ выраженіи глазъ ничего.

— Чья ты дочь? продолжалъ онъ спрашивать.

— Здѣшняго тіуна.

— Такъ для кого же ты вѣнокъ связала?

— Ты самъ, князь, знаешь...

— Не знаю... процѣдилъ сквозь зубы Ягайло.

— Не знаешь, а каждый день получаешь отъ меня такія вѣнки!?!.. едва слышно сказала незнакомка. Въ голосѣ ея слышался упрекъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Ригальдой!

— А мать у тебя есть?

— Есть... «Безъ матери нельзя на свѣтъ явиться,» отвѣтила она литовской пословицей; только она давно уже спитъ вѣчнымъ сномъ, вонъ тамъ близь русской церкви, добавила Ригальда, показывая на церковь, которая стояла на берегу озера.

— Да вѣдь ты литвинка?

— Ну такъ чтожъ?

— А то, что всѣ литовцы язычники говорятъ, что послѣ смерти ихъ сродники не спятъ вѣчнымъ сномъ, а живутъ на скалѣ блаженства...

— Моя мать была христіанкой... Она была дочь дейновскаго боярина русина.

— Что же она тебя не окрестила?

— Не знаю... Одни говорятъ, что крестила поукрадкой отъ отца, а другіе нѣтъ; кому вѣрить, не знаю...

— А сама ты хотѣла бы быть христіанкой?

— Мнѣ все равно... Иной разъ я молюсь къ оставшимся послѣ матери христіанскимъ образамъ, украдкой разумѣется, отъ отца, а другой разъ хожу молиться въ трокскую кривичанскую божницу.... Да вотъ скоро придется мнѣ сдѣлаться войделоткой въ виленскомъ храмѣ Перкуна, сказала Ригальда, и послѣднія слова какъ то особенно жолчно.

— Ты хочешь сдѣлаться войделоткой? почти съ ужасомъ спросилъ Ягайло.

— Да, я, по желанію отца, еще въ малыхъ лѣтахъ на этомъ курганѣ дала обѣтъ святой дѣвѣ Прауримѣ сохранить свое дѣвство и клятву эту сдержу свято.

— Значитъ тебѣ нельзя будетъ выходить замужъ? грустно спросилъ Ягайло.

— Нельзя... Да и бѣда въ томъ не велика, выйдти замужъ за того, который по сердцу пришолся, нельзя...

— Почему?

— Потому что тотъ, кто завладѣлъ моимъ дѣвичьимъ сердцемъ, князь удѣльный, сынъ короля Ольгерда... Ему найдутъ княжну удѣльную, а я... дочь тіуна трокскою.

— Кто жъ это тебѣ по сердцу то пришолся, неужели я? подвигаясь къ ней и улыбаясь, выпытывалъ Ягайло.

Вмѣсто отвѣта она бросила на него такой взглядъ, въ которомъ лучше всякихъ словъ выразилось согласіе.

Ягайло обнялъ ее и поцѣловалъ; она не противилась, только сильно покраснѣла.

— Давно ли я тебѣ приглянулся? Спросилъ Ягайло.

— Съ прошлаго лѣта, когда у князя Витовта ты гостилъ.....

Какъ первый разъ увидала тебя я, такъ и сама не знаю, что ю мною сдѣлалось: сердце такъ шибко запрыгало, что я дышать не могла, потомъ все ты мнѣ мерещился вездѣ, все-то я о тебѣ думала.... Кажется бы вотъ такъ и бросилась бы на шею къ тебѣ, да воли не было.... А когда ты уѣхалъ изъ Трокъ въ Вильну, я такъ начала тосковать по тебѣ, что даже утопиться хотѣла отъ кручинушки.... Словно змѣя тогда сосала мое сердце, ужъ такъ мнѣ было больно, такъ больно!...

— А теперь? Перебилъ ее вопросомъ Ягайло.

— Теперь?... Теперь мнѣ хорошо на твоей груди, хорошо какъ пышному цвѣтику на своемъ стебелькѣ... Да развѣ ты самъ не видишь, что мнѣ хорошо? Въ свою очередь, спросила она.

— Сердце дѣвичье потемки! Какъ мнѣ знать, что у тебя на душѣ!?! Съ лукавой улыбкой, замѣтилъ ей Ягайло.

Ригальда мгновенно освободилась отъ его объятій и отодвинулась отъ него.

— Князь! хитрить и лукавить мнѣ нечего — Еслибъ я не любила тебя, то не вѣшалась бы тебѣ на шею, не радовалась бы такъ, не забывала бы, что я дѣвица, не была бы глуха къ этимъ шипящимъ звукамъ, которые исходятъ изъ дѣвичьихъ бубенчиковъ,—говорила она, показывая на зеленый передникъ, увѣшанный бубенчиками. Ягайло смѣшался и молчалъ, она продолжала: мнѣ, князь, ничего ненужно, кромѣ твоихъ ласкъ, княгиней— женой твоей я не буду; такъ самъ видишь, что не изъ корысти я полюбила тебя....

При этомъ Ягайло немного оправился.

— Ты не сердись на меня, Ригальда.... Я сказалъ пословицу безъ умыслу, ради краснаго словца, замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ ужъ ты, князь, впередъ такихъ красныхъ словъ не говори, прошу тебя.... Дѣлай со мной, что хочешь, только не обижай меня...

Ягайло подошолъ къ ней.

— Какая ты красивая, Ригальда! сказалъ онъ, желая перемѣнить разговоръ.

— Что мнѣ въ этой красотѣ, сказала она со вздохомъ. Вѣдь ты меня любить не будешь?! добавила она,—не то вопросительнымъ, не то заключительнымъ тономъ.

— А почему ты это знаешь? спросилъ Ягайло.

— Да потому, что и безъ меня у тебя есть кого любить, познатнѣе да и побогаче,—а я роду не княжескаго...

— За то ты красивѣе всѣхъ княгинь на свѣтѣ, говоритъ Ягайло.

— У меня въ этомъ все мое богатство...

— Я этого богатства искалъ...

— Князь! говори правду.... Боги накажутъ тебя, если ты обманываешь меня. Ты видишь, что я твоя, не шути же моей любовью, а люби меня хоть въ половину такъ, какъ я тебя... Я не набиваюсь къ тебѣ въ жены, не требую отъ тебя вѣчной любви, но прошу тебя, хоть на то время, пока ты будешь у насъ въ Трокахъ, никому кромѣ меня не открывать своихъ объятій, что бы никто кромѣ меня не смѣлъ играть твоими кудрями шолковыми,—цѣловать и миловать тебя, чтобы все это мнѣ одной можно было,—понимаешь князь одной? Дѣлиться ни съ кѣмъ я не хочу, пусть счастье мое будетъ также полно, — какъ озеро Гальва въ берегахъ своихъ... Пусть все то, о чемъ мнѣ снилось и мечталось исполнится на яву,—говорила Ригальда, страстно смотря въ лицо Ягайлы.

У Ягайлы бросилась кровь въ голову, онъ порывался что то сказать, но не могъ, вмѣсто словъ вылетали какіе то неопредѣленные звуки, послѣ которыхъ онъ схватилъ руки Ригальды. Въ это время, не вдалекѣ отъ кургана, какой то мужской голосъ звалъ Ягайлу. Ригальда первая услыхала этотъ зовъ.

— Князь! Тебя зовутъ, сказала она, освободившись изъ объятій Ягайлы.

— Кто? Спросилъ разрумяненный Ягайло.

— Не знаю..., Чу, слышишь?

— Это мой конюшій Войдыйло! вѣрно ищетъ меня....

— Ну такъ прощай....

— Куда ты? Его тебѣ бояться нечего, онъ не скажетъ никому, что видѣлъ меня съ тобою....

— Нѣтъ, нѣтъ, прощай, я хочу, чтобы кромѣ тебя никто не зналъ что я твоя, слышишь, князь, никто?! поспѣшно цѣлуя его, говорила Ригальда.

— Но вѣдь онъ тебя увидитъ же? Замѣтилъ Ягайло.

— Нѣтъ не увидтъ, я пойду въ замокъ черезъ подземный

ходъ, который идетъ вотъ изъ подъ этого кургана, вонъ видишь камень,—подъ нимъ входъ.... Только ты, князь, объ этомъ ни кому не говори: этотъ потаенный ходъ извѣстенъ только князю Кейстуту, его сыновьямъ Патрикію, Войдату и Витовту, да моему отцу. Прощай, князь! приходи сюда завтра объ эту пору, да только не вели ходить за собой своему конюшему,—говорила Ригальда, взявъ вѣнокъ и направляясь къ камню...

— Ригальда! погоди немного... Спрячься въ рожь пока, а я сейчасъ прогоню Войдыйлу,— сказалъ Ягайло.

— Нѣтъ, не могу; отецъ хватится....

— Ну такъ отдай вѣнокъ...

— Я кину его тебѣ...

— Откуда?

— Увидишь послѣ, сказала Ригальда, безъ большого усилія, отодвигая камень, и проворно входя въ отверстіе. Прощай!— послышалось изъ глубленія и камень задвинулся за Ригальдой.

Взволнованный Ягайло, оглянувшись вокругъ себя, увидѣлъ входящаго на вершину кургана Войдыйлу.

— Ты меня ищешь? Спросилъ Ягайло своего дядьку.

— Да, княже, тебя, отвѣчалъ онъ.

— Я вѣдь не трехлѣтній ребенокъ, — чтобы за мной вездѣ глядѣть нужно было,—сердито проворчалъ Ягайло.

— Я не самъ за тобой, княже, пошолъ,—меня послалъ твой дядя, князь Кейстутій.... Рыбу вишъ ловить сбираются въ озерѣ, такъ безъ тебя не хотятъ начинать,—продолжалъ Войдыйло.

— Нашли время рыбу ловить! сказалъ Ягайло и, поднявъ нѣсколько васильковъ, — во множествѣ валявшихся у ногъ его, пошелъ по направленію къ замку.

Когда онъ подходилъ къ воротамъ замка, то со стѣны къ ногамъ его упалъ тотъ самый вѣнокъ, который за нѣсколько передъ тѣмъ минутъ—онъ просилъ у Ригальды. Ягайло, поднявъ вѣнокъ, посмотрѣлъ къ верху; надъ воротами, въ одной изъ бойницъ, выглядывала раскраснѣвшаяся Ригальда.

Она опередила меня подземнымъ ходомъ, — подумалъ Ягайло и, улыбнувшись ей, пошелъ въ замокъ.

Наступала суровая и дождливая осень; порывистый вѣтеръ обнажалъ дерева отъ пожелтевшихъ листьевъ и вихремъ уносилъ

ихъ въ чистое поле, закручивая колесомъ. Пѣнистые валы озера Гальвы производили какой то тоскливый гулъ посрединѣ, а по краямъ сердито шумѣли въ почернѣвшемъ тростникѣ.

Въ одинъ изъ самыхъ сѣренькихъ осеннихъ дней, въ полдень, изъ тайнаго подземнаго входа у кургана—вышла Ригальгда; осмотрѣвшись кругомъ, она завалила за собой камень и, еще разъ кинувъ взглядъ по направленію къ трокскому замку, поспѣшно направилась къ лѣсу черезъ пожатое поле. Придя къ опушкѣ лѣса, она снова оглянулась назадъ и, немного подумавъ, пошла по тропинкѣ ведущей въ чащу лѣса....

Въ лицѣ Ригальды произошла большая перемѣна къ худшему, съ тѣхъ поръ какой мы видѣли ее нѣсколько мѣсяцевъ назадъ съ Ягайлой, возлѣ кургана. Глаза ея, прежде блѣстѣвшіе какимъ то жгучимъ огнемъ, теперь потускнѣли, подъ ними образовались темныя полукружія; вмѣсто нѣжнаго разоваго румянца и ослѣпительной бѣлизны кожи, лицо покрылось какой то болѣзненно—зеленоватой блѣдностью.

Долго она шла по узкой и извилистой тропѣ, которая привела наконецъ ее къ довольно глубокому оврагу, поросшему сплошнымъ кустарникомъ. Спустившись въ оврагъ, Ригальда пошла по дну его, съ трудомъ раздвигая сучки деревъ. Усталая, она вышла на небольшую площадку, гдѣ росъ величавый дубъ, на вершинѣ котораго виднѣлось опустѣвшее гнѣздо аиста. Въ низу подъ дубомъ сидѣлъ черный воронъ, спрятавъ подъ крыло свой толсты клювъ. Заслышавъ шаги, онъ встрепенулся и, увидѣвъ входящую на площадку, Ригальду, закаркалъ и поднялся на вершину дуба. Вслѣдъ за этимъ послышались слова выходящія какъ будто бы изъ подъ дуба.

— Кто тревожитъ меня, бѣдную старуху,— лютый звѣрь или злой человѣкъ? Спрашивалъ какой то хриплый голосъ, политовски.

— Не лютый звѣрь и не злой человѣкъ, а дѣвица Ригальда, которая до тебя имѣетъ дѣло, — отвѣчала Ригальда тоже политовски.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ за дуба вышла, какъ будто изъ земли выросшая, сгорбленная старуха, закутанная въ разныя лохмотья.

— Здравствуй, голубка моя, Ригальда.... Давно ты у меня не

была, говорила старуха, внимательно всматриваясь въ лице Ригальды.

— Давно бабушка, давно!.... по веснѣ я была у тебя, отвѣчала Ригальда.

— Знаю, голубка, знаю.... я все знаю, чего и ты не знаешь, и то я знаю.... Тебѣ я тогда гадала про твоего сердечнаго, молодаго князя..... ну а теперь за чѣмъ ты пришла ко мнѣ?

Ригальда вынула изъ подъ платка нитку жемчугу и подала его старухѣ.

Бабушка! вотъ возьми мой жемчугъ многоцѣнный, только дай мнѣ за него зелья... такого зелья, отъ котораго..... — И, не договоривъ, она замолчала; по выраженію ея глазъ и лица, Ригальда какъ будто бы желала, чтобы сама старуха назвала эта зелье.

— Спасибо тебѣ за жемчугъ, голубка моя, а про зелье—скажи, какого тебѣ надобно, отъ хворобы или немочи,—отъ кручинушки или?...

— Бабушка мнѣ страшно говорить....

— Говори, не бойся; подъ этимъ дубомъ тебѣ нечего бояться, здѣсь ты въ безопасности, никто тебя кромѣ меня не слышитъ, никто не видитъ, а если кто къ этимъ мѣстамъ будетъ приближаться, такъ меня мой сторожъ вѣрный увѣдомитъ.... При этомъ старуха показала на ворона, который сидѣлъ на вершинѣ дуба.

— Бабушка,—начала, послѣ нѣкотораго колебанія, Ригальда. Весною ты мнѣ сказала, что по гаданью твоему выйдетъ такъ, какъ я хотѣла; что увижу своего сердечнаго; буду играть его шелковыми кудрями,—цѣловать его въ губы алыя и много радостей увижу съ нимъ.. Все это исполнилось, какъ ты говорила, играла я шелковыми кудрями, цѣловала его, миловала, къ сердцу часто прижимала, узнала я что такое радости на землѣ, узнала я что сердечный другъ дороже и милѣй солнца яснаго, краше Атримпоса прекраснаго.... Но не долго мнѣ пришлось наслаждаться счастьемъ—радостями, уѣхалъ мой сердечный другъ, уѣхалъ, не простившись со мной, не сказавъ мнѣ въ послѣдній разъ слова ласковаго... Да и не объ этомъ я тужу и горюю, будетъ съ меня, хоть не много, да пожила.... Но вотъ меня что пугаетъ, бабушка: по себѣ онъ оставилъ память, она вотъ здѣсь подъ сердцемъ.... я беременна, бабушка...,.... Если бы я была замужная, то этотъ грѣхъ знала бы только одна.... Но я дѣвушка, какъ я могу скрыть свой позоръ?...

Отецъ мой въ гнѣвѣ его будетъ справедливъ, потому что я дала обѣтъ сдѣлаться войделоткой и всю жизнь служить чистой дѣвѣ Прауримѣ... Но ты сама теперь знаешь, что я нарушила обѣтъ, что я клятвопреступница страшная...... Дай же мнѣ бабушка такого зелья, которое могло бы уморить меня.... Мнѣ больше жить не зачѣмъ, я отжила свое.....

Въ это время, сгорбленная старуха выпрямилась, глаза ея страшно забѣгали.

— Ригальда! Возьми свой жемчугъ, у меня такого зелья нѣтъ, сказала она.

— Нѣтъ? Бабушка! ты сама мнѣ говорила, что у тебя есть всякія зелья.... будь милостива, сжалься надъ несчастной,—все равно я брошусь въ озеро, если ты не дашь мнѣ смертельнаго зелья,— говорила Ригальда, опускаясь передъ колдуньей на колѣна.

— Встань, голубка! встань, Ригальда, не ползай передъ мной на колѣнахъ, ни слезы, ни мольбы не помогутъ тебѣ; у меня нѣтъ такого зелья....

— Бабушка! я дамъ тебѣ еще жемчугу, принесу много камней самоцвѣтныхъ, парчей дорогихъ, только дай мнѣ моей смертью скрыть позоръ свой......

— Не нужно мнѣ ни жемчуга твоего, ни камней самоцвѣтныхъ, ни парчей дорогихъ, ничего. На злыхъ вороговъ, у меня есть зелье смертельное, а для друзей нѣту.... Богамъ нашимъ это противно, не попустятъ они этого.... если ты грѣшна то ступай въ капище и очисти себя самосожженіемъ и богамъ будетъ пріятно и тебѣ хорошо, на калпасѣ блаженства будешь.... А зелья смертельнаго я тебѣ не дамъ.... встань, Ригальда, и не проси болѣе меня...

— Бабушка! если ты не хочешь дать мнѣ зелья смертельнаго, такъ дай такой травы или волшебныхъ кореньевъ, отъ которыхъ тотъ кто лежитъ у меня подъ сердцемъ умеръ бы....

— Ты хочешь уморить его, за что же? Вѣдь ты одна во всемъ виновата, за чѣмъ же ты хочешь смерти младенца невиннаго? Нѣтъ, Ригальда, нѣтъ голубка моя, не дамъ тебѣ и такого зелья.... Ты еще молода, какъ первая травка по веснѣ.... На землѣ мѣста для всѣхъ хватитъ, солнце грѣетъ и свѣтитъ для всѣхъ, за чѣмъ же ты хочешь смерти своему дѣтищу?..

— Затѣмъ, что люблю его.... Что за жизнь дѣтища отъ опозорѣнной матери? Лучше же ему умереть тогда когда онъ не чув-

ствуетъ еще ничего, нежели тогда, когда узнаетъ онъ, что на землѣ за радостью слѣдуетъ горе .....

— Ригальда! тебѣ хочется еще жить?

Ригальда вмѣсто отвѣта тяжело вздохнула и отрицательно покачала головой.

— Не лукавь, голубка моя, не перехитрить тебѣ меня старуху. Колдуньей не даромъ меня въ околодкѣ называютъ .... Ты пришла ко мнѣ попросить у меня зелья не для себя, а для дѣтища; я поняла тебя, я узнала твои мысли.... Но не печалься, голубка, я помогу тебѣ..... Безъ зелья, касатка моя можно обойтись, пойдемъ Ригальда ко мнѣ внизъ, въ пещеру, тамъ я тебя научу, что дѣлать нужно.... Зачѣмъ тебѣ искать смерти, когда у тебя еще много впереди радостей..... Будешь и матерью, будешъ и войделоткой...... Только дай мнѣ сперва клятву, поклянись тѣнью своей матери....

— Въ чемъ?

— Въ томъ, что твое дѣтище, мальчикъ ли онъ будетъ или дѣвочка, будетъ отдана мнѣ....

— Клянусь! поспѣшно сказала Ригальда.

— Помни же свою клятву и ни о чемъ не безпокойся, никто не узнаетъ, не провѣдаетъ о томъ, что ты будешь матерью. Пойдемъ въ пещеру, тамъ я тебѣ скажу, что дѣлать, моя голубка и погадаю на водѣ о будущемъ.

Ригальда встала и послѣдовала за колдуньей. За дубомъ онѣ вошли чрезъ небольшое отверстіе въ пещеру колдуньи, о которой мы будемъ еще говорить.

По уходѣ Ригальды и колдуньи, черный воронъ слетѣлъ внизъ подъ дубъ, на то мѣсто, гдѣ застала его Ригальда.

Познакомивъ читателя съ личностью Ригальды, и, выставивъ ея отношенія къ Ягайлѣ, мы снова начинаемъ продолжать свой романъ.

ГЛАВА 9-ая.

Соперницы.

Мы оставили Ригальду въ храмѣ Перкунуса, въ Вильнѣ, на ступенькахъ алтаря, гдѣ горѣлъ неугасаемый Зничъ.

На мужскомъ поясѣ, который нашла Ригальда на ступенькахъ алтаря, была вышита молитва Богородицѣ, а на другой сторонѣ

первыя буквы имени и отечества Ягайлы. Поясомъ этимъ, нѣсколько времени тому назадъ, Ригальда играла съ Ягайлой, сидя съ нимъ близъ кургана у тайнаго хода на трокскомъ полѣ.

Въ минуту этого открытія, Ригальда находилась въ возбужденномъ настроеніи духа; попадись ей тогда Поята, она убила бы ее жертвеннымъ ножомъ, но моментъ этотъ скоро прошелъ, злость смѣнилась какою то тоскою.

— Такъ это онъ былъ здѣсь, онъ!... произнесла она вслухъ и, зарыдавъ, опустилась на ступеньки жертвенника.

Наплакавшись въ волю она немного успокоилась.

О чемъ я плачу и убиваюсь думала она, — вѣдь не мужъ онъ мнѣ, — вѣдь не давалъ же онъ клятву любить только одну меня... Мое время миновало...... Сама уже я бросилась къ нему на шею.... Но какъ же онъ съ Поятой сошелся?.... Она любитъ его, а онъ..... только обманываетъ.... А можетъ быть и онъ любитъ? Она молода, хороша какъ богиня Мильда... При этомъ словѣ, ревность и злость овладѣваютъ Ригальдой.

Но какъ же онъ смѣетъ ходитъ ночью въ храмъ и осквернять жертвенникъ своими ласками съ Поятой? Напрасно я исправила оплошность Поята, пусть бы узналъ самъ Криве-Кривейто, что она не усмотрѣла за Зничемъ и завтра бы ее сожгли или утопили въ Виліи, говоритъ она; но опять другое чувство замѣняетъ ревность и злобу.

Что же мнѣ то? продолжаетъ думать она. Пусть — его любитъ ее, она лучше меня. Но снова буря поднимается въ мысляхъ и сердцѣ. Чѣмъ она лучше меня? что моложе меня, но вѣдь я доказала ему свою любовь, отчего же онъ ко мнѣ ни разу сюда не пришелъ; вѣдь онъ знаетъ, что я здѣсь?!.,.. Вѣдь старуха знахарка говорила ему.,... видно онъ и нелюбилъ меня... если бы любилъ, то давно бы узналъ, провѣдалъ меня. Ну да пустѣ его.... Онъ мнѣ не мужъ, а Поята не дочь. Не долго, впрочемъ, Ригальда была спокойна отъ такого заключенія. Ревность заглушала все, мысли ея были порывисты и мимолетны, передъ ней воскресало недавнее прошедшее, мечты несли ее къ трокскому замку, ей слышится таинственный шелестъ и плескъ озера Гальвы, ей чудится, что она гуляетъ по широкому колосистому полю, на которомъ она собираетъ васильки, — вотъ она идетъ къ завѣтному кургану, — ей чудится, что она сидитъ рядомъ со своимъ милымъ Ягайломъ,

играетъ его кудрями, шепчетъ ему про свою любовь.... Наконецъ ей представляется глубокій оврагъ, поросшій кустарникомъ, высокій дубъ, черный воронъ и колдунья.... потомъ прошедшее смѣняется настоящимъ, ей представляется Поята. При этомъ грудь ея наполняется бѣшенствомъ, порывисто встаетъ она съ своего мѣста, схватываетъ нѣсколькв охапокъ дубовыхъ дровъ и подкладываетъ ихъ—уже и безъ того въ ярко пылающій Зничъ. Пламя принимаетъ громадные размѣры, дрова трещятъ и съ шумомъ бросаютъ отъ себя искры.... Глаза Ригальды страшно бѣгаютъ по направленію пламени, на лицѣ ея скользитъ какая то адская улыбка, уста ея шепчутъ что то... Ей чудится что въ этомъ пламени горитъ ея соперница Поята.

Въ такомъ состояніи она провела все свое дежурство.

Къ вечеру этого дня, послѣ великихъ лелований и длинной рѣчи криво-кривейти, обращенной къ народу, въ которой высказывалось то, о чемъ въ продолженіи нѣсколькихъ сутокъ бесѣдовалъ разсказщикъ съ богами,—всѣ начали выходить изъ храма Перкунуса. Осталась только дежурная войделотка.

Войделотки шли по-парно, рядомъ съ Поятой шла Ригальда.

— Поята! мнѣ извѣстно, кто у тебя былъ сегодня ночью, шепнула Ригальда.

— А кто? спросила въ смущеніи Поята.

— Ягайло.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Боги... Перкунусъ мнѣ сказалъ...

— Боги наши нѣмы и глухи, Перкунусъ нашъ чурбанъ...

— Что ты говоришь, безумная! за такія рѣчи тебя сожгутъ, да и мнѣ достанется.

— Мнѣ самъ Криве-Кривейто приказалъ любить Ягайлу и видаться съ нимъ...

— Криве-Кривейто?...

— Да. Чрезъ эту любовь онъ хочетъ сдѣлать изъ Ягайлы вѣрнаго поклонника нашимъ богамъ, значитъ, мнѣ нечего бояться. сказала Поята.

— Ты сдѣлалась безумной...

— Ты не вѣришь мнѣ?

— Нѣтъ, не повѣряю я, что бы самъ Криве-Кривейто заставлялъ нарушать обѣтъ Прауримы.

— Я и не нарушаю его, я люблю Ягайлу, и только, а любить долженъ всякой человѣкъ... Развѣ я виновата, что меня еще маленькой сдѣлали вой делоткой? Если бы Богъ, который создалъ человѣка не позволялъ ему любить, то онъ не далъ бы ему сердца... Да что жъ я тебѣ, Ригальда, говорю о любви, ты сама любила и любишь; помнишь ты мнѣ объ этомъ говорила, только не сказала, кого ты любишь...

— Но я любила и люблю не по приказанію Криве-Кривейты, жолчно замѣтила Ригальда.

— И я не по приказанію... Обманывать любовью я должна была по приказанію, но я не лукавлю... Я его дѣйствительно люблю...

— А онъ тебя, ты думаешь, любитъ?

— Любитъ.

— Не вѣрь, Поята, этой любви, она приведетъ тебя къ погибели... Теперь онъ тебя пока еще любитъ, а потомъ, когда ты сдѣлаешься рабой его, онъ броситъ тебя, отъ тоски и горя засохнешь ты... Ты будешь проклинать богиню Мильду за то, что она дозволила тебѣ любить... Ахъ, Поята! ты еще молода и не знаешь, какъ тяжко жить на свѣтѣ покинутой дѣвицѣ своимъ сердечнымъ... Я много вынесла горя за свою любовь къ милому; но для меня было горе, а для него веселье, онъ и слышать послѣ обо мнѣ не хотѣлъ, хотя покинулъ меня не одну...

— Съ кѣмъ жъ?

— Съ сыномъ, со вздохомъ сказала она.

— А кто же твой сердечный то? Что же ты молчишь? Я не скажу ни кому, ты меня спасла давеча, разведя снова потухшій огонь въ жертвенникѣ, такъ могу ли я тебѣ желать не добраго... Съ нынѣшняго дня я тебя считаю своей сестрою...

— Не торопись, Поята, узнаешь кто онъ, такъ смерти будешь искать моей...

— Ну такъ говори же!...

— Поклянись, что ты никому не скажешь по имени, ни даже ему самому.

— Клянусь, сказала торопливо Поятя.— Говори же его имя, добавила она.

— Его зовутъ Ягайломъ, а поотечеству величаютъ Ольгердовичемъ, отвѣтила Ригальда.

— Ягайломъ!?! вырвалось у Поять, и лице ея покрылось смертною блѣдностью.

— Не забывай свою клятву... замѣтила Ригальда.

Въ это время войделотки подошли къ общему своему жилью, поэтому разговоръ Поять съ Ригальдой на этомъ пресѣкся.

Въ слѣдующую ночь, на первую ночную смѣну въ храмъ Перкунуса, пришла снова Поята. Лице ея было блѣдно, подъ глазами красно. Оставшись одна въ храмѣ, она склонилась на ступеньки жертвенника. По ея грустному выраженію лица можно было догадываться, что признаніе Ригальды сдѣлало въ ней страшную бурю душевную.

Повидимому она боролась сама съ собою, по временамъ лице ея оживлялось, но болѣе было грустное.

Ягайло, послѣ полуночи, не замедлилъ явиться къ своей сердечной. Поята, увидѣвъ Ягайлу, не приподнялась со ступеньки, даже не выразила ни радости, ни удивленія.

— Здравствуй, Поята, сказалъ Ягайло, садясь рядомъ съ ней и протягивая къ ней руки, чтобы поцѣловать ее.

— Постой, князь, постой, говорила Поята, отстраняясь отъ его объятій. Не забывай, что здѣсь Ромновэ, мѣсто молитвы, добавила она, указывая на жертвенникъ.

— А вчера!?!... замѣтилъ шепотомъ Ягайло.

— Что было вчера, то болѣе не повторится, со вздохомъ сказала Поята.

— Какъ не повторится?

— Никогда не повторится.

— Поята! что это съ тобою сдѣлалось?...

— А что?

— Да ты нынче больше походишь на плакальщицу, чѣмъ на красную дѣвицу... Глаза твои опухли отъ слезъ... Гдѣ же тѣ ласки, которыми ты меня къ себѣ приковала?... Поята молча вздохнула.

— Скажи же мнѣ, Поята, отчего ты грустишь? Отчего вмѣсто улыбки на лицѣ твоемъ печаль-тоска?... Съ участіемъ спрашивалъ Ягайло.

— Отчего печаль-тоска? Отъ тебя, князь! сказала сквозь слезы Поята.

Отъ этихъ словъ у Ягайлы, защемило сердце; долгое время онъ, молча, смотрѣлъ на плачущую Пояту.

— Что жъ я тебѣ сдѣлалъ, Поята?... Спрашивалъ нерѣшительнымъ голосомъ Ягайло.

— Не любя меня, заставилъ любить себя, не жалѣя меня, отнялъ мой покой дѣвичій, вотъ что ты сдѣлалъ со мною, отвѣчала Поята, продолжая плакать.

— Ягайло растерялся, для него не понятенъ былъ упрекъ Пояты.

— Что ты такое говоришь, Поята? Послѣ нѣкотораго молчанія, началъ говорить Ягайло. Что же тебѣ не любо, что я пришелъ къ тебѣ въ этотъ храмъ, такъ я уйду... Вѣдь ты сама велѣла приходить сегодня, продолжалъ несвязно Ягайло.

— Я велѣла... ты и пришелъ-то потому, что я просила тебя прийдти... Тебѣ жалко было меня, ты и пришелъ; но я жалости твоей не хочу, мнѣ нужна твоя любовь, твои сердечныя ласки.... А въ тебѣ нѣтъ этого... Ты не любишь меня... Вотъ отъ чего я и плачу, говорила съ упрекомъ Поята.

Ягайло немного оправился.

— Такъ это ты отъ меня плачешь? спросилъ онъ.

— Отъ тебя.

— Какъ же это тебѣ пришло на умъ, что я не люблю тебя?...

— Да, не любишь, не любишь, а губишь....

— Чѣмъ гублю я тебя?

— А тѣмъ, что не любишь меня.

— Кто тебѣ сказалъ, что я не люблю тебя?...

Поята молчала.

— Стану ли я тебя губить, когда ты мнѣ дороже жизни моей, дороже всѣхъ удѣловъ отцовскихъ... Ты завладѣла мною, а не я тобой....

Поята тяжело вздохнула.

— Ты такъ губишь меня своими слезами да вздохами.... Да и что случилось съ тобою? Вчера тебѣ я былъ любъ, а нынче ты на меня звѣремъ смотришь, говорилъ Ягайло, стараясь взять ее за руку.

Поята не противилась, только громко зарыдала.

— Да полно же тебѣ, Поята, плакать!.... что это съ тобой дѣлается?..

— Голубчикъ мой, дорогой мой, не томи меня разспросами.... Я не могу сказать тебѣ, отчего я плачу, съ охотою я открылась бы тебѣ во всемъ, но меня удерживаетъ клятва...

— Клятва?—Въ чемъ же ты дала клятву?

— Чтобы не говорить тебѣ...

— Да что не говорить-то?

— То что говорили мнѣ про тебя....

— Кто говорилъ?

— Не спрашивай... Я не могу сказать тебѣ...

— Что жъ говорили то?

— Многое говорили, со вздохомъ сказала Поята.

— Что жъ такое про меня говорить могутъ?.. Поята скажи же...

— Говорили, что ты обманываешь меня, что ты... Ну да мало ли, что говорили...

— И ты вѣришь тѣмъ?! Въ этой фразѣ слышался упрекъ.

— Скажи мнѣ, князь, по чести,—послѣ нѣкотораго молчанія, обратилась къ нему съ вопросомъ Поята, смотря прямо ему въ глаза: сколько женщинъ ты привязалъ къ себѣ и потомъ изсушилъ, загубилъ? Сколькихъ любилъ и потомъ разлюбилъ?...

У Ягайлы отъ этого вопроса болѣзненно сжалось сердце, ему сдѣлалось очень не ловко.

— Ну что жъ ты молчишь?... Отвѣчай, князь! продолжала Поята.

Ягайло готовъ былъ сквозь землю провалиться.

— Что, князь, вѣрно все правда, что говорили о тебѣ?! Сказала Поята.

— А что говорили? Спросилъ снова, смущенный Ягайло.

— Я тебѣ сказала, что говорили...

— Ну что жъ такое, что прежде тебя я любилъ другихъ женщинъ?!!.. Тѣ не такія какъ ты...

Да я ихъ и не обманывалъ.... На что мнѣ обманывать было ихъ, когда онѣ сами на шею ко мнѣ вѣшались... Если я тебѣ не любъ, такъ я уйду, съ какою то особенною нѣжностью и покорностью сказалъ Ягайло.

— Мнѣ-то ты любъ и очень любъ, да тебѣ — то я не такъ люба, какъ слѣдовало.... князь! мое сердце дѣвичье, хотѣла я на тебя сердиться да не могу, любовь моя къ тебѣ сильнѣе гнѣва..... Мнѣ сказали, что ты не любишь меня, что тебѣ нуженъ только первый поцѣлуй дѣвичій.... князь! умоляю тебя, не отвергай мою любовь, она безпредѣльна, какъ море синее, какъ небо голубое.... никто больше меня не будетъ любить тебя, никто нѣжнѣе меня

не приголубитъ тебя на своей груди.... князь! Солнце красное не ходитъ никогда назадъ, такъ и моя любовь къ тебѣ; разлюбить тебя я не могу... я вся твоя теперь, только помни, князь, что я одна должна принадлежать тебѣ,—люби и губи меня одну, а если я узнаю, что у тебя найдется другая сердечная, ну тогда не пѣняй на меня, мщеніе мое будетъ велико...,. своими руками тогда я задушу и тебя и мою лиходѣйну, да передъ смертью твоей я еще потѣшусь надъ тобой, сколько будетъ мнѣ угодно... помни же это, князь, — Сказавъ это, она бросилась не шею къ Ягайлѣ.

Вдругъ Ягайло вскрикнулъ,—какъ будто бы змѣей ужаленный и блѣдный какъ смерть, отскочилъ отъ Пояты.

— Что съ тобой, князь? Спросила изумлѣнная Поята.

Но Ягайло съ трудомъ переводилъ духъ и рукою показывалъ на истуканъ Перкунуса.

— Что, что? говори, спрашивала Поята.

— Я видѣлъ....—началъ Ягайло дрожащимъ голосомъ,— мнѣ показалось, что этотъ чурбанъ открываетъ ротъ и что-то говоритъ... А въ глазахъ его огни какіе то свѣтились, ну вотъ я и испугался,—заключилъ блѣдный Ягайло.

Поята отъ такого признанія разразилась звонкимъ веселымъ смѣхомъ.

— Небойся князь,—сказала она, цѣлуя Ягайлу. Наши боги говорить не умѣютъ. А если и говорятъ такѣ устами людей, съ этими словами она подошла къ идолу Перкуну и нѣсколько разъ ударила его по головѣ и лицу.

— Видишь, князь,—наши боги не обижаются, гдѣ же имъ говорить, когда они сдѣланы руками человѣческими. Это тебѣ такъ почудилось, добавила Поята, подходя къ Ягайлѣ.

— Поята,—голубушка моя! Не знаю почудилось мнѣ или нѣтъ, только я видѣлъ.... мнѣ страшно здѣсь въ этой храминѣ.... сказалъ Ягайло, дрожа какъ въ лихорадкѣ.

— Со мной тебѣ страшно?! Спросила Поята, тономъ — не то насмѣшливымъ, не то удивленнымъ.

— Вотъ что, Поятя... пойдемъ отсюда...

— Куда?

— Куда хочешь.... въ рощу, а нѣтъ, такъ пойдемъ въ мои покои...

— Какъ—къ тебѣ! а сторожевые увидятъ, а Зничъ безъ меня погаснетъ?!.. Что ты князь!?!

— Сторожевые не увидятъ, я хожу сюда черезъ нашъ особый княжескій ходъ, который сдѣлалъ мой дѣдъ Гедиминъ, а у Знича посидитъ мой конюшій, дядька Войдыйло.

— Какой Войдыйло?

— Войдыйло, мой конюшій—дядька... Онъ здѣсь со мною, у входа въ храмину стоитъ; хочешь я его крикну?

— Зачѣмъ?

— А затѣмъ, чтобы онъ покараулилъ Зничъ, пока мы сходимъ съ тобою....

— Что ты, князь, затѣваешь.... Вѣдь за это меня сожгутъ, если узнаютъ.

— Не узнаютъ, не бойся, неужели я тебѣ зла желаю?

— А почему я знаю, чего ты мнѣ желаешь; можетъ статься у тебя не доброе на умѣ, сказала Поята, смотря пристально въ глаза Ягайлѣ.

— Такъ ты не вѣришь моей любви? Спросилъ Ягайло тономъ обиженнаго.

— Да ужъ не знаю какъ тебѣ сказать...

Наступило молчаніе, оба смотрѣли другъ на друга.

— Пойдемъ, шепнулъ Ягайло, привлекая Пояту къ себѣ.

— Пойдемъ, отвѣчала она тоже шопотомъ.

— Куда же,—ко мнѣ въ покои или въ рощу?

— Эхъ! да куда хочешъ.... я твоя раба....

— Войдыйло!.. крикнулъ Ягайло..

Войдыйло черезъ минуту стоялъ уже передъ своимъ княземъ.

— Я передъ тобой, княже, сказалъ онъ порусски, дѣлая поклонъ.

— Побудь здѣсь пока мы сходимъ, да посматривай въ Зничъ, чтобы онъ не погасъ, подкладывай въ него топлива, вонъ дубовыя дрова лежатъ, ихъ и подкладывай въ огонь,—приказывалъ Ягайло своему конюшему.

Войдыйло съ ужасамъ обвелъ глазами всю храмину.

— Ты не пугайся, мы будемъ здѣсь по близости,—замѣтилъ. Ну скинь-ка свой кожухъ да шапку, добавилъ онъ.

Войдыйло повиновался: снявъ кожухъ и шапку, онъ положилъ ихъ у ногъ своего князя.

— Теперь сними съ меня мой кожухъ, сказалъ Ягайло.

Войдыйло и это исполнилъ.

— Поята! Сними съ себя свой вѣнокъ и бѣлое покрывало и отдай ихъ моему конюшему, пусть онъ надѣнетъ ихъ, пусть на нынюшнюю ночь онъ сдѣлается войделоткой, да ужъ и зеленый передникъ съ дѣвичьими колокольчиками отдай ему, а то по звону ихъ узнаютъ мои спальники, что ты переодѣтая войделотка... на себя же надѣнь мой кожухъ и шапку, а я надѣну Войдыйловъ кожухъ, продолжалъ приказывать Ягайло.

Все это было скоро исполнено, Поята была въ кожухѣ и шапкѣ Ягайлы, — послѣднiй былъ въ костюмѣ своего конюшаго, а Войдыйло машинально надѣлъ на себя дубовый вѣнокъ съ бѣлымъ длиннымъ покрываломъ и подвязалъ зеленый передникъ съ дѣвичьими бубенчиками. Ягайло и Поята, взглянувъ на него, громко засмѣялись, отчего Войдыйло сдѣлалъ кислую гримасу.

— Ну ты смотри же, за огнемъ, а мы скоро придемъ.... сказалъ Ягайло конюшему и, обнявъ Пояту, началъ сходить съ ней по ступенькамъ съ жертвенника, а потомъ обое скрылись въ темномъ выходѣ изъ храма.

Войдыйло остался одинъ въ капищѣ. Сначала онъ долго стоялъ молча, смотря въ слѣдъ ушедшимъ; но потомъ нерѣшительно и робко обвелъ глазами жертвенникъ, изъ нишъ котораго грозно смотрѣли на него идолы. Страхъ овладѣлъ имъ при видѣ литовскихъ языческихъ истукановъ: Перкунуса, Атримпоса и Пеклоса—тѣмъ болѣе, что каждый изъ этихъ истукановъ бросалъ отъ Знича самыя уродливыя тѣни,—которыя черезъ движенiе пламени волнообразно качались. У Войдыйло отъ этого занимался духъ, а трескъ, производимый топливомъ въ Зничѣ,—заставлялъ его вздрагивать.

— Успаринiя *) милостивая! борони меня, прошепталъ Войдыйло, испуганно водя глазами.

Но оставимъ его пока въ капищѣ, а сами послѣдуемъ за нашими героями.

Выйдя изъ храма Перкунуса, Ягайло еще крѣпче обнялъ Пояту.

— Куда же мы съ тобой пойдемъ? Сoросилъ онъ.

— Куда хочешь, я вся твоя, отвѣчала Поята.

---

*) Успаринiя богиня неприкосновенности.

— Пойдемъ ко мнѣ въ покои, а то во святой рощѣ насъ могутъ увидѣть.... Сторожа въ ней есть, говорилъ Ягайло.

— Къ тебѣ такъ къ тебѣ, пойдемъ, сказала Поята. Оба молча и тихо пошли по направленію къ княжескому терему. Подойдя къ стѣнѣ, которая отдѣляла Ромнове отъ княжескихъ палатъ, Ягайло постучалъ въ желѣзную дверь, она отворилась и на порогѣ длиннаго корридора явился спальникъ княжескій, съ тонкой зазженной смолистой головней, свѣту отъ которой едва хватало на нѣсколько шаговъ, за то дыму было отъ нея вдоволь. Весь корридоръ былъ наполненъ смолистой удушливой гарью. Видно было, что спальникъ давно дожидался своего князя.

— Потуши головню и ступай зажги ночники въ моихъ покояхъ, да приди сюда сказать, какъ зажжешь, сказалъ Ягайло своему спальнику.

Послѣдній потушилъ головню и тихо побѣжалъ по корридору. Ягайло съ Поятой сдѣлали нѣсколько шаговъ.

Спальникъ не заставилъ себя долго ждать. Потихоньку вбѣжавъ въ корридоръ, онъ доложилъ, что ночники уже зажжены.

— Иди впередъ, указывай дорогу, приказалъ Ягайло спальнику.

Спальникъ повиновался, за нимъ пошли почти ощупью Ягайло и Поята. Выйдя изъ корридора они очутились на княжескомъ дворѣ, гдѣ господствовала могильная тишина, по временамъ нарушаемая окликами дозорныхъ. Какъ ни темна была ночь, но тѣмъ не менѣе княжій теремъ, съ его безчисленными службами, рѣзко обозначался на темномъ фонѣ подножія замковой горы.

— Вонъ тамъ живетъ матушка княгиня, шепнулъ Ягайло Поятѣ, показывая рукою на верхъ терема, откуда, изъ небольшаго окна, мерцалъ тусклый свѣтъ лампады. Тамъ ея молельня, добавилъ онъ же.

Поята молча взглянула сперва на то мѣсто, куда указалъ Ягайло, а потомъ на небо, темный плафонъ котораго весь былъ испещренъ звѣздами; съ горъ дунулъ легкій вѣтерокъ, пропитанный благовонными травами. Войделоткѣ сдѣлалось легко на сердцѣ, какъ будто бы она совсѣмъ отрѣшилась отъ языческаго міра, какъ буд-

то бы милый Ягайло на вѣки вѣчныя похитилъ ее изъ ненавистнаго ей храма Перкунуса.

— А вонъ красное крыльцо, на которомъ была моя пострига... Помнишь ты еще поцѣловала меня? Шопотомъ обратился Ягайло къ Поятѣ.

— Помню, прошептала она.

Но не буду утомлять читателя описаніемъ какъ наши герои добрались до покоевъ, скажу только что они пришли въ теремъ черезъ тіунское крыльцо, расположенное позади терема противъ замковой горы. Взойдя на крыльцо, спальникъ отперъ ключомъ двери и, пропустивъ въ нихъ Ягайлу и Пояту, снова заперъ ихъ.

— Ты побудь здѣсь и коли что услышишь прибѣги ко мнѣ и извѣсти, сказалъ Ягайло, обращаясь къ спальнику.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по темному и довольно узкому коридору, Ягайло отворилъ дверь гдѣ горѣли два ночника и, пропустивъ Пояту, заперъ ея на большой крюкъ.

Вотъ описаніе: довольно длинная комната, съ одной дверью, съ тремя узенькими окнами; стѣны въ иныхъ мѣстахъ обиты разноцвѣтными тканями, а въ иныхъ медвѣжьими кожами, поверхъ которыхъ висѣло разное оружіе. Противъ входа въ углу находилась божница, въ которой помѣщались одна на другой иконы святыхъ въ серебряныхъ ризахъ, передъ иконами висѣла лампада. У божницы стоялъ столъ, на которомъ помѣщались ендова съ питьемъ и одинъ ночникъ.

— Вдоль стѣнъ стояли во всю длину комнаты скамейки, покрытыя парчами. На лѣво отъ входа помѣщалась лежанка, укрытая пушыстыми медвѣдями, лебедиными подушками и парчевымъ одѣяломъ, съ гарностаевымъ подбоемъ. Еще далѣе въ уголъ находилась довольно неуклюжая печь, съ какими то затѣйливыми узорами. Между печью и лежанкой стоялъ большой сундукъ на немъ тоже стоялъ ночникъ.

Сначала мои герои молчали. Поята кидала взоры на покой Ягайлы, а послѣдній любовался Поятой, которая, въ мужескомъ кожухѣ и мужеской шапкѣ, казалась еще милѣе.

— Какъ хорошо у тебя въ покоѣ, князь, прервала молчаніе первая Поята, бросая робкій взглядъ на Ягайлу.

— А я вотъ смотрю и любуюсь тобою, Поята, замѣтилъ ей Ягайло голосомъ полнымъ страсти.

— Ну полно же тебѣ хвалить меня, ты меньше хвали да больше люби, продолжала Поята.

— Ты слышишь, какъ шибко бьется мое сердце? спросила она у него.

— Слышу, отвѣчалъ онъ; отъ чего это?

— Не знаю... Вѣрно передъ бѣдою.

— Передъ какою бѣдою?

— Узнаютъ, провѣдаютъ, что я была у тебя; что я люблю тебя и сожгутъ меня безъ всякой пощады, косточки мои превратятъ въ прахъ и прахъ этотъ развѣютъ по вѣтру... Да и за дѣло! не давай волю своему сердцу, любила бы какого нибудь войделота, а то нѣтъ... какъ нарочно князя полюбила, говорила Поята.

— Не бойся Поята, ни кому не дамъ я обидѣть тебя, за тебя я все Ромнове съ криве-кривейтомъ сожгу, а тебя не выдамъ...

— Что жъ тебѣ? ты вѣдь не мужъ мнѣ?!...

— Не мужъ, а князь! ударяя на послѣднемъ словѣ, отвѣчалъ Ягайло.

— Ну вотъ за любовь къ князю-то меня и сожгутъ, замѣтила ему Поята.

— Да вѣдь войделоткѣ ни кого нельзя любить, ни князя, ни холопа?...

— Да, вотъ отъ того то твоя защита и напрасна будетъ...

— Не бойся, Поята, узнать не кому, Войдыло за меня умретъ скорѣе, чѣмъ скажетъ, а спальникъ почему вѣдаетъ, кто у меня былъ?

— Эхъ, голубчикъ мой! Злыхъ людей много на свѣтѣ... Вотъ если бы я твоей женой была, тогда у меня не билось бы такъ шибко сердце, не боялась бы я кровопійцы криве-кривейта, а голубила бы тебя моего сокола ясняго, миловала бы, цѣловала, да такъ крѣпко, крѣпко, что земля бы ходенемъ ходила... Ну да что я безумная говорю!?! Ты не сердись, князь на мои рѣчи, я не помню что говорю... Гдѣ ужъ мнѣ быть женой твоей, говорила Поята.

Ягайло задумался.

— Придетъ же на умъ такая небылица! продолжала Поята, какъ будто бы пѣняя на себя. Ягайло вопросительно посмотрѣлъ на нее.

— А вѣдь будетъ у тебя и жена княгиня, роду знатнаго, не такая безродная, какъ я, и будешь ты ее холить и лелѣять, а любить то она тебя такъ какъ я не будетъ...

— Поята! знаешь что я тебѣ скажу? перебилъ ее Ягайло.

— А что? Спросила она, пытливо смотря на Ягайлу.

— Ты будешь моею женою, торжественно сказалъ онъ.

— Князь! не обижай меня.... Неужели тебѣ весело тѣшиться моей любовью? Вѣдь ты самъ знаешь лучше меня, что не женишься на мнѣ; за чѣмъ же смѣешься? Ты думаешь, что если не женишься на мнѣ, то я разлюблю тебя, и поэтому увѣряешь, что будешь моимъ мужемъ; но не бойся, князь, разлюбить тебя не во власти моей... Я и такъ раба твоя, не обижай же меня.

Ягайло вскочилъ съ лежанки и, взявъ Пояту за руку, подвелъ къ божницѣ.

— Поята! я христіанинъ греческаго закона, и клянусь тебѣ крестомъ животворящимъ и пресвятой Богородицей, что ты будешь женой моей.... Пусть покараетъ меня господь Богъ, если я нарушу свою клятву.... Сказавъ это, онъ перекрестился и приложился ко кресту и иконѣ, потомъ въ короткихъ словахъ, но горячо и порывисто, сталъ доказывать Поятѣ правоту своей клятвы. Меня мать моя княгиня любитъ и черезъ нее я все сдѣлаю, что только захочу.... Возьмемъ тебя изъ этого проклятаго Ромнове, и ты будешь моей женой.... Только тебѣ придется тогда принять христіанство по греческому закону.... Ты согласна?

Въ словахъ Ягайлы столько было правды и искренности, что Поята по неволѣ сказала: согласна. Послѣ чего оба бросились въ объятіи другъ друга. Какъ тотъ такъ и другой были совершенно увѣрены, что счастье ожидаетъ ихъ.

Теперь попрошу читателя обратиться къ оставленному нами въ языческомъ храмѣ Войдыллѣ.

— «Успаринія милостивая! шепталъ Войдылло, тоскливо смотря на входъ храма куда скрылись Ягайло и Поята, что это они такъ долго нейдутъ, думалъ онъ и сердился на своего князя. Время между тѣмъ шло впередъ; съ теченіемъ времени топливо въ Зничѣ убавлялось и пламя гасло. Войдылло только тогда вспом-

нилъ о приказаніи своего князя, когда въ Зничѣ по краснымъ угольямъ бѣгали голубовато-зеленые огоньки, то есть когда чрезъ Іояту Зничу второй разъ приходилось потухнуть. Тутъ онъ схватилъ нѣсколько дубовыхъ полѣньевъ и бросилъ въ огонь. Въ это время, позади себя онъ услыхалъ: не то шумъ, не то стукъ какой то. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ что шумъ этотъ производятъ возвращающіеся Ягайло и Поята и поэтому, сдѣлавъ веселую физіономію, обратился назадъ и, о... ужасъ!... Вмѣсто ожидаемыхъ онъ видитъ, что главный богъ Перкунусъ страшно щелкаетъ зубами, въ глазахъ же свѣтятся какіе то огоньки....

У Войдыйло отъ испуга лицо исказилось, духъ захватило и на головѣ буквально всталъ дыбомъ волосъ. Онъ хотѣлъ кричать, но не могъ. Ноги измѣнили ему и онъ упалъ на колѣна передъ истуканомъ.

— Войдыйло! послышалось изъ истукана. Ты великій грѣшникъ и достоинъ лютой смерти, но я тебя прощаю и милую; только поклянись моимъ отцомъ,—богомъ боговъ нашихъ, справедливымъ Прамжинасомъ, что ты исполнишь то, что я скажу тебѣ,— говорилъ истуканъ какимъ то адскимъ шепотомъ.

— Клянусь!,... клянусь!.. клянусь! поспѣшно повторялъ Войдыйло, держа правую руку на затылкѣ, по литовскому обычаю во время клятвы.

— Смотри же, грѣшникъ, если не исполнишь, то я пошлю на тебѣ черную смерть и ты околѣешь въ страшныхъ мученіяхъ.

— Исполню... исполню.... шепталъ несвязно Войдыйло.

— Скажи своему князю Ягайлѣ, что у него есть сынъ, который находится у колдуньи въ Трокахъ, пусть онъ навѣститъ его и узнаетъ о его судьбѣ злосчастной.... Колдунья эта живетъ въ *мертвомъ* оврагѣ, гдѣ стоитъ одинъ единешенекъ дубъ кудрявый, на немъ гнѣздо аиста, подъ дубомъ черный воронъ, а вокругъ дуба сплошной кустарникъ по всему оврагу. Когда онъ услышитъ, что его кто то зоветъ,—пусть скажетъ свое имя и колдунья выйдетъ къ нему.... Смотри же, Войдыйло, исполни мою волю, продолжалъ истуканъ.

— Исполню.... исполню... потверждалъ Войдыйло.

— А если спроситъ у тебя Ягайло: отъ какой несчастной дѣ-

вицы этотъ сынъ? то ты отвѣчай: отъ той, которая въ былое время вѣнки изъ васильковъ ему дарила. Смотри же не забывай въ чемъ поклялся мнѣ. Сказавъ это, истуканъ замолкъ, огоньки бѣгавшіе въ глазахъ его пропали.

— Не забуду, не забуду.... говорилъ Войдыйло, со страхомъ смотря на Перкунуса.

Онъ былъ блѣденъ какъ мертвецъ, да и неудивительно: по его суевѣрной натурѣ и полу языческимъ понятіямъ ему казалось, что это говоритъ самъ богъ, а онъ первый разъ въ жизни бесѣдуетъ съ богомъ, да еще съ самымъ страшнымъ изъ нихъ. Критически отнестись къ такому явленію онъ никакъ не могъ. Да и будь на его мѣстѣ, самый рьяный того времени христіанинъ,—богатырь душой и тѣломъ, и тотъ бы счелъ это за дьявольское наважденіе. Равнодушнымъ и спокойнымъ къ этому мнимому чуду могъ быть только тотъ, кто посвященъ былъ во всѣ тайны языческаго міра.

Когда смолкъ истуканъ, Войдыйлѣ сдѣлалось еще страшнѣе, ему казалось, что другіе боги сойдутъ съ мѣстъ своихъ и начнутъ говорить съ нимъ. Каждый шорохъ заставлялъ его трепетать, даже легкій звонъ дѣвичьихъ колокольчиковъ и бубенчиковъ на зеленомъ передникѣ пугалъ его.....

Ягайло и Поята, возвратившись въ капище застали Войдыйлу на колѣнахъ передъ истуканомъ.

— Что ты это Войдыйло, жертву что ли приносишь богамъ!? замѣтилъ ему шутя Ягайло.

Но Войдыйло, едва переводя духъ, всталъ на ноги. По лицу его замѣтно было что онъ радъ приходу своего князя. Испугъ и ужасъ смѣнился какой то идіотской улыбкой.

Поята сняла кожухъ и шапку и одѣлась опять войделоткой, Ягайло надѣлъ свое платье, а Войдыйло свое.

— Ну прощай, Поята, сказалъ Ягайло, цѣлуя Войделотку.

— Прощай, отвѣчала она тѣмъ же, перекрести меня. Ягайло осѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ, и они расталися. Войдыйло послѣдовалъ за своимъ княземъ.

— Прощай, шепнула Поята, находясь на жертвенникѣ, въ слѣдъ уходящимъ.

— Прощай, отвѣчалъ Ягайло на порогѣ храма.

Оставшись одна, Поята погрузилась въ мечтанія. Лице ея пылало счастьемъ и радостью. Выходя изъ мечтаній, она подошла къ одной нишѣ, въ которой помѣщалась богиня Мильда.

— О, Мильда! Мильда! Благодарю тебя.... сказала Поята голосомъ полнымъ нѣги и довольства.

Едва только она успѣла докончить свою послѣднію фразу, какъ позади ея послышался сдержанный хохотъ; Поята оглянулась.

— Благодари, благодари Мильду, за то что она прибавила тебя къ счету любовницъ Ягайлы, сказалъ какой то женскій голосъ, выходящій изъ устъ Перкунуса.

Поята выпрямилась всѣмъ корпусомъ, лице ея запылало гнѣвомъ и презрѣніемъ; это была сама оскорбленная богиня.

— Кто захотѣлъ подсматривать за мною?... Кто влѣзъ въ этотъ бездушный скверный истуканъ? спросила она голосомъ полнымъ негодованія.

— Я... Ригальда... Захотѣлось мнѣ полюбоваться на твое счастье, отвѣчала съ желчью Ригальда изъ истукана.

— Проклятая!!! прошептала Поята, отворачиваясь отъ истукана.

С. Калугинъ.

(Продолженіе впредь).

ОТЪѢЗДЪ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО АРХІЕПИСКОПА МИХАИЛА.

(бывшаго минскаго и бобруйскаго) изъ епархіи и освященіе имъ въ м. Стволовичахъ церкви, устроенной изъ костела.

12-го сего іюня высокопреосвященнѣйшій архіепископъ Михаилъ совершенно оставилъ минскую епархію, въ которой онъ двадцать лѣтъ *право правилъ слово* Христовой истины. Съ невыразимою скорбію вся минская паства приняла вѣсть объ увольненіи его, ради разстроеннаго здоровья, на покой, съ такою же скорбію она и прощалась съ нимъ.

Едва только узнало духовенство, что ревностный и добрый его архипастырь оставляетъ свой постъ, какъ единодушно и еди-

новременно поспѣшило съ заявленіемъ ему своей признательности за его милостивыя, ревностныя и богомудрыя дѣянія, вразумленія и наставленія, кои такъ обильно изливались на всю паству для утвержденія и распространенія въ ней православія, укрѣпленія народности русской и добра всѣхъ пасомыхъ, а паче духовенства. И вотъ что между прочимъ оно писало къ нему въ своихъ адресахъ. «Почти при самомъ твоемъ вступленіи на каѳедру минскихъ святителей, ты обратилъ заботливое вниманіе и на образованіе меньшей братіи твоей паствы и на усиленіе церковнаго проповѣдничества, и вотъ, тогда же, по указанію твоему открыты церковныя училища по всей твоей паствѣ, такъ что въ дѣлѣ этомъ ты далеко упредилъ всѣхъ архипастырей святой Руси, а жаждущая духовная нива съ полностію стала напаеваться и оживляться словомъ Божіимъ. Далѣе, ревнуя по православію и укрѣпленію русской народности, ты очистилъ храмы Божіи твоей епархіи отъ остатковъ уніятства, и изъ семействъ всей твоей паствы изгналъ языкъ польскій, какъ языкъ нашихъ недоброжелателей. Слѣдуя заповѣди Спасителя: *будите мудры яко змія,* ты такъ дѣйствовалъ, такъ поступалъ, что и инославные, враждебные православію владѣльцы, усердствовали въ устроеніи храмовъ и жилищъ для приставниковъ твоей паствы. Что же сказать о твоихъ архипастырскихъ посѣщеніяхъ твоей паствы, о твоихъ исхожденіяхъ, для освященія храмовъ Божіихъ? Ни старческія лѣта твои, ни недуги телѣсные, ни трудность путей сообщеній, ни суровость погоды, ни что не могло удержать тебя отъ исполненія этого долга. А во время такихъ посѣщеній, съ какимъ усердіемъ, съ какою любовью ты научалъ твою паству всякому добру. Тогда, окруженный меньшими чадами своей паствы, жаждавшими отъ тебя слова назиданія и принять твое святительское благословеніе, ты по истинѣ являлся не только доблестнымъ архипастыремъ и учителемъ, но и любви обильнѣйшимъ отцомъ. Кто съ такимъ благопопеченіемъ призиралъ несчастныхъ вдовицъ, кто съ такимъ тщаніемъ и поспѣшествомъ отиралъ слезы безпріютныхъ сиротъ, какъ ты, милостивѣйшій архипастырь! Ты устроилъ для себя вѣчный памятникъ въ минской епархіи открытіемъ училища для дочерей нашихъ, и въ этомъ дѣлѣ, и на этотъ предметъ ты не щадилъ ни твоихъ трудовъ, ни матеріальныхъ пособій изъ своихъ небогатыхъ средствъ. Вотъ явныя твои дѣянія и благотворенія, милостивѣйшій архипа-

стырь; а кто вѣсть тайныя, извѣстныя только Богу твои благотворенія, явленныя тобою чадамъ твоей и не твоей паствы и состоявшія: то въ наставленіи на путь истины и добродѣтели, то въ призываніи къ истинной вѣрѣ, то въ посильныхъ подаяніяхъ, нуждавшимся въ матеріальной и моральной помощи. Да, дѣятельность твоя была многосложна и многоплодна, въ продолженіи твоего двадцатилѣтняго предстоятельства церкви минской, ты явилъ себя истиннымъ святителемъ церкви православной, самымъ вѣрнымъ подданнымъ Вѣнценосца русскаго и горячо любящимъ общее отечество наше Русь святую.»

Такъ мыслила, такъ чувствовала минская паства предъ своимъ архипастыремъ при вѣсти о разлукѣ съ нимъ. И подлинно: она всегда и во всемъ видѣла въ немъ пастыреначальника ревностнаго, руководителя богомудраго и отца благочестивѣйшаго; естественно, разлука съ нимъ должна была сопровождаться скорбію и слезами.

По полученіи увольненія, архипастырь Михаилъ тотчасъ оставилъ управленіе епархіею, но, оставаясь въ каѳедральномъ городѣ еще почти четыре мѣсяца, онъ всякій праздничный и воскресный день священнодѣйствовалъ, рукополагая въ діаконы и іереи; а также выѣзжалъ въ уѣзды для освященія церквей. Послѣднее богослуженіе онъ совершилъ въ Минскѣ 2 сего іюня.

Мы не въ состояніи выразить словами подробностей тяжелаго прощанія съ своимъ приснопамятнымъ архипастыремъ градскаго духовенства, православнаго и инославнаго минскаго общества, воспитанниковъ и воспитанницъ духовныхъ учебныхъ заведеній; это можетъ быть изображено только краснорѣчіемъ рыданій, вздоховъ и слезъ.

Напутствуемый благожеланіями бывшихъ своихъ пасомыхъ, 8 числа, послѣ ранней литургіи, архипастырь оставилъ г. Минскъ, сопровождаемый важнѣйшими чиновными лицами и каѳедральнымъ протоіереемъ, и отправился на мѣсто своего покоя въ м. Жировицы, славное чудотворнымъ образомъ Божіей Матери, гдѣ почти тридцать лѣтъ тому назадъ, онъ еще въ санѣ протоіерея, подъ руководствомъ доблестнаго первосвятителя виленскаго, вмѣстѣ съ прочими дѣятелями возсоединенія уніатовъ, столь ревностно трудился въ дѣлѣ обновленія церкви литовской. По пути слѣдованія, архипастырь былъ встрѣчаемъ народомъ и духовенствомъ съ кре-

стами; благословляя всѣхъ, онъ благодарилъ за любовь и вниманіе къ нему и вездѣ назидалъ словомъ своимъ.

9 іюня преосвященнѣйшій Михаилъ освятилъ церковь въ м. Мирѣ, гдѣ стеченіе богомольцевъ было такъ велико и желаніе ихъ принять послѣднее благословеніе и назиданіе отъ любимаго архипастыря такъ усердно, что высокопреосвященнѣйшій, долженъ былъ часа два преподавать благословеніе, со слезами и рыданіями прощающимся пасомымъ бывшей своей паствы. 10 числа вечеромъ архипастырь прибылъ въ м. Стволовичи для освященія церкви, устроенной изъ костела. Тутъ, множество народа чиновныхъ лицъ Новогрудскаго уѣзда и духовенство стволовичскаго благочинія, общe съ уѣзднымъ и каѳедральнымъ протоіереями, встрѣтило его, съ рѣчью, въ коей ораторъ между прочимъ выразилъ чувства скорби и признательности и просилъ отъ лица всей минской паствы благословенія и молитвъ, чтобы минская паства всегда была таковою, каковою онъ желалъ видѣть ее, когда держалъ въ рукахъ своихъ кормило ея церкви. На это привѣтствіе архипастырь отвѣчалъ словомъ благодаренія и молитвеннымъ пожеланіемъ, чтобы минская паства болѣе и болѣе усовершалась въ хожденіи по пути добродѣтели, чтобы въ ней укрѣпилась народность русская и распространялось православіе и чтобы она всегда свято соблюдала обязанности свои въ отношеніи къ Государю Императору и отечеству.

Прослушавъ всенощное богослуженіе, архипастырь отправился на ночлегъ въ домъ мироваго посредника М. Н. Алмазова, откуда на другой день въ 10 часовъ прибылъ къ богослуженію. Нужно замѣтить, что къ торжеству освященія храма подоспѣло торжество внесенія въ оный Царскаго дара,—святой иконы. Прежде чѣмъ прибылъ въ имѣющій освящаться храмъ архипастырь, все духовенство, во главѣ каѳедральнаго протоіерея, въ полномъ облаченіи, съ крестами и хоругвями, отправилось въ старую церковь за святою иконой. Едва архипастырь вступилъ въ храмъ, какъ, при обратномъ шествіи крестнаго хода, принесена туда была святая икона. Въ мантіи и съ посохомъ, маститый архипастырь встрѣтилъ ее въ дверяхъ храма, и, поклонившись благоговѣйно предъ нею, принялъ ее изъ рукъ колѣно-преклоненныхъ г. Алмазова и мѣстнаго старшины. Это была умилительно торжественна минута. Святая икона положена архипастыремъ на приготовленномъ, для

нея нарочито и богато украшенном мѣстѣ, при пѣніи, Тропаря: *Спаси Господи люди Твоя*, и за тѣмъ началось освященіе храма. Нѣтъ нужды описывать величественный крестный ходъ за святыми мощами въ старую церковь: это знаетъ у насъ почти всякій простолюдинъ; ибо въ мѣстности нашей освященіе церквей очень часто совершалось усерднѣйшимъ изъ архипастырей. Послѣ освященія церкви и многолѣтія Государю Императору, совершена божественная литургія въ сослуженіи трехъ протоіереевъ и одного священника, при окончаніи которой, въ обыкновенное время, произнесено слово, приличное торжеству, въ которомъ между прочимъ, сказано, что этотъ костелъ въ м. Стволовичахъ именно построенъ былъ только на гибель православія.

По окончаніи богослуженія, выходъ архіерейскій продолжался необыкновенно медленно; каждый желалъ принять благословеніе святительское, а богомольцевъ было весьма много; неутомимый архипастырь всѣмъ преподалъ и благословеніе и назиданіе.

Архипастырю, всему духовенству и прочимъ почетнымъ богомольцамъ обѣдъ предложенъ былъ мѣстнымъ посредникомъ М. Н. Алмазовымъ, усерднымъ дѣятелемъ по устройству новоосвященнаго храма. За обѣдомъ высокопреосвященнѣйшій предложилъ тостъ за здравіе Государя Императора, при чемъ все духовенство пропѣло: *многая лѣта*, а пѣвчіе колпеницкаго училища обще съ г. лѣсничимъ Алексѣевымъ исполнили народный гимнъ. Послѣ сего г. Алмазовъ сказалъ рѣчь, въ коей живо изобразилъ какъ важность торжества и радости по случаю бывшаго въ тотъ день освященія храма, такъ и скорбь и сѣтованіе по случаю отбытія архипастыря, столь много потрудившагося для блага церкви и торжества православія въ минской епархіи. Глубокотрогательна была эта рѣчь: она у многихъ исторгала слезы, которыя, впрочемъ, и сами невольно исторгались изъ глазъ при мысли о разлукѣ съ добрымъ архипастыремъ. Въ заключеніе г. Алмазовъ предложилъ тостъ за здравіе высокопреосвященнѣйшаго; духовенство и пѣвчіе пропѣли: многая лѣта. По окончаніи обѣда, въ домѣ г. Алмазова, простились съ архипастыремъ всѣ тутъ бывшіе; слезы и вопли замѣняли слова и выраженія. Затѣмъ архипастырь отправился на ночлегъ въ домъ мѣстнаго благочиннаго протоіерея Савича. Проѣзжая чрезъ м. Стволовичи, высокопреосвященный заѣзжалъ

прощаться съ пѣвческимъ хоромъ своимъ, еще неуѣхавшимъ оттуда: весь хоръ плакалъ навзрыдъ при этомъ прощаніи.

При прощаніи архипастырь никого не оставилъ безъ слова любви и назиданія; но преимущественно наставленія свои обращалъ онъ къ духовенству, которое всегда было предметомъ особенной его заботливости, во все управленіе минскою епархіей.

На завтра, то есть 12-го іюня, духовенство стволовичскаго благочинія, уѣздный протоіерей, г. исправникъ и другія чиновныя лица, утромъ прибыли въ домъ протоіерея Савича, чтобы еще разъ взглянуть на архипастыря. Высокопреосвященный видимо былъ тронутъ этимъ выраженіемъ любви собравшихся и съ обычнымъ ему смиреніемъ, замѣтилъ, что онъ не надѣялся, чтобы бывшая его паства питала къ нему любовь въ такой мѣрѣ. Бесѣда впрочемъ не была продолжительна; время текло; скоро архипастырь спѣшилъ съ отъѣздомъ, и потому, поблагодаривъ собравшихся за вниманіе, преподавъ наставленія всѣмъ, а нѣкоторымъ—на память—и свои фотографическія карточки, послѣ закуски, собрался въ путь. Вотъ и экипажъ поданъ, и когда уже архипастырь собирался — помолиться предъ иконами, одинъ изъ священниковъ произнесъ прощальную рѣчь отъ лица всего духовенства, въ коей выразилъ и душевную признательность ему, за его доброту и благосердіе, явленное имъ въ теченіе двадесятилѣтняго предстоятельства церкви минской и свидѣтельствовалъ словами св. Писанія предъ Богомъ и людьми, что онъ (архипастырь) *никого не обидѣлъ ниже насилствовалъ, ниже взялъ что отъ чіея руки,* что онъ *подвигомъ добрымъ подвизался,* и просилъ отъ лица всей минской епархіи прощенія, если кто чѣмъ хоть неумышленно погрѣшилъ предъ его святительствомъ. Архипастырь видимо былъ взволнованъ; обратясь къ оратору, онъ опять смиренно заявилъ, что доброта его и заслуги слишкомъ преувеличены въ рѣчи, что духовенство и вся паства минская всегда будутъ ему присущи его сердцу и памяти, и что онъ объ нихъ никогда не перестанетъ возносить свои молитвы къ небесному пастыреначальнику. При этихъ словахъ плачь всѣхъ присутствующихъ смѣнился рыданіемъ, такъ что слова архипастыря были заглушаемы воплемъ прощавшихся. Архипастырь поспѣшилъ преподать всѣмъ послѣднее благословеніе и оставилъ всѣхъ въ плачѣ и рыданіи. До рубежа минской епархіи еще провожали его у-

ѣздный протоіерей, мѣстный благочинный, протоіерей Савичъ и г. исправникъ: они окончательно простились съ архипастыремъ въ Полонкѣ, откуда высокопреосвященнѣйшій отправился къ мѣсту своего покоя въ м. Жировицы.

Иди съ миромъ, добрый архипастырь! Двадцать лѣтъ ты право правилъ среди насъ слово Христовой истины, руководилъ нами и призиралъ насъ какъ попечительнѣйшій отецъ. Мы никогда не забудемъ тебя, завѣщаемъ признательность къ тебѣ нашимъ дѣтямъ и внукамъ, и всегда будемъ умолять небеснаго Пастыреначальника, да приложитъ Онъ тебѣ еще дни на дни и лѣта на лѣта, да поживешь ты еще долго, тихо и мирно послѣ многолюднаго, многотруднаго и многолѣтняго во Христѣ дѣланія въ церкви минской.

Священникъ Іаннуарій Наркевичъ.

26-го іюля 1868 г. Село Великіе Луки, Новогрудскаго уѣзда.

Рѣчь, произнесенная 12 іюня 1868 года, при прощаніи съ архіепископамъ Михаиломъ (бывшимъ минскимъ и бобруйскимъ)

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

милостивѣйшій архипастырь и отецъ!

Еще позволь намъ нѣсколько времени зрѣть тебя и сказать нѣсколько прощальныхъ словъ.

Четверть года миновала уже, какъ ты оставилъ управленіе, двадцать лѣтъ лелѣянной тобою, минской паствы. Ты знаешь, какими чувствами скорби и сѣтованія исполнилась вся эта паства при вѣсти о разлукѣ съ тобою. Она присылала тебѣ многія и многія писанія, въ коихъ заявлялась и скорбь о разлукѣ съ тобой, и признательность, и благодареніе, и благоговѣйное уваженіе къ тебѣ, какъ къ пастыреначальнику, ревностному руководителю, богомудрому и отцу сердобольнѣйшему. И подлинно, ты всегда являлъ себя таковымъ во все двадесятилѣтнее твое предстоятельство церкви минской; и этими качествами пріобрѣлъ ту любовь, какую питаетъ къ тебѣ вся минская паства. Предержащая власть и священноначаліе отечественной церкви вполнѣ признали и высоко

оцѣнили твои великіе труды и высокія заслуги для церкви минской, когда съ безпримѣрною щедростію обезпечили покой старческихъ лѣтъ твоихъ, а дѣеписатель минской церкви, надлежаще взвѣсивъ твои двадцатилѣтнія дѣянія, знаменательное имя твое, нѣкогда помѣститъ на ряду съ именами: Викторовъ, Серафимовъ Никаноровъ и другихъ ревностнѣйшихъ дѣятелей на ея духовной нивѣ.

Но вотъ милостивѣйшій архипастырь, послѣ толикихъ трудовъ твоихъ для блага минской паствы, ты уже въ настоящее время оставляешь ее совершенно, удаляешься отъ насъ навсегда, и мы переживаемъ теперь тяжкія минуты прощанья съ тобою, нашимъ возлюбленнѣйшимъ и благосердѣйшимъ архипастыремъ.

Приснопамятный архипастырь! ты знаешь нашу скорбь, видишь наши слезы; мы сѣтуемъ неутѣшно о разлукѣ съ тобою, какъ сѣтуютъ и скорбятъ дѣти при разлукѣ съ добрѣйшимъ отцомъ.

И вотъ съ непритворными слезами, съ задушевною скорбію, мы прощаемая теперь съ тобою, и живо представляя твое благосердіе, предъ Богомъ и людьми, словами священнаго писанія, свидѣтельствуемъ, что ты во все время священноначальства твоего надъ нами, *не обидѣлъ еси насъ, ниже насильствовалъ еси намъ, ниже утѣснилъ еси насъ, ниже взялъ еси отъ руки чіея что;* что ты, во все время твоего предстоятельства минской церкви, *подвигомъ добрымъ подвизался, вѣру соблюлъ.* И потому, мы недостойные, умоляемъ и умолять будемъ небеснаго Пастыреначальника да *соблюдется* тебѣ *вѣнецъ правды, его же дастъ воздастъ* ти *Господь въ день онъ, праведный судія. Поминайте наставники ваша:* научаетъ св. апостолъ Павелъ. Но ты архипастырь не только былъ нашимъ наставникомъ: ты былъ нашимъ пастыреначальникомъ, руководителемъ, отцомъ и, смѣемъ сказать, другомъ. *О! прильпни языкъ, забвена буди десница наша, аще* не помянемъ тебя въ молитвахъ, если забудемъ тебя въ прошеніяхъ и моленіяхъ нашихъ! Такъ! молиться о тебѣ и воспоминать тебя есть и будетъ священная наша обязанность.

Прими же, архипастырю добрый, эту скорбь нашу, эти слезы, эти молитвенныя пожеланія и молитвы, которыя несутся и будутъ нестись къ престолу Божію изъ признательныхъ къ тебѣ сердецъ,

прими, какъ дань душевной благодарности за твою доброту и благопопеченіе о насъ.

Сердце твое было всегда отверсто для насъ: для всякаго въ немъ было мѣсто и любви, и снисхожденію и состраданію. Но если въ нашихъ сердцахъ ты находилъ для себя тѣсноту, если въ комъ изъ насъ ты видѣлъ измѣнчивость, неблагодарность, или холодность и небреженіе о долгѣ и другіе недостатки, то просимъ тебя, милостивѣйшій архипастырь, прости намъ все это. Намъ никогда не забыть, какою обильною любовію покрывалъ ты и прощалъ многіе и многіе наши недостатки, покрой же ихъ и теперь своею любовію, прости и теперь всѣ наши согрѣшенія, въ отношеніи къ твоему святительству содѣянныя. Съ словомъ мира и любви вступалъ ты на каѳедру минскую, съ миромъ и любовію въ сердцѣ и на устахъ да будетъ и исходъ твой съ оной.

Прости, прости, добрѣйшій нашъ архипастырь и отецъ, преподаждь намъ еще благословеніе твое и помяни насъ грѣшныхъ и не достойныхъ въ святыхъ своихъ молитвахъ.

Священникъ Іаннуарій Наркевичъ.

ПОРЯДОКЪ ВЫНОСА ИКОНЫ ИЗЪ ХОЙНИКСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ СЕЛО ВЕЛИКІЙ-БОРЪ, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ ПОЖАЛОВАННОЙ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ ВЪ ТАМОШНЮЮ ЦЕРКОВЬ.

1868 года 25 августа.

1) Ко дню торжества, по предварительному соглашенію и оповѣщенію чрезъ мѣстнаго благочиннаго, прибудутъ въ м. Хойники гг. уѣздный исправникъ или его помощникъ, предсѣдатель мироваго съѣзда, мировой посредникъ, становой приставъ, ближайшихъ постовъ жандармы и сосѣднихъ волостей старшины съ должностными лицами и народомъ, а благочинный 24 числа привезетъ икону.

2) 25 августа, по окончаніи заутрени, икона изъ олтаря (съ св. престола) вынесена будетъ на средину церкви, для освященія оной. По освященіи провозгласится многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому; послѣ сего благочиннымъ произнесена будетъ рѣчь. При пѣніи съ колѣноприклоне-

ніемъ «подъ Твою милость» всѣ присутствующіе приложатся къ иконѣ.

Около 9-ти часовъ утра, св. икона подымется благочиннымъ и, съ крестнымъ ходомъ, во главѣ благочиннаго и трехъ священниковъ, при колокольномъ звонѣ, обнесется трижды вокругъ церкви съ осѣненіемъ оною предстоящихъ, и понесется по пути въ село Великій-боръ. За мѣстечкомъ, болѣе версты, на полѣ, совершится краткое молебствіе, при осѣненіи св. иконою сопутствующихъ. Крестный ходъ возвратится обратно въ церковь, а благочинный и всѣ ему сопутствующіе, отправляются на экипажахъ въ дальнѣйшій путь. (Изъ м. Хойникъ въ с. Великій-боръ 18 верстъ).

4) За 5 верстъ отъ м. Хойникъ, жители деревни Небытова— въ полѣ встрѣтятъ икону съ хлѣбомъ и солью. Благочинный облачится въ эпитрахиль и ризу и осѣнитъ св. иконою народъ, къ коей онъ и приложится послѣ краткой эктеніи. Далѣе, при слѣдованіи иконы чрезъ деревню Куровое, жители ея тоже встрѣтятъ и приложатся къ иконѣ, такимъ же порядкомъ. За 4 версты отъ с. Великаго-бора жители деревни Руденьки (здѣсь есть еще четыре дома латинниковъ) также встрѣтятъ икону и приложатся къ ней. При семъ благочинный скажетъ нѣсколько словъ, въ назиданіе остающимся въ латинствѣ.

5) Отсюда нарочито наряженный отъ волостнаго управленія, отправится въ с. Великій-боръ съ извѣщеніемъ о приближеніи къ нему иконы. Священники (сколько ихъ будетъ) изъ церкви, при крестномъ ходѣ съ народомъ, отправятся за селеніе, около полуторы версты въ поле (подъ самый лѣсъ) и встрѣтятъ икону. Завидя крестный ходъ, благочинный облачится и съ сопутствующими ему, продолжаетъ шествіе. Осѣнивъ св. иконою, народъ соединяется съ великоборскимъ крестнымъ ходомъ и шествуютъ всѣ къ церкви, чрезъ селеніе, гдѣ противъ каждаго дома хозяева встрѣчаютъ св. икону съ хлѣбомъ и солью и покланяются до земли.

6) За порядкомъ шествія крестнаго хода и лицъ участвующихъ въ торжествѣ, будутъ наблюдать гг. уѣздный исправникъ или становой приставъ.

7) Св. икона обнесется вокругъ церквей старой и новоустрояемой трижды, съ осѣненіемъ иконою народа и окропленіемъ св. водою. Предъ входомъ въ церковь мѣстнымъ священникомъ произнесена будетъ рѣчь, по окончаніи коей, благочинный передастъ священнику св. икону, при краткомъ назиданіи къ нему и прихожанамъ.

8) По входѣ въ церковь совершится обѣдница (ибо церковь и въ ней престолъ не устроены, но вскорѣ устроится, а въ новоустрояемой, уже болѣе года какъ прекратились работы), а потомъ молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому и прочимъ по чину. Послѣ сего всѣ присутствующіе приложатся къ св. кресту и иконѣ съ пѣніемъ, при колѣноприклоненіи, «подъ Твою милость.» Симъ закончится весь церемоніалъ настоящаго торжества, участвующіе въ которомъ приглашены будутъ мѣстнымъ священникомъ на хлѣбъ и соль.

Церемоніялъ этотъ выполненъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ.

9) О совершившемся настоящемъ торжествѣ, благочинный и г. исправникъ, донесутъ каждый по своему начальству, съ препровожденіемъ копіи сего церемоніала. Независимо отъ сего напишется благодарственное письмо отъ жителей получившихъ Царскій даръ и лицъ участвовавшихъ въ торжествѣ и отошлется къ г. начальнику края, чрезъ посредство епархіальнаго начальства.

Брагинскій благочинный священникъ *М. Еремичъ*.

м. Хойники 1868 года 24 августа.

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ЧЕТВЕРИКОВУ.

От совѣта брагинской Николаевской церкви,
Рѣчицкаго уѣзда, минской епархіи,

Поздравительный адресъ.

Совѣтъ сей церкви, съ восторгомъ прочиталъ публикацію въ газетахъ о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи Васъ съ потомствомъ Вашимъ, изъ почетняго потомственнаго гражданства въ дворянское достоинство, въ отличіе васъ предъ вашими со-

гражданами, за разныя обильныя пожертвованія въ пользу церквей и народныхъ училищъ въ епархіи нашего бѣднаго западно-русскаго края, нѣкогда стонавшаго подъ игомъ латино-польско—пинско-ксендзовскаго властительства.

Совѣтъ сей церкви, честь имѣетъ привѣтствовать васъ, достойно-чтимый благотворитель нашъ Иванъ Ивановичъ, съ Монаршею милостію! Высоко-значительна въ жизни награда и благоволеніе Царское; но несравненно выше и безцѣннѣе,—награда Царя небеснаго любящихъ благолѣпіе Его св. храмовъ, и что важнѣе всего, безкровная жертва въ сихъ храмахъ, вами ущедренныхъ, имѣющая возноситься на олтаряхъ Господнихъ за васъ и потомство ваше, до скончанія вѣка.

Да будетъ же для васъ, награда земная, залогомъ награды небесной!

И въ нашемъ бѣдномъ околоткѣ, нѣкоторые изъ храмовъ Божіихъ, украшаются вашими приношеніями, а дѣти простолюдиновъ обучаются грамотѣ по даровымъ отъ васъ книгамъ. По нашей же минской епархіи во многія церкви высланы отъ щедротъ вашихъ утварныя и ризничныя вещи.

119-ть лѣтъ вблизи нашего православнаго храма (на разстояніи шести саженей) гудѣлъ органъ въ латинскомъ костелѣ, заглушая по временамъ пѣніе въ церкви. И я многонемощный, предсѣдатель сего совѣта, 26 лѣтъ былъ оглушаемъ звукомъ органа, при разнаго рода панско ксензовскихъ проискахъ и утѣсненіяхъ (тревожившихъ сердце мое до 1864 года),—но не попустилъ ни одной овцѣ моего словеснаго стада заблудиться въ чужую ограду латинства.

Нынѣ, силою всемогущаго и всемилосерднаго промысла Божія, изъ сказаннаго костела, на доброхотныя пожертвованія, церковную сумму и занятыя совѣтомъ 300 р. (еще не выплаченные), устроенъ теплый, скромный храмъ, во имя, новоявленнаго святителя и чудотворца Тихона Задонскаго. Это еще первый храмъ и въ нашей, и въ сосѣднихъ съ нами епархіяхъ, благодатію Божіею освященный 13-го августа прошедшаго 1867 года, хотя еще и не совершенно оконченный 1), во имя

1) Снаружи не окрашена желѣзная крыша, стѣны и придѣлы и проч: на что потребно около 400 р. Предстоитъ вопіющая нужда въ пріобрѣтеніи евангелія, дарохранительницы, напрестоль-

сего святителя. Совѣтъ сей церкви несказанно радуется и новому храму, пачеже торжеству православія. Къ утѣшенію вашему, какъ щедрому благотворителю на благолѣпіе храмовъ, изъ латинскихъ костеловъ устроенныхъ и устрояемыхъ,—не лишнимъ считаемъ упомянуть, что по сосѣдству съ нами, еще устрояются четыре храмы: три каменные и одинъ деревяный, изъ латинскихъ костеловъ. Первый въ м. Юревичахъ 1), гдѣ находится мѣстночтимая чудотворная икона Божіей Матери,—два въ м. Хойникахъ 2), во имя Покрова Богородицы одинъ въ центрѣ мѣстечка, а другой на кладбищѣ Воскресенскій, при фундаментѣ коего въ нѣдрихъ земли покоится прахъ дщери, одного изъ потомковъ русскихъ, московскихъ князей Шуйскихъ (Игнатія), бывшей въ супружествѣ за литовскимъ вельможей, членомъ варшавскаго сейма—Карломъ Прозоромъ. Провидѣніе Господне предопредѣлило надъ прахомъ дщеры православной отрасли, совершаться безкровной жертвѣ, во храмѣ православномъ. Четвертый храмъ, въ с. Великомъ-бору 3), гдѣ и жителя приняли изъ латинства православіе въ числѣ 760 обоего пола душъ. Здѣсь устроется деревянный храмъ отъ правительства, но еще не оконченъ.

Неутѣшительно ли, и для васъ и для насъ такое преуспѣяніе православія? Но не подумайте, высокопочитаемый Иванъ Ивановичъ, что сей совѣтъ, только въ видахъ (нисколько, впрочемъ, непредосудительныхъ) полученія отъ васъ пособія для своей церкви пишетъ къ вамъ эти привѣтственныя строки,

---

наго креста, запрестольнаго подсвѣчника, облаченій на престолъ и на жертвенникъ и одного священическаго облаченія. Постройка храма уже стоитъ болѣе 2000 р.

1) Въ эту церковь высланы богатыя утварныя и ризничныя вещи, думаемъ, отъ вашихъ же щедротъ и усердія.

2) Еще въ 1860 году отъ щедротъ Государыны Императрицы присланы въ эту церковь нѣкоторыя утварныя и ризничныя вещи и книги; но не достаетъ паникадила, четырехъ лампадъ, напрестольнаго креста, подсвѣчника и двухъ священническихъ облаченій,—свѣтлаго и траурнаго. Кладбищенская церковь никакихъ вещей не имѣетъ.

3) Въ 1866 году получены утварныя и ризничныя вещи и въ эту церковь чрезъ минскаго губернатора, несомнѣнно и отъ вашего усердія. Недостаетъ только паникадила, плащаницы и двухъ хоругвей.

совѣтъ между прочимъ пользуется только случаемъ сообщить вамъ для вящшаго утѣшенія вашего, кое что о преуспѣяніи православія и въ здѣшней мѣстности.

Впрочемъ совѣтъ брагинской Николаевской церкви твердо увѣренъ, что религіозные чувства ваши и усердіе ко храмамъ Божіимъ—не угаснутъ въ душѣ вашей пока Господь продлитъ дни вашей жизни и потомства вашего, и подастъ вамъ благопотребное въ жизни сей, а еже къ будущей, то оно несомнѣнно приложится вамъ молитвами пастырей тѣхъ церквей, благолѣпіе которыхъ вы возлюбили и не престаете любить.

Глубоко почитающіе васъ: предсѣдатель совѣта, брагинскій благочинный, священникъ *Максимъ Еремичъ*.

Потомъ слѣдуютъ подписи членовъ совѣта, волостнаго старшины и 7-ми старшинъ совѣта.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ПОѢЗДКА Г-НА ГЛАВНАГО НАЧАЛЬНИКА СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ ПО МИНСКОЙ И ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНІЯМЪ.

По Минской губерніи.

Въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ пишутъ: 27-го августа, въ 11 часовъ вечера, въ г. Минскъ прибылъ генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ А. Л. Потаповъ, для обозрѣнія расположенныхъ здѣсь лагеремъ войскъ 30-й пѣхотной дивизіи, а также для ревизіи губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. На другой день, въ 9½ часовъ утра, его высокопревосходительство принималъ у себя гг. военныхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ ввѣренныхъ ему войскъ и православное духовенство. Затѣмъ, въ 10 часовъ утра, въ залѣ губернаторскаго дома, было общее представленіе всѣхъ гражданскихъ чиновъ, губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства, болѣе 70 мѣстныхъ дворянъ, прибывшихъ изъ разныхъ уѣздовъ, городскаго головы съ депутатами отъ города и римско-католическаго духовенства. По окончаніи общаго представленія, его высокопревосходительство посѣ-

тилъ соборъ и оттуда отправился для обозрѣнія присутственныхъ мѣстъ, посѣтилъ въ этотъ день гимназію, училища, тюремный замокъ и другія городскія учрежденія, а въ 6 часовъ вечера сдѣлалъ обзоръ лагеря 30-й пѣхотной дивизіи, расположеннаго въ двухъ верстахъ отъ города.

29-го, утромъ въ 9-ть часовъ, былъ произведенъ смотръ войскамъ. Ясные дни, наступившіе послѣ недавно выпавшихъ дождей, благопріятствовали ученью и смотру. Послѣ 12-ти часовъ дня генералъ-губернаторъ обозрѣвалъ городскую больницу и благотворительныя заведенія, военный госпиталь и остальныя учебныя заведенія.

Съ наступленіемъ утра 30-го августа, по случаю тезоименитства Государя Императора и Наслѣдника престола, всѣ спѣшили въ соборъ, чтобы вознести теплую молитву за Ихъ здравіе и благоденствіе. Обойдя собранныя на соборной площади войска, главный начальникъ края поздоровался съ ними и затѣмъ отправился въ каѳедральный соборъ. По окончаніи литургіи и молебствія, его высокопревосходительство, поздравивъ войска съ радостнымъ днемъ, произвелъ церковный парадъ съ церемоніяльнымъ маршемъ, послѣ чего войска были угощаемы городомъ. Въ это время г. генералъ-губернаторъ еще разъ поздравилъ войска съ тезоименитствомъ Государя Императора и Наслѣдника престола. Неумолкаемое «ура» со стороны войска и народа, окружавшаго всю площадь, было отвѣтомъ на привѣтственное слово его высокопревосходительства. Затѣмъ, обращаясь къ городскому головѣ и депутатамъ города, главный начальникъ края благодарилъ ихъ за радушный пріемъ, оказанный ввѣреннымъ ему войскамъ. По окончаніи парада, его высокопревосходительство отправился въ губернаторскій домъ, у дверей котораго встрѣченъ былъ старшинами ближайшихъ волостей, принесшими ему поздравленіе съ высокоторжественнымъ днемъ отъ сословія крестьянъ. Въ залѣ губернаторскаго дома главный начальникъ края былъ встрѣченъ лицами всѣхъ сословій, собравшимися еще въ большемъ числѣ, чѣмъ 28-го числа, для принесенія поздравленія его высокопревосходительству съ тезоименитствомъ Государя Императора и Наслѣдника престола. Поблагодаривъ всѣ сословія за

выраженныя вѣрноподданническія чувства, главный начальникъ края изволилъ объявить, что онъ будетъ имѣть счастіе повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества Государя Императора и Его Высочества Государя Наслѣдника поздравительныя телеграммы. Эти телеграммы были слѣдующаго содержанія:

«*Югенгеймъ - Дармштадтъ*: Генералъ-адъютанту графу Адлербергу 2-му: 30-я пѣхотная дивизія, дворянство Минской губерніи, жители города Минска и служащіе, послѣ принесенія Господу Богу благодарственныхъ молитвъ, повергаютъ къ стопамъ Его Императорскаго Величества, обожаемаго Монарха, свои вѣрноподданническія поздравленія и пожеланія.»

«*Петербургъ*. Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу: 30-я пѣхотная дивизія, дворянство Минской губерніи и всѣ жители города, воздавъ Господу Богу благодарственныя мольбы, повергаютъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Высочества вѣрноподданническія поздравленія.»

Въ 4 часа былъ торжественный обѣдъ у начальника губерніи, на которомъ провозглашены тосты: за здравіе и многолѣтіе Государя Императора, Государыни Императрицы, Наслѣдника престола и всего Августѣйшаго Дома, за благоденствіе горячо любимаго отечества и процвѣтаніе Минской губерніи. Музыка играла русскій народный гимнъ, котораго торжественные звуки сливались съ громкими и единодушными «ура». Затѣмъ предложены слѣдующіе тосты: за здравіе г. министра внутреннихъ дѣлъ, Александра Егоровича Тимашева, главнаго начальника края, Александра Львовича Потапова, вновь назначеннаго епископа минскаго и бобруйскаго преосвященнаго Александра и г. начальника губерніи. Въ заключеніе былъ провозглашенъ тостъ г. исправляющему должность губернскаго предводителя дворянства, за здоровье находящейся за границею супруги главнаго начальника края, Екатерины Васильевны Потаповой, Высочайше назначенной главною попечительницею дѣтскихъ пріютовъ сѣверо-западнаго края. Во время обѣда прочтены были депеши, полученныя въ тотъ же день на имя губернатора изъ мѣстностей Минской губерніи, расположенныхъ по линіи телеграфнаго сообщенія: м. Клецка, городовъ Не-

свижа, Бобруйска, Слуцка, и Пинска. Въ нихъ жители, зная, что г. генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Потаповъ, въ день тезоименитства возлюбленнаго Монарха, находится въ г. Минскѣ, просили передать отъ нихъ его высокопревосходительству поздравленіе съ этимъ священнымъ и радостнымъ для Россіи днемъ. Въ 7 часовъ въ лагерѣ 30-й пѣхотной дивизіи происходила зоря съ церемоніею, въ присутствіи главнаго начальника края и огромнаго стеченія народа. Для всѣхъ зрителей минута, когда войска были призваны «на молитву», была особенно торжественна. Огни зажигались уже на протяженіи всего лагеря, и съ обѣихъ сторонъ, со стороны войска и народа, видно было, какъ осѣняли себя крестомъ здѣсь собравшіеся русскіе люди.... освѣщеніе расло болѣе и болѣе, и наконецъ иллюминація вполнѣ освѣтила поле. Лагерь съ своими бѣлыми палатками, расположенными подъ навѣсомъ деревьевъ, войска съ одной стороны, оживленныя массы народа съ другой—все это, окаймленное извилинами рѣки Свислочи, окружающей площадь лагеря, придавало картинѣ особое значеніе, исполненное величія и торжественности. Затѣмъ былъ сожженъ блистательный фейерверкъ, подобнаго которому жители Минска рѣдко были свидѣтелями, по собственному ихъ сознанію. Когда освѣтился разноцвѣтными огнями щитъ съ священнымъ для всякаго русскаго сердца вензелемъ Государя Императора и три хора военной музыки грянули «Боже, Царя храни», все поле застонало отъ единодушнаго «ура» войскъ и народа, покрывавшаго его. Дружныя восклицанія эти не могли быть заглушены даже трескомъ многочисленныхъ взрывовъ букетовь ракетовъ. Отъ лагеря по конца соборной площади, по обѣимъ сторонамъ, горѣли тысячаи огней. Звѣзды, вензеля съ начальными буквами Августѣйшихъ Тезоимяинниковъ, изъ темной ночи, всю окружающую природу обратили въ свѣтлый день.... Густыя массы народа всѣхъ сословій повсюду толпились на улицахъ города. Особенно плотно стояли онѣ предъ горѣвшей огнями часовнею, воздвигаемой на Архіерейской площади, въ память чудеснаго спасенія 25-го мая Монарха—Освободителя. Движеніе экипажей было необычайное. Словомъ, городъ Минскъ въ этотъ день принялъ небывалый, празд-

ничный видъ.... Въ 9 часовъ вечера главный начальникъ края посѣтилъ театръ и оставался до конца спектакля. Когда раздался русскій народный гимнъ, восторженная публика потребовала его повторенія нѣсколько разъ.

На другой день, 31-го августа, въ 7 часовъ утра, главный начальникъ края выѣхалъ изъ Минска по направленію къ Несвижу, для дальнѣйшаго обзора войскъ и губерніи. Послѣ выѣзда его высокопревосходительства, получена, въ $7^1/_2$ часовъ, отвѣтная депеша изъ Югенгейма, на имя генералъ-губернатора, отъ его сіятельства графа А. В. Адлерберга, въ которой изображено: «Государь Императоръ изволилъ искренно благодарить за вѣрноподданническія чувства, выраженныя въ телеграммѣ вашей.» Вслѣдъ за тѣмъ изъ Александріи, въ часъ и 50 м. по полудни, получена телеграмма отъ Его Высочества Государя Наслѣдника, слѣдующаго содержанія: «Прошу передать мое душевное спасибо 30-й пѣхотной девизіи, дворянству и жителямъ Минской губерніи за ихъ привѣтствіе.»

По Гродненской губерніи.

Г-нъ главный начальникъ края прибылъ въ предѣлы Гродненской губерніи, по заранѣе объявленному маршруту, въ ночь со 2-го на 3 сентября, и 3 сентября, въ 4 часа по полуночи, его высокопревосходительство былъ уже въ Слонимѣ. Въ 10 часовъ утра его высокопревосходительству представлялись дворянство, служащіе всѣхъ вѣдомствъ, лица иновѣрныхъ исповѣданій и городское общество. Затѣмъ г-нъ генералъ-губернаторъ отправился въ соборъ, откуда вмѣстѣ съ крестнымъ ходомъ шествовалъ на площадь, для освященія только что оконченной часовни, сооруженной въ память 9-ти нижнихъ чиновъ Старо-Ингерманландскаго полка и нѣсколькихъ крестьянъ, убитыхъ во время мятежа, въ дѣлѣ подъ Миловидами. Освященіе часовни совершалъ преосвященный Михаилъ, бывшій архіепископъ Минскій, пребывающій теперь на покоѣ въ Жировицкомъ монастырѣ, въ 10 верстахъ отъ Слонима. По окончаніи освященія часовни, генералъ-губернаторъ принималъ преосвященнаго Михаила и всѣхъ лицъ право-

главнаго духовенства, въ томъ числѣ и настоятеля Жировицкаго монастыря, архимандрита Николая.

Послѣ пріема духовенства, генералъ-губернаторъ отправился на открытіе женскаго пансіона, только что образованнаго въ Слонимѣ, и затѣмъ объѣхалъ всѣ присутственныя мѣста и посѣтилъ уѣздное и народное училища съ женскою смѣною. Состояніемъ этихъ заведеній и отвѣтами спрошенныхъ учениковъ его высокопревосходительство остался совершенно доволенъ.

Послѣ обѣда генералъ-губернаторъ осматривалъ нѣкоторыя зданія, предназначенныя подъ помѣщеніе войскъ и затѣмъ вмѣстѣ съ начальникомъ губерніи отправился въ Жировицкій монастырь, гдѣ, въ присутствіи его высокопревосходительства, было отслужено молебствіе предъ древнѣйшею чудотворною иконою Божіей Матери.

По возвращеніи изъ Жировицъ, генералъ-губернаторъ принималъ нѣсколькихъ лицъ, имѣвшихъ до него дѣло и затѣмъ занимался съ начальникомъ губерніи.

4-го сентября рано утромъ главный начальникъ края отправился въ село Мизгеры, отстоящее въ 30 верстахъ отъ Слонима, для присутствованія при освященіи только что воздвигнутаго храма, освященіе котораго долженъ былъ совершить преосвященный Михаилъ, еще съ вечера отправившійся изъ Жировицъ въ Мизгеры. Народу въ Мизгерахъ собралось отъ 3-хъ до 4-хъ тысячь. Всѣ желали видѣть главнаго начальника края, въ первый еще разъ посѣтившаго эту мѣстность. Преосвященный Михаилъ, проведшій ночь у сосѣдняго помѣщика Редуто, прибылъ въ Мизгеры къ 10 часамъ утра и тотчасъ началъ службу. Главный начальникъ края прибылъ въ церковь вслѣдъ за преосвященнымъ. Во время обѣдни священникомъ бѣлавицкаго прихода, отцомъ Іоанномъ Гомолицкимъ, было сказано приличное настоящему торжеству слово, въ которомъ онъ между прочимъ изобразилъ въ сжатой картинѣ судьбы православія въ здѣшнемъ краѣ. По окончаніи молебствія преосвященный Михаилъ и главный начальникъ края вышли къ собраннымъ толпамъ народа и тутъ, при провозглашеніи тостовъ за здравіе Государя Императора, Императорской Фамиліи и началь-

ствующихъ лицъ, сначала преосвященный Михаилъ, а затѣмъ главный начальникъ края сказали народу нѣсколько теплыхъ и задушевныхъ словъ, относительно обязанностей крестьянъ къ освободившему ихъ Государю и чѣмъ и какъ они могутъ всего лучше отблагодарить Государя за изліянныя на нихъ безсчетныя милости.

По возвращеніи на мызу, гдѣ останавливался главный начальникъ края, подана была закуска или лучше сказать цѣлый обѣдъ, предложенный священникомъ мизгеровской церкви. По окончаніи обѣда главный начальникъ края отправился въ дальнѣйшій путь по направленію къ Волковыску. На станціяхъ Рожанахъ и Подороскѣ его высокопревосходительство встрѣчали крестьяне съ хлѣбомъ и солью, при чемъ генералъ-губернаторъ снова высказалъ крестьянамъ необходимость строго исполнять законы, слушаться властей, трудиться и уважать чужую собственность.

Въ Волковыскъ генералъ-губернаторъ прибылъ въ 9 часовъ вечера. Городъ былъ прекрасно освѣщенъ только что сооруженными фонарями, которые обновлялись въ день пріѣзда генералъ-губернатора. Немедленно послѣ пріѣзда генералъ-губернаторъ принималъ православное духовенство, затѣмъ дворянство, собравшееся въ значительномъ числѣ, и наконецъ служащихъ всѣхъ вѣдомствъ. Дворянству его высокопревосходительство между прочимъ сказалъ, что онъ радъ видѣть собравшимися такое значичительное число русскихъ дворянъ. Послѣ окончанія пріема, генералъ-губернаторъ отправился въ православную церковь, которая была освѣщена, затѣмъ посѣтилъ больницы, острогъ и, по возвращеніи на отведенную квартиру, тотчасъ отправился въ дальнѣйшій путь по дорогѣ въ Гродну.

5-го сентября, въ 4 часа утра, генералъ-губернаторъ прибылъ въ мѣстечко Скидель, имѣнія князя Четвертинскаго, гдѣ находились въ сборѣ уланская бригада 7-й кавалерійской дивизіи и № 50 Донской казачій полкъ. Въ 11 часовъ произведены были этимъ частямъ парадъ и ученіе, которыми генералъ-адъютантъ Потаповъ остался отмѣнно доволенъ. Послѣ ученія, въ домѣ князя Четвертинскаго данъ былъ обѣдъ, на который генералъ-губернаторомъ были приглашены всѣ высшіе начальники и старшіе офицеры ча-

гей. После обеда происходили скачки, на которых исключительно состязались офицеры. Вечером в 9 часов генерал-губернатор был уже в Гродне.

6-го сентября, в 9½ часов генерал-губернатор принимал в отведенной ему квартире православное духовенство, а затем в 10 часов, в больших залах губернаторского дома военных и гражданских чиновников, дворянство, городския сословия и представителей иностранных исповеданий. Затем все утро 6 числа было посвящено объезду православных церквей, монастырей, помещений для войск, учебных и богоугодных заведений и некоторых присутственных мест. Генерал-губернатор осмотрел между прочим в подробности предполагаемыя для приспособления к воинскому помещению здания двух упраздненных монастырей, поиезуитскаго и бернардинскаго. По окончании объезда генерал-губернатор обедал у начальника губернии и затем с вечерним поездом отправился в Вильну.

ОСМОТР Г. ГЛАВНЫМ НАЧАЛЬНИКА КРАЯ УЧИЛИЩ ВИЛЕНСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

Из сообщений начальников учебных заведений видно, что главный начальник края, при объезде Минской и Могилевской губерний для ревизии, осматривал, между прочим, и некоторыя училища. 9-го истекшаго августа, около 4 часов по полудни главный начальник края посетил игуменское уездное училище. Разспросив о числе и вероисповедании учеников, находившихся в заведении в минувшем учебном году, его высокопревосходительство обратился к 9-ти ученикам, бывшим на лицо в училище, с вопросами об их происхождении, о местожительстве их родителей и проч. Осмотрев потом классы, главный начальник края нашел обстановку училища вообще хорошею, но заметил только, что крайне неудобно помещение для класса римско-католическаго закона Божия, и велел выразить за то свое неудовольствие отсутствовавшему тогда, по болезни, смотрителю этого заведения.

12-го августа, главный начальникъ края былъ въ бобруйской прогимназіи. Узнавъ о крайней бѣдности нѣкоторыхъ воспитанниковъ, его высокопревосходительство обѣщалъ оказать имъ денежное пособіе, и черезъ нѣсколько дней прислалъ черезъ бобруйскаго предводителя дворянства 75 р. для раздачи, по 25 р., тремъ бѣднѣйшимъ ученикамъ изъ крестьянъ: III-го кл. А. Пигулевскому и Ф. Кричкову и II-го кл. М. Кавалевичу. Кромѣ прогимназіи г. генералъ-губернаторъ, того же 12-го числа, посѣтилъ казенное еврейское улилище и женскій 2-классный пансіонъ, содержимый г-жею Каменскою, гдѣ изъявилъ свою благодарность за порядокъ и успѣхи учениковъ и учѳницъ.

14-го августа его высокопревосходительство осматривалъ въ Мозырѣ гимназію, еврейскую частную школу русской грамотности и приходское училище. Въ гимназіи уроки еще не начинались, и поэтому осмотру могли быть подвергнуты только помѣщеніе, библіотека и кибинетъ.

15-го числа, главный начальникъ края посѣтилъ рѣжицкое двухъ-классное уѣздное училище, а 18-го числа былъ въ Рогачевѣ, Могилевской губерніи. Послѣ божественной литургіи, въ которой пѣлъ хоръ воспитанниковъ тамошняго уѣзднаго училища, главный начальникъ края осматривалъ уѣздное и казенное еврейское училище 1-го разряда и остался совершенно доволенъ найденнымъ въ нихъ порядкомъ.

16-го августа главный начальникъ края, въ сопровожденіи начальника Могилевской губерніи и другихъ лицъ, состоявшихъ при немъ для ревизіи, посѣтилъ гомельскую прогимназію. Ознакомившись съ составомъ учащихъ и учащихся, его высокопревосходительство прошолъ по всѣмъ классамъ, и обращался къ ученикамъ съ совѣтами хорошо учиться и вести себя, достойно ученикамъ прогимназіи. Въ первомъ классѣ г. главный начальникъ края заставилъ одного ученика сказать молитву Господню и остался вполнѣ доволенъ отвѣтомъ. Обративъ вниманіе на крайнюю бѣдность одного ученика-сироты, генералъ - губернаторъ приказалъ инспектору прогимназіи подать докладную записку о бѣдности означеннаго ученика, и на другой же день выдалъ ему 15 руб. на платье и книги.

Осмотрѣвъ прогимназію, его высокопревосходительство отправился въ другія учебныя заведенія города Гомеля: женскій пансіонъ, еврейское училище и безплатную женскую школу. Въ женскомъ пансіонѣ и безплатной школѣ 16 августа еще не начинались уроки, поэтому, хотя къ этому времени собраны были тамъ десятка три, четыре учениць, однако главный начальникъ края не производилъ никакого испытанія, а ограничился только общими вопросами о состояніи означенныхъ школъ, о составѣ учащихъ и учащихся, о средствахъ къ ихъ существованію и т. п. Въ еврейскомъ же училищѣ, гдѣ продолжалось ученіе обычнымъ порядкомъ, его высокопревосходительство производилъ испытаніе, заставляя читать по-русски одного и другаго ученика 1-го класса и нашелъ ихъ чтеніе вполнѣ удовлетворительнымъ.

19-го числа, его высокопревосходительство, вмѣстѣ съ могилевскимъ губернаторомъ, посѣтилъ въ г. Быховѣ уѣздное училище, приходское съ находящеюся при немъ женской смѣною и казенное еврейское 1-го разряда, при чемъ въ уѣздномъ училищѣ спрашивалъ учениковъ, разсматривалъ геодезическіе инструменты, геометрическія фигуры, теллуріумъ, географичесія карты и похвалилъ хорошій выборъ учебныхъ пособій; въ приходскомъ же училищѣ и женской при немъ смѣнѣ экзаменовалъ учениковъ и учениць, и за хорошіе отвѣты подарилъ имъ по экземпляру сборника для народнаго чтенія И. Щербины. При осмотрѣ казеннаго еврейскаго училища главный начальникъ края сдѣлалъ замѣчаніе о неправильномъ посѣщеніи еврейскими мальчиками классовъ.

22 августа, его высокопревосходительство, вмѣстѣ съ г. попечителемъ учебнаго округа, посѣтилъ въ г. Могилевѣ слѣдующія учебныя заведенія: частный пансіонъ для дѣвицъ г-жи Бояриновой, частное женское училище для еврейскихъ дѣвицъ г-жи Бѣльской и казенное еврейское училище 1-го разряда. Въ пансіонѣ Бояриновой воспитанницы были испытуемы по русскому языку; въ дѣвичьемъ училищѣ г-жи Бѣльской онѣ писали подъ диктовку, дѣлали грамматическій разборъ, декламировали наизусть стихотворенія, читали по русски и отвѣчали по географіи. За тѣмъ его высокопревосходительство разсматривалъ письменныя упраж-

ненія ученицъ по русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ и ихъ тетради чистописанія. Какъ отвѣтами, такъ и письменными работами ученицъ генералъ-губернаторъ остался доволенъ. Въ казенномъ евр. училищѣ г. генералъ-губернаторъ и попечитель округа экзаменовали учениковъ изъ русскаго языка, и лучшимъ изъ нихъ его высокопревосходительство подарилъ по книжкѣ. Въ могилевской гимназіи, по случаю неоконченныхъ ремонтныхъ работъ, не было еще уроковъ, и потому главный начальникъ края ограничился только осмотромъ зданій гимназіи и бывшаго при ней благороднаго пансіона.

25-го числа, главный начальникъ края былъ въ Оршѣ, а 26 въ Сѣннѣ. Но такъ какъ это были дни праздничные и уроковъ не было, то его высокопровосходительство могъ осмотрѣть только внѣшнюю сторону мѣстныхъ училищъ.

27-го числа его высокопревосходительство посѣтилъ борисовское приходское училище. Тамъ собрано было тогда 80 учащихся: христіанскихъ мальчиковъ 20, еврейскихъ 50 и дѣвочекъ 10. Обращаясь къ евреямъ, генералъ-губернаторъ сказалъ, что радъ ихъ видѣть учащимися вмѣстѣ съ прочими мальчиками и желалъ бы встрѣтить ихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Мѣстный приходскій учитель удостоился благодарности за усердіе.

28-го числа его высокопревосходительство обозрѣвалъ минскія учебныя заведенія. Въ 1-мъ приходскомъ училищѣ съ женскою при немъ смѣною ученики и ученицы испытуемы были въ знаніи молитвъ и чтеніи; въ женскомъ двухъ-классномъ еврейскомъ дѣвичьемъ училищѣ, содержимомъ г. Раковщикомъ, были спрошены 4 воспитанницы: двѣ по русскому языку, одна по французскому и одна по нѣмецкому, при чемъ за хорошіе, отчетливые отвѣты, дѣвицы были награждены книгами. Удовлетворительны оказались также знанія учениковъ казеннаго еврейскаго училища 1-го разряда и послѣ-обѣденной смѣны. Особенное вниманіе генералъ-губернатора обратило на себя чтеніе одного ученика И. Гурвича, почти совершенное чуждое признаковъ свойственнаго евреямъ произношенія и сопровождавшееся удачнымъ логическимъ удареніемъ. Этотъ ученикъ награжденъ былъ его высокопревосходительствомъ

книгою. — Въ женскомъ двухъ-классномъ еврейскомъ дѣвичьемъ училищѣ, содержимомъ г. Фунтомъ, испытанію подвергнуты были 5 воспитанницъ по русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ, и за хорошіе отвѣты всѣ получили въ подарокъ по книгѣ. Въ купеческомъ трехъ - классномъ еврейскомъ училищѣ три ученика получили также награды книгами за удовлетворительные отвѣты по русскому языку, при чемъ въ особенности отличался правильнымъ грамматическимъ разборомъ ученикъ 3 кл. Я. Эліашбергъ. Школа русской грамотносии, содержимая гг. Горинымъ и Ледеромъ, также заслужила лестное одобреніе главнаго начальника края, наградившаго книгами двухъ учениковъ, спрошенныхъ по русскому языку. Талмудъ - тора обратила на себя особенное вниманіе его высокопревосходительства; при входѣ въ это заведеніе директоръ училищъ Минской губерніи, г. Богушевскій, доложилъ главному начальнику края, что минская талмудъ-тора можетъ служить живымъ доказательствомъ начала разложенія еврейскихъ предразсудковъ относительно русской школы: мѣстное еврейское общество, долго не рѣшавшееся на введеніе сюда преподаванія русскаго языка, будто бы невозможнаго потому, что это заведеніе содержится на счетъ добровольныхъ приношеній и помѣщается возлѣ главной синагоги на молитвенномъ дворѣ,—рѣшилось съ настоящаго года ежегодно вносить 250 рублей для учителя русскаго языка, обученіе которому, принимая въ соображеніе краткость времени, идетъ очень удовлетворительно. Въ этой талмудъ-торѣ его высокопревосходительство наградилъ книгами трехъ учениковъ.—Воспитанники гимназіи, по причинѣ ремонтныхъ работъ, собраны были въ обширномъ помѣщеніи гимназической библіотеки. Генералъ-губернаторъ ограничился только бесѣдою съ учениками, чтобы узнать правильна ли у нихъ разговорная рѣчь. Потомъ его высокопревосходительство осмотрѣлъ классы и помѣщеніе, предназначенное для гимназической церкви, и наконецъ посѣтилъ женскій 4-хъ классный пансіонъ, содержимый г-жею Шнейдеръ. При выходѣ оттуда главный начальникъ края выразилъ директору, что осмотръ минскихъ учебныхъ заведеній принесъ ему удовольствіе и благодарилъ его за заботливость о ввѣренныхъ ему училищахъ и въ особенности за талмудъ-тору.

29-го августа главный начальникъ края кончилъ обозрѣніе минскихъ училищъ, побывавъ еще въ этотъ день въ школѣ начальнаго образованія бѣдныхъ дѣвицъ и во второмъ приходскомъ училищѣ.

31-го августа осмотрѣны были въ Несвижѣ приходское училище и школа грамотности для евреевъ. Проэкзаменовавъ тамъ нѣсколько учениковъ, его высокопревосходительство наградилъ двухъ христіанскихъ мальчиковъ священными картинками и одного еврейскаго книжкою.

3-го сентября г. главный начальникъ края, въ сопровожденіи гродненскаго гражданскаго губернатора, осматривалъ слонимское уѣздное училище, которое найдено было во всѣхъ отношеніяхъ въ весьма хорошемъ состояніи, точно также какъ и гродненская гимназія, которую его высокопревосходительство посѣтилъ 6-го сентября.

(Вил. Вѣст.)

РѢЧЬ Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ГЛАВНОЙ ВАРШАВСКОЙ ШКОЛѢ.

Г. министръ народнаго просвѣщенія, графъ Димитрій Андреевичъ Толстой, послѣ осмотра съ 26-го августа (7-го сентября), мужскихъ и женскихъ гимназій, вейверскихъ педагогическихъ курсовъ и нѣкоторыхъ городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ въ трехъ дирекціяхъ варшавскаго учебнаго округа: сувалкской, ломжинской и плоцкой, прибылъ 10 (22) сентября въ Варшаву. Обозрѣніе находящихся въ Варшавѣ учебныхъ заведеній, его сіятельство пожелалъ начать съ главной школы, какъ высшаго въ округѣ заведенія, и при представленіи исправляющимъ должность ректора, деканомъ Ковалевскимъ, преподавателей этой школы, собранныхъ 12 (24) числа, въ залѣ совѣта, обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

«По случаю присоединенія здѣшнихъ учебныхъ заведеній къ министерству народнаго просвѣщенія, я еще въ прошломъ году намѣревался обозрѣть ихъ, но довольно продолжительное пребы-

ваніе мое въ Новороссійскомъ краѣ лишило меня тогда этой возможности, и заставило отложить до настоящаго времени обзоръ варшавскаго учебнаго округа и удовольствіе познакомиться съ вами, милостивые государи.

При всякой перемѣнѣ естественно возникаютъ вопросы, недоумѣнія; всякій желаетъ знать, что ожидаетъ учебное заведеніе, къ которому онъ принадлежитъ. Я постараюсь, на сколько могу, дать вамъ лично отвѣтъ на эти вопросы.

Воля Государя Императора состоитъ въ томъ, чтобы доставить жителямъ этого края всевозможныя средства къ образованію ихъ дѣтей, разумѣется съ тѣмъ, чтобы оно послужило не во вредъ, а къ пользѣ государства. Эта воля Всемилостивѣйшаго Нашего Монарха по большей части уже исполнена. Въ настоящее время, на относительно небольшомъ пространствѣ этой страны находятся 22 гимназій, 15 прогимназій, 9 женскихъ гимназій и 5 таковыхъ же прогимназій. Если сравнить число учащихся въ этихъ заведеніяхъ съ соотвѣтственными училищами въ остальныхъ губерніяхъ Имперіи, и расходы на этотъ предметъ государственнаго казначейства, то оказывается, что на нихъ расходуется почти втрое болѣе, а число учащихся пропорціонально къ народонаселенію почти вчетверо болѣе. Женскія гимназіи во внутреннихъ губерніяхъ почти ничего не стоятъ государственному казначейству, такъ какъ онѣ по большей части существуютъ на мѣстныя средства, - тогда какъ здѣшнія женскія гимназіи исключительно содержатся на счетъ казны. Мнѣ неизвѣстно другое европейское государство, въ которомъ было бы подобное отношеніе между училищами въ провинціяхъ коренныхъ и присоединенныхъ.—Изъ этихъ цифръ, ариѳметически вѣрныхъ, я вовсе не думаю выводить, что нужно уменьшать здѣсь число учебныхъ заведеній; напротивъ того, я прихожу къ совершенно противуположному заключенію, именно къ тому, что весьма желательно и даже необходимо увеличить число учебныхъ заведеній во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, соотвѣтственно съ постоянно и замѣтно возрастающею въ нихъ потребностью въ образованіи. Все это однако же не мѣшаетъ нѣкоторымъ органамъ иностранной печати утверждать, что будто бы

русское правительство стремится къ уничтоженію всякихъ средствъ для образованія здѣшнихъ жителей, и эти невѣрныя свѣдѣнія, не встрѣчая опроверженія, распространяются и укореняются въ общественномъ мнѣніи Европы. Этому способствуетъ также незнакомство съ Россіею, зависть къ ея мирному могуществу, ни для кого не опасному, и происходящая оттого безсильная къ ней ненависть. Впрочемъ, на людей мыслящихъ эти возгласы не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія: имъ могутъ безотчетно вѣрить развѣ кучера фіакровъ, которые, отъ нечего дѣлать, въ ожиданіи сѣдока, читаютъ эти баснописныя произведенія. Кто хочетъ уразумѣть славянское бытописаніе, тотъ долженъ отрѣшиться отъ узкости подобныхъ поверхностныхъ воззрѣній, всмотрѣться поглубже въ исторію, вспомнить многочисленныя славянскія племена, трепетно ожидающія своей будущности, и колосса между ними, многомилліоннаго русскаго народа, призваніе коего уже достаточно обозначено Провидѣніемъ. Исторію, милостивые государи, творимъ не мы: мы только ее принимаемъ. Не намъ также направлять и исправлять пути Провидѣнія, мы только должны имъ слѣдовать. Когда такъ посмотримъ на событія, то взоръ нашъ сдѣлается яснѣе, трезвѣе мысль, вѣрнѣе и прямѣе наши дѣйствія.

«Прошу извинить меня за это невольное отступленіе: стоя здѣсь, на этой почвѣ, еще такъ недавно взволнованной печальными событіями, поневолѣ приходится изъ высшихъ сферъ науки и чистаго знанія, о чемъ я привыкъ бесѣдовать съ учеными, спускаться въ область дѣйствительности и современности.

«Возвращаюсь къ сказанному мною.

Государь Императоръ, такъ щедро разсыпающій средства образованія въ этомъ краѣ, имѣетъ полное право надѣяться, что онѣ послужатъ не къ отчужденію, а къ сближенію его съ остальными частями Имперіи. Въ этихъ видахъ вводится и усиливается преподаваніе въ здѣшнихъ заведеніяхъ на русскомъ языкѣ, и притомъ, какъ я самъ удостовѣрился, безъ малѣйшаго принужденія и съ полною готовностью со стороны учащихся. Мѣра эта вовсе не новая: вы можете ее видѣть во всѣхъ европейскихъ государствахъ, въ которыхъ сильно народное сознаніе, гдѣ многочислен-

ность первенствующаго племени естественно притягиваетъ къ себѣ остальныя народности, и гдѣ такимъ образомъ языкъ государственный становится и языкомъ школы. Правительство вовсе не думаетъ этимъ способомъ перередить трехмилліонное польское населеніе въ кровныхъ русскихъ: это было бы невозможно; но оно съ основательностью надѣется, что этимъ самымъ будутъ постепенно изглаживаться разныя недоразумѣнія, раздѣляющія оба наши родственныя племена. На этомъ именно основаніи я готовъ ходатайствовать о преобразованіи главной школы въ университетъ, чѣмъ самымъ она можетъ быть выведена изъ страннаго положенія, которое не предоставляетъ почти никакихъ существенныхъ правъ, ни препроводателямъ своимъ, ни учащейся въ ней молодежи, и просить о дарованіи ей тѣхъ же преимуществъ, которыми пользуются русскіе университеты, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы этотъ будущій университетъ, если только онъ состоится, сталъ не враждебнымъ особнякомъ на окраинѣ государства, а искренно вошелъ въ общую столь почтенную семью Императорскихъ россійскихъ университетовъ, гдѣ большинство изъ васъ получило свое образованіе.

«Я изложилъ вамъ, мм. гг., съ полною откровенностью не только виды и предположенія правительства по учебной части въ здѣшнемъ краѣ, но и побудительныя къ нимъ причины. Глубоко почитая ученое сословіе, я не могу выразить большаго къ нему уваженія, какъ полною откровенностью. Вѣдомство, которымъ имѣю честь управлять, не нуждается ни въ какихъ тайнахъ; въ немъ все дѣлается на яву и притомъ съ первой же минуты моего знакомства съ вами, я желалъ, чтобы вы видѣли меня такимъ каковъ я въ дѣйствительности, т. е. вполнѣ русскимъ человѣкомъ, и не по происхожденію и имени только, а по моимъ чувствамъ, моимъ взглядамъ, и, смѣю думать, по всѣмъ моимъ дѣйствіямъ. Впрочемъ, прошу васъ не пугаться: свойство русскаго человѣка вовсе не вмѣщаетъ въ себѣ ненависти къ остальнымъ племенамъ, входящимъ въ составъ нашего государства. Я знаю, вамъ твердятъ, что русскіе ненавидятъ поляковъ—этому не вѣрьте, это неправда. Рѣдкій народъ относится съ такимъ безпристростіемъ къ другимъ

народамъ, какъ русскіе. Дѣйствительно, послѣднія горестныя событія и въ особенности чужеземное вмѣшательство въ наши домашнія дѣла возбудили въ русскомъ народѣ весьма понятное и законное негодованіе; но время это прошло, страсти улеглись, и русскій человѣкъ по прежнему остался чуждъ всякой систематической вражды.—Что касается лично до меня, то полагаю, что изъ моихъ дѣйствій вы сами убѣдились, что я стараюсь быть столь же безпристрастнымъ къ учрежденію, къ которому вы принадлежите, какъ къ кореннымъ русскимъ, и что я всегда готовъ содѣйствовать къ удовлетворенію нуждъ какъ вашего заведенія, такъ и касающихся до васъ лично, на сколько это отъ меня будетъ зависѣть. Надѣюсь, мм. гг., что на искренность моихъ словъ вы отвѣтите искренностью вашихъ дѣйствій, и что я найду въ васъ, подобно ученому сословію русскихъ университетовъ, сотрудниковъ въ столь важномъ и нелегкомъ дѣлѣ народнаго образованія, порученномъ мнѣ Всемилостивѣйшимъ довѣріемъ Государя Императора.»

(Варш. Дн.)

ШКОЛЫ ГРАМОТНОСТИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ ВЪ ВОЛКОВЫСКОМЪ УѢЗДѢ.

Инспекторъ народныхъ училищъ гродненской дирекціи, Н. Олонцевъ, доноситъ въ совѣтъ дирекціи о школахъ грамотности для взрослыхъ, или воскресныхъ школахъ, открытыхъ въ Волковыскомъ уѣздѣ, въ селахъ *Лысковѣ* и *Ивашкевичахъ*, слѣдующія свѣдѣнія:

3-го декабря 1867 года инспекторъ Олонцевъ посѣтилъ воскресную школу въ с. Лысковѣ, или вѣрнѣе, присутствовалъ при бесѣдѣ священника о. Іоанна *Огіевича* со своими прихожанами. Эта бесѣда, четвертая со времени открытія школы, происходила въ помѣщеніи мѣстнаго народнаго училища. Слушателей было болѣе 100 человѣкъ, въ томъ числѣ 20 женщинъ. Содержаніе бесѣды было слѣдующее: разсказъ о событіи наступающаго праздника Рождества Христова и о томъ, какъ святая церковь повелѣ-

ваетъ чтить праздники, о томъ, что человѣку, ежедневно трудящемуся для удовлетворенія своихъ тѣлесныхъ нуждъ, необходимо въ праздничные дни позаботиться и о своей душѣ и что послѣ богослуженія весьма для прихожанъ прилично придти и побесѣдовать со своимъ священникомъ, а также о пользѣ ученія для взрослыхъ крестьянъ.

Бесѣда продолжалась 1½ часа; общее вниманіе видимо было возбуждено, и тишина нарушалась только приходомъ новыхъ слушателей.

Въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ о. Іоаннъ Огіевичъ предполагаетъ приступить къ обученію грамотѣ и счету, къ объяснительному чтенію историческихъ и другихъ полезныхъ для народа статей.

По мнѣнію инспектора Олонцева, положеніе села Лыскова весьма благопріятствуетъ развитію воскресной школы: это село находится въ центрѣ прихода, состоящаго изъ 4,000 душъ об. пола. Просвѣщенная дѣятельность священника и мѣстнаго мироваго посредника оказываютъ благотворное вліяніе на сельское населеніе: крестьяне любятъ свою церковь, которую выстроили изъ костела на свой счетъ, и весьма расположены къ народному училищу, для котораго также на свой счетъ построили домъ. Церковь всегда полна народомъ, богослуженіе благолѣпно и училище—одно изъ лучшихъ въ уѣздѣ.

Воскресная школа въ с. *Ивашкевичахъ* открыта 30 августа 1867 года. Занимается въ ней мѣстный священникъ о. Игнатій *Кончевскій*. Со дня открытія до 1868 года всѣхъ бесѣдъ было 17. Первыя бесѣды о. Кончевскій посвятилъ объясненію крестнаго знаменія и повседневныхъ молитвъ. Въ праздничные дни разсказывается исторія праздника; такъ, 14-го сентября была разсказана исторія праздника Воздвиженія Честнаго и Животворящаго креста, 1-го октября—исторія праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, 22-го октября исторія праздника иконы Казанской Божіей Матери, 21-го ноября—исторія праздника введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. Кромѣ того, разъяснена была разность литургіи и главнѣйшихъ догматовъ православной церкви отъ римско-католической и разсказаны важнѣйшія событія изъ священной исторіи ветхаго завѣта и нѣкоторыя изъ русской исторіи.

Такъ какъ эти бесѣды бываютъ послѣ обѣдни, поэтому каждая бесѣда всегда начинается объясненіемъ читаннаго въ тотъ день въ церкви Евангелія. От. Кончевскій говоритъ простымъ, доступнымъ для крестьянъ языкомъ. Въ пользѣ такого ученія крестьяне уже достаточно убѣдились и сами изыскиваютъ средства къ побужденію лѣнивыхъ аккуратно посѣщать школу. Въ школу собирается отъ 50 до 80 и до 100 слушателей. Отецъ Игнатій Кончевскій заявляетъ, что было бы весьма желательно, чтобы воскресныя школы открыты были при церквахъ повсемѣстно, какъ въ видахъ пользы для народа, такъ и потому, что въ такомъ случаѣ въ каждой мѣстности дѣло пошло бы успѣшнѣе, ибо къ каждому новому дѣлу, введенному не вездѣ, а въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ, хотя бы весьма полезному, народъ относится съ большимъ недовѣріемъ и много требуется усилій, чтобы освоить его съ новостію.

Ивашкевичская воскресная школа помѣщается въ домѣ народнаго училища, близь церкви. Въ приходѣ числится 1900 душъ об. п. Крестьяне весьма расположены и къ церкви и къ училищу, въ которомъ, во время осмотра онаго инспекторомъ Олонцевымъ, было на лицо 47 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ. Благодаря трудолюбію наставника и дѣятельности почтеннаго о. Игнатія Кончевскаго, успѣхи дѣтей весьма удовлетворительны.

Г. попечитель округа, вслѣдствіе представленія гродненскаго директора народныхъ училищъ, разрѣшилъ выдать наставнику лысковскаго народнаго училища свящ. о. Іоанну *Огіевичу* и священнику с. Ивашкевичи о. Игнатію *Кончевскому*, за полезную ихъ дѣятельность въ открытыхъ ими воскресныхъ школахъ для взрослыхъ, по 50 руб. каждому,

(Вил. Вѣст.).

О СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Обиліе среднихъ учебныхъ заведеній въ виленскомъ учебномъ округѣ, въ которыхъ воспитывались дѣти преимущественно мѣст-

ныхъ польскихъ дворянъ, въ сравненіи съ незначительнымъ числомъ гимназій во внутреннихъ губерніяхъ, имѣло, какъ удостовѣрилъ опытъ, не полезныя, а напротивъ того, вредныя послѣдствія. Вслѣдствіе извѣстныхъ правъ, предоставляемыхъ у насъ воспитанникамъ гимназій, администрація не только западныхъ, но отчасти и внутреннихъ губерній, а также университеты, наполнялись лицами польскаго происхожденія, вносившими всюду, разумѣется, то направленіе, которое было неминуемымъ слѣдствіемъ господства польскаго элемента въ мѣстномъ обществѣ и администраціи. Для болѣе нагляднаго удостовѣренія въ степени польскаго преобладанія представляемъ таблицу о числѣ учащихся по вѣроисповѣданіямъ къ 1-му января 1862 года въ 11-ти гимназіяхъ губерній: Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской.

Гимназіи.	Православн.	Римско-католич.	Лютер. и реформ.	Еврейскаго.	Магометанск.	Итого.
Виленская . .	53	519	14	11	8	605
Свенцянская . .	4	122	—	3	1	130
Гродненская . .	56	262	12	19	4	353
Бѣлостокская .	70	354	15	6	1	446
Минская . . .	111	456	16	23	9	624
Новогрудская .	29	274	1	2	16	322
Пинская . . .	60	148	4	4	—	216
Мозырская . .	41	132	—	1	—	174
Слуцкая . . .	56	291	51	4	3	405
Ковенская . .	24	216	21	28	5	294
Шавельская . .	15	518	8	8	1	550
Итого .	519	3.301	142	109	48	4.123

Ничтожность числа православныхъ воспитанниковъ, составлявшихъ тогда только 1/8 долю всѣхъ остальныхъ, и огромное преобладаніе римско-католиковъ, выражавшееся цифрою 4/5 всего числа воспитанниковъ, даетъ вѣрное представленіе о томъ, какое направленіе господствовало при такомъ составѣ учащихся; несоразмѣрно же великая цифра послѣднихъ, доходящая до 80 и до 90 учениковъ въ одномъ классѣ, какъ напр. въ гимназіяхъ виленской, минской, бѣлостокской и шавельской, достаточно объясняетъ, возможенъ ли былъ какой-нибудь педагогическій порядокъ при такомъ ненормальномъ переполненіи классовъ, когда преподаватель

едва разъ въ два мѣсяца могъ спросить гимназиста изъ пройденнаго, не говоря уже о возбужденномъ состояніи умовъ по случаю уже начинавшихся тогда извѣстныхъ революціонныхъ демонстрацій. Какое ничтожное значеніе имѣлъ при такихъ обстоятельствахъ не только воспитанникъ православный, но и отецъ его— русскій чиновникъ, приведемъ, въ доказательство тому, изъ множества примѣровъ, слѣдующій. Въ одной изъ упомянутыхъ гимназій, въ концѣ 1861 г., когда во многихъ мѣстностяхъ начались уже враждебныя демонстраціи, ученики римско-католическаго исповѣданія также не упускали случаевъ потѣшиться надъ горстью своихъ православныхъ товарищей. Такъ, въ 5 и 6 классахъ рисовали они на классныхъ доскахъ польскаго одноглаваго орла, который держитъ двуглаваго па цѣпи, обернутой вокругъ его шеи, или двуглаваго же орла—съ пасквильнымъ рисункомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ изображается св. Георгій; при этомъ происходили въ высшей степени неприличныя и оскорбительныя для русскихъ надписи на доскѣ, сопровождаемыя радостными кликами большинства и неистовыми насмѣшками его при этомъ случаѣ надъ учениками православными. Вскипѣло однажды патріотическое чувство русскихъ мальчиковъ, и въ числѣ четырехъ человѣкъ шестаго класса и трехъ пятаго они отправились съ жалобою къ директору гимназіи (римско-католику) и, объяснивъ ему, какія вещи происходятъ въ классахъ и какія преслѣдованія терпятъ они отъ своихъ товарищей, просили уволить ихъ изъ гимназіи. Директоръ на это не согласился, обѣщая разслѣдовать дѣло и прекратить преслѣдованія домашнимъ образомъ. Но, должно быть, оскорбленія были такъ невыносимы и увѣренность въ возможности новыхъ— такъ велика, что мальчики рѣшились обратиться съ своею жалобою къ посторонней власти и нѣкоторые самовольно оставили заведеніе. Не вдаваясь въ излишнія подробности хода этого дѣла, мы обратимъ вниманіе на самое интересное, то есть на рѣшеніе его педагогическимъ совѣтомъ гимназіи, большинство котораго, разумѣется, состояло тогда по преимуществу изъ *скихъ* и *вичей*— совѣта, искавшаго въ этой исторіи, вполнѣ уясненной дознаніемъ для каждаго непредубѣжденнаго, непремѣнно религіозной вражды, не нашедшаго ея и потому остановившагося на мысли о простой

личной враждѣ между мальчиками. На этомъ основаніи присуждено было жалобу русскихъ мальчиковъ признать неосновательною и наказать ихъ какъ можно строже, а польскимъ мальчикамъ сдѣлать легонькое внушеніе. Такъ, русскихъ положено исключить изъ гимназіи—одного съ дурнымъ поведеніемъ въ свидѣтельствѣ, а другаго — съ посредственнымъ, двумъ другимъ выдать свидѣтельства съ убавкою по единицѣ въ поведеніи и то въ такомъ только случаѣ, если они лично явятся въ гимназію за полученіемъ ихъ, и не принимая по этому предмету во вниманіе прошенія роднаго отца мальчика; пятому же присуждено непремѣнно явиться въ классъ, если же не послушается, то выдать ему свидѣтельство только съ *порядочнымъ* поведеніемъ за самовольное оставленіе классовъ и ослушаніе начальства. Мальчиковъ-поляковъ присуждено посадить въ карцеръ—одного на четыре дня, а другаго на два; четверымъ, которые, какъ сказано въ рѣшеніи, хотя дѣйствительно заслуживаютъ взысканія, но, по случаю прощенія ихъ русскими товарищами, опредѣлено сдѣлать только внушеніе, чтобы впередъ ничего подобнаго не было; такое же внушеніе сдѣлать и всему пятому и шестому классамъ.

И могло ли быть иначе при показанныхъ выше въ таблицѣ цифрахъ огромнаго преобладанія представителей польщизны. Несчастный отецъ исключеннаго съ свидѣтельствомъ за дурное поведеніе (маленькій чиновникъ съ семействомъ изъ восьмерыхъ дѣтей) умоляетъ о перемѣнѣ свидѣтельства его сына, бывшаго до того времени однимъ изъ лучшихъ учениковъ, и объ отмѣнѣ непомѣрно строгой кары за то, какъ онъ объясняетъ въ своемъ прошеніи, что старшій сынъ его исполнилъ священный долгъ вѣрноподданнической преданности престолу и отечеству. Дѣло это, къ счастію, оканчивается тѣмъ, что свидѣтельство перемѣняютъ, съ обозначеніемъ въ немъ поведенія не дурнаго, а добропорядочнаго и съ пропускомъ исключенія изъ гимназіи.

Можно себѣ представить, какъ благодѣтельно подѣйствовало педагогическое внушеніе на 5-й и 6-й классы гимназіи и съ какимъ азартомъ, въ видѣ какого-нибудь армейскаго юнкера, гоняясь исключенный молодой человѣкъ за своими же, можетъ быть,

товарищами, когда они вскорѣ затѣмъ поступили въ лѣсныя шайки мятежниковъ.

Послѣ усмиренія мятежа дѣло улучшенія гимназій въ педагогическомъ отношеніи и обрусѣніе ихъ пошло самымъ дѣятельнымъ образомъ. Классы перестали переполняться до невозможной цифры 70 или 80 воспитанниковъ, явилась возможность дѣйствительнаго надзора за ними, при ограниченной нормѣ 50 или 40 учениковъ на классъ сдѣлалось удобоисполнимымъ для преподавателей, болѣе строгое наблюденіе за успѣхами учащихся; наконецъ самое освѣженіе личныхъ составовъ, какъ въ средѣ учащихъ, такъ и учащихся, людьми русскими, внесло, такъ сказать, механически, новое направленіе, новый духъ въ стѣны ополяченныхъ учебныхъ заведеній. Слѣдующая таблица числа учащихся, по вѣроисповѣданіямъ, къ 1-му января 1867 года, сопоставленная съ предыдущею таблицею 1861 года, безъ словъ, но самымъ краснорѣчивымъ образомъ покажетъ, что мѣры, предпринятыя со времени послѣдняго мятежа, привели не только къ весьма значительному численному уменьшенію, а слѣдовательно и нравственному ослабленію польскаго элемента, но и къ чрезвычайно быстрому возрастанію числа воспитанниковъ православнаго исповѣданія. Если дѣло это пойдетъ и далѣе въ той же самой прогрессіи, то недалеко будетъ и то время, когда православно-русскій элементъ въ составѣ учащихся достигнетъ и численнаго преобладанія.

Гимназіи.	Православн.	Римско-католич.	Лютер. и реформ.	Еврейскаго.	Магометанск.	Итого.
Виленская . .	133	291	16	25	1	466
Свенцянская . .	3	11	—	—	—	14
Гродненская . .	80	85	7	10	6	188
Бѣлостокская .	50	77	9	21	2	159
Минская . . .	105	135	8	26	13	287
Новогрудская .	25	93	1	14	11	144
Пинская . . .	86	89	1	10	—	186
Мозырская . .	108	57	1	22	—	188
Слуцкая . . .	65	120	44	11	—	240
Ковенская . .	98	105	19	60	2	284
Шавельская . .	14	165	8	26	—	213
Итого .	767	1.228	114	225	35	2.369

Не считая гимназій Витебской и Могилевской губерній, въ которыхъ число православныхъ учениковъ всегда было значительно, оказывается изъ сравненія двухъ таблицъ, что въ продолженіе пяти лѣтъ, съ 1862 года по 1867, число православныхъ учениковъ въ 11-ти гимназіяхъ увеличилось почти на 50%, число же воспитанниковъ римско-католическаго исповѣданія уменьшилось слишкомъ въ 2½ раза, или—въ 1862 году изъ 8 учениковъ былъ только одинъ православный, а въ 1867 году изъ 3-хъ учениковъ одинъ православный. Вообще же число учениковъ въ 11-ти гимназіяхъ уменьшилось въ теченіе пятилѣтія на ⅜, или почти на половину, вслѣдствіе чего, какъ выше замѣчено, долженъ былъ подняться уровень развитія учащихся, какъ въ нравственномъ, такъ и въ учебномъ отношеніяхъ. Нельзя не обратить вниманія на увеличеніе, въ тотъ же періодъ времени, числа учениковъ евреевъ слишкомъ вдвое. Такой приливъ евреевъ въ среднія учебныя заведенія со времени принятія мѣръ къ обрусѣнію ихъ, мы считали бы явленіемъ вполнѣ утѣшительнымъ, если бы приливъ этотъ не произошелъ вслѣдствіе искусственнаго привлеченія еврейскихъ мальчиковъ въ гимназіи и уѣздныя училища. Мы говоримъ объ отпускѣ съ начала 1863 года по 12.000 рублей ежегодно для раздачи стипендій, размѣромъ отъ 25 до 60 рублей, евреямъ обучающимся въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ.

Такимъ образомъ, хотя во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ учебнаго округа, за исключеніемъ гимназій могилевской и мозырской, польскій элементъ въ составѣ учащихся имѣетъ еще численное надъ русскимъ преобладаніе, тѣмъ не менѣе можно сказать утвердительно, что съ принятіемъ въ гимназіи отличнѣйшихъ изъ учениковъ народныхъ школъ, при улучшенномъ матеріяльномъ положеніи православнаго духовенства, при возрастающемъ по немногу числѣ какъ русскихъ семейныхъ чиновниковъ, такъ и прибывающихъ въ край русскихъ землевладѣльцевъ, русскій элементъ въ непродолжительномъ времени несомнѣнно пріобрѣтетъ даже и численный перевѣсъ въ составѣ учащихся. Тогда гимназіи и прогимназіи учебнаго округа, доставляя мѣстному русскому обществу всѣ удобства для воспитанія дѣтей, а администраціи—достаточное число мѣстныхъ служилыхъ силъ, сдѣлаются со временемъ самы-

ми надежными орудіями для дѣйствительнаго упроченія въ краѣ русскаго господства и преобладанія. Само собою разумѣется, что учебныя заведенія нашихъ окраинъ, въ виду сосѣдства съ Польшею и образованными странами нѣмецкими, постоянно должны памятовать о высотѣ своего важнаго здѣсь призванія, чтобы съ успѣхомъ противодѣйствовать какъ польскому, такъ и иностранному вліяніямъ.

(Сѣв. Почтъ).

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВЕЙ И ПОЖЕРТВОВАНІЯ НА ОНЫЯ.

Высоко-литовскій благочинный отъ 15 іюня сего года донесъ, что новоустроенная изъ упраздненнаго ставскаго костела церковь имъ освящена въ 12 день сего іюня во имя преподобнаго Онуфрія. Такъ какъ церковь сія устроена заботливостію священника ставской церкви Александра Красковскаго и усердіемъ мѣстныхъ прихожанъ, пожертвовавшихъ для сего 690 руб., то благочинный вмѣстѣ испрашивалъ признательности епархіальнаго начальства потрудившимся въ дѣлѣ устройства церкви. Священнику ставской церкви Александру Красковскому и прихожанамъ за усердіе къ храму Божію и сдѣланныя пожертвованія преподано архипастырское благословеніе.

— Шерешевскій благочинный священникъ Михаилъ Токаревскій, рапортомъ отъ 30 іюня, донесъ консисторіи, что 14 іюня при многочисленномъ стеченіи народа освящена вѣжнянская Николаевская церковь, послѣ внутренняго устройства оной. При этомъ онъ присовокупилъ, что прихожане вѣжнянской Николаевской церкви, съ примѣрною ревностію, заботились объ устройствѣ своей церкви. Лѣтъ тому нѣсколько назадъ, они на собственныя средства покрыли церковь гонтами, сдѣлали новый куполъ и обшили стѣны досками, крышу и куполъ покрасили масляными красками. Въ настоящемъ году изъ доброхотныхъ складокъ сдѣлали новый досчатый полъ съ устройствомъ новой солеи, устроили новый очень приличный иконостасъ, иконы выписаны изъ Москвы, сдѣланы новый престолъ новый жертвенникъ съ

облаченіями. Все это устройство стоило 701 руб. 65 коп. кромѣ работниковъ отъ прихожанъ, могущихъ быть оцѣненными въ 100 руб. Живѣйшее участіе въ устройствѣ вѣжнянской церкви принималъ мѣстный священникъ Іосифъ Теодоровичъ, пожертвовавшій отъ себя 28 руб. деньгами и муки на 8 руб. Священнику и прихожанамъ вѣжнянской церкви за усердіе къ храму Божію и сдѣланныя пожертвованія преподано благословеніе его высокопреосвященства.

— Радошковскій благочинный священникъ Троянъ донесъ, что построенная въ деревнѣ Каменцѣ деревянная церковь освящена имъ благочиннымъ 29 іюня сего года, въ честь и память первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла. При семъ присовокупилъ, что церковь сія построена и украшена усердіемъ мѣстныхъ крестьянъ, которые, кромѣ строеваго лѣсу и рабочей силы, доставленныхъ ими безвозмездно на сей предметъ, собрали еще 97 руб. на необходимую церковную утварь. Крестьянамъ дер. Каменца за усердіе ихъ къ храму Божію и сдѣланныя ими пожертвованія объявлена признательность епархіальнаго начальства.

— Клещельскій благочинный донесъ, что операція постройки деревянной церкви въ дер. Курашевѣ чижевскаго прихода, клещельскаго благочинія совершенно окончена, и что на матеріалы къ постройкѣ сей церкви пожертвовано прихожанами 739 руб. и 9 коп. сереб.; и именно: главнѣйшее участіе въ семъ дѣлѣ принималъ казенный крестьянинъ д. Курашева Сильвестръ Василюкъ, который кромѣ того, что пожертвовалъ болѣе всѣхъ, именно 50 руб. наличными деньгами, но и постройку церкви произвелъ самъ (такъ какъ онъ же самъ и мастеръ) безвозмездно; второй сотрудникъ ему былъ тойже д. крестьянинъ Лука Прокопюкъ, который тоже пожертвовалъ 50 руб.; кромѣ сихъ двухъ, по засвидѣтельствованію мѣстнаго священника и прихожанъ, особенное усердіе въ семъ дѣлѣ оказалъ старшина той же дер. Прокопій Левонюкъ и братчики: Кирило Заброцкій, Іосифъ Артымуръ и Иванъ Максимюкъ. Освященіе чижевской церкви разрѣшено, а священнику и поименованнымъ прихожанамъ за усердіе къ церкви и сдѣланныя пожертвованія преподано благословеніе его высокопреосвященства.

— Священнику опольской церкви Іоанну Новицкому и прихожанамъ оной, за усердіе къ храму Божію и сдѣланныя ими пожертвованія 650 р. на устройство новаго иконостаса въ опольской церкви, объявлена признательность епархіальнаго начальства.

— Священникъ дубенской церкви (Гродн. уѣзда) Малевичъ донесъ, что ввѣренная ему дубенская каменная церковь послѣ капитальной починки ея въ 1859 г. требуетъ въ настоящее время безотлагательной починки, а именно: исправленія во многихъ мѣстахъ штукатурки вокругъ церкви и ограды, побѣлки стѣнъ, окраски крыши и куполовъ, исправленія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ желѣзной крыши, исправленія крылецъ фронтоваго. и боковыхъ фасадовъ; на исправленія таковыхъ поврежденій собрано отъ пожертвованій прихожанъ 1150 руб. сер.; на таковыя деньги онъ намѣренъ, въ настоящемъ году, приступить къ починкѣ. Починка дубенской церкви на собственныя средства прихожанъ разрѣшена, а имъ и мѣстному священнику дубенской церкви, за усердіе ихъ къ храму Божію, преподано архипастырское благословеніе его высокопреосвященства.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ.

Намѣстникъ виленскаго Свято-Духова монастыря архимандритъ Іоаннъ отъ 12 сего марта за № 82 донесъ литовской духовной консисторіи, что его высокопреосвященство, высокопреосвященнѣйшій Іосифъ, митрополитъ литовскій и виленскій, 10 сего марта пожертвовалъ тысячу рублей на предполагаемое въ этомъ году внутреннее обновленіе виленской Свято - Духовской монастырской церкви.

— Виленскаго Свято-Духова монастыря намѣстникъ архимандритъ Іоаннъ, рапортомъ отъ 8 іюня сего года за № 183 донесъ консисторіи, что въ церковь виленскаго Свято-Духова монастыря въ теченіи мѣсяца мая сего 1868 года пожертвованы: а) проживающею въ Псковѣ Капиталиною Макаровою 3 нитяныя рукодѣльныя пелены на св. Виленскихъ Мучениковъ, стоимостію всѣ 22 руб., б) женою священника Маріею Соботковскою, 9 аршинъ краснаго терно на катапетасьму къ иконостасу теплой церкви,

стоимостію 9 руб., и в) братствомъ виленскаго Свято-Духова монастыря 71 рубль деньгами на усиленіе средствъ внутренняго обновленія мѣстной церкви. Деньги полученныя отъ братства употреблены на позолоту иконостаса теплой церкви, а пелены и терно приняты для употребленія по назначенію.

— Виленскаго Свято-Духова монастыря намѣстникъ архимандритъ Іоаннъ отъ 2 мая 1868 года за № 142 донесъ литовской духовной консисторіи, что въ теченіи апрѣля мѣсяца 1868 года въ церковь виленскаго Свято-Духова монастыря пожертвованы: а) 13 числа прибывшею изъ Риги на поклонсніе св. Мученикамъ Прасковіею Ивановою Рубцевою 16 арш. канауса на катапетасьму цѣною 22 руб., б) тогоже числа Павломъ Яковлевымъ двѣ иконы съ изображеніимъ Спасителя и Божіей Матери, 4 вершковъ въ вышину и 3 вершковъ въ ширину, въ мѣдныхъ посеребренныхъ и позлащенныхъ окладахъ, стоимостію 3 руб., в) 29 числа неизвѣстно кѣмъ пожертвованъ овальный въ серебряномъ ковчежцѣ 84 пробы образокъ Божіей Матери Владимірской, вѣсомъ 1½ лота, стоимостію 3 руб.; г) тогоже числа жандармскимъ полковникомъ Жидковымъ, двѣ не большія иконы, св. первомученика Стефана и св. Георгія Побѣдоносца, писанныя на мѣдныхъ дощечкахъ по золоченому фону, стоимостію обѣ 2 рубля; д) 30 апрѣля коллежскимъ ассесоромъ Павломъ Ивановичемъ Чуфаровскимъ пожертвованъ образъ Божіей Матери утоленія злыхъ сердецъ, въ серебряной ризѣ, въ деревяной золоченной рамѣ и въ кіотѣ за стекломъ: на вѣнцахъ и окладѣ сего образа 14 камней изъ композиціи. Образъ съ кіотомъ въ 6½ вершковъ вышиною и въ 5 вершковъ шириною, стоимостію по словамъ жертвователя 50 рублей. Всѣ сіи пожертвованія въ опись церковную вписаны.

— Яновскій благочинный священникъ Георгій Шостаковскій отъ 7-го сего марта за № 52, донесъ литовской духовной консисторіи, что причитъ мотольской церкви рапортомъ отъ 30 декабря 1867 года за № 53, донесъ ему, что государственные крестьяне Мотольской волости 30-го мая того года, послѣ служенія благодарственнаго Господу Богу молебствія, за чудесное избавленіе Его Императорскаго Величества 25-го мая въ Парижѣ отъ руки злодѣя, положили собрать доброхотныя пожертвованія на

украшеніе кладбищенской Борисо-Глѣбской церкви, и въ тотъ ж день собрано 75 руб., въ послѣдствіи пожертвовано на тотъ ж предметъ крестьянами собственниками мотольскапо прихода деревень: Заезера и Дѣдовяль 36 руб; и бывшимъ волостнымъ писаремъ Кодратомъ Маличемъ 50 руб, сереб., на каковыя деньги съ добавленіемъ изъ церковной суммы 29 руб. устроена осенью прошлаго года на церкви и колокольни новая гонтовая крыша Упомянутымъ выше прихожанамъ и бывшему волостнымъ писаремъ Кодрату Маличу за ихъ пожертвованіе на украшеніе Борисо-Глѣбской мотольской церкви, простирающееся до 161 руб., преподано архипастырское благословеніе его высокопреосвященства о чемъ и дано знать указомъ яновскому благочинному.

— Брестскій благочинный протоіерей Соловьевичъ, рапортомъ отъ 7 мая сего 1868 года за № 225, донесъ консисторіи, что его преосвященство, брестскій епископъ и кавалеръ Игнатій, при предписаніи отъ 20 минувшаго апрѣля за № 245, препроводилъ къ нему въ особомъ ящикѣ икону Казанскія Божія Матери въ серебряномъ позлащенномъ окладѣ, Всемилостивѣйше пожалованную Государемъ Императоромъ въ чернавчицкую православную церковь, устроенную изъ закрытаго латинскаго костела, для передачи по принадлежности. Передача сей иконы совершена слѣдующимъ порядкомъ: благочинный Соловьевичъ прибылъ вмѣстѣ съ діакономъ 5-го мая въ 4 часу утра съ иконою къ заставѣ м. Чернавчицъ, здѣсь Царская икопа была встрѣчена мѣстнымъ духовенствомъ крестнымъ ходомъ съ хоругвями и св. иконами, при стеченіи многочисленнаго, болѣе 2000 народа, разныхъ исповѣданій, при пѣніи хора сельскихъ пѣвчихъ, съ радостію и любовію. Соединившись съ духовенствомъ въ крестномъ ходѣ, и передавъ св. икону для несенія военному начальнику и мировому посреднику, торжественное шествіе сопровождалось до самой церкви колокольнымъ въ обѣихъ церквахъ звономъ и стройнымъ пѣніемъ. Осѣнивъ присутствовавшихъ въ храмѣ даромъ и благословеніемъ православнаго Монарха, икона возложена была на особый аналогій и по чиноположенію освящена. За тѣмъ, когда духовенство и народъ съ колѣнопреклоненіемъ прикладывались къ иконѣ Казанской Божіей Матери, настоятелемъ мѣстной церкви, о. Стефа-

номъ Пашкевичемъ, было произнесено приличное торжеству, весьма назидательное слово. По окончаніи божественной Литургіи и крестнаго вокругъ церкви хода съ иконою, было соборнѣ совершено благодарственное Господу Богу съ колѣнопреклоненіемъ молебствіе о здравіи Государя Императора и провозглашено Его Императорскому Величеству и всему Августѣйшему Дому многолѣтіе при колокольномъ звонѣ и ружейныхъ выстрѣлахъ. Наконецъ торжество это, по усердному прошенію прихожанъ, заключено крестнымъ ходомъ по всему мѣстечку, принятымъ ими съ благоговѣйною радостію и упованіемъ, что съ покровомъ Богоматери распространится, укрѣпится и процвѣтетъ въ странѣ здѣшней, чистѣйшее и святѣйшее православіе. По окончаніи богослуженія, бывшіе въ парадѣ казаки, были приглашены военнымъ начальникомъ къ приготовленной закускѣ, и, при первомъ возглашеніи тоста за здравіе Государя Императора, громкое «ура» огласило воздухъ, — а настоятель мѣстной церкви о. Стефанъ Пашкевичъ угостилъ ихъ особо сытнымъ обѣдомъ и чаемъ.

— Брестскій благочинный, протоіерей Соловьевичъ, отъ 1 іюня сего года за № 256, донесъ его высокопреосвященству, что прошлаго 1867 г. священникъ вистицкой церкви Іаковъ Кульчицкій приглашалъ прихожанъ своихъ въ церковь для слушанія Божественной Литургіи и благодарственнаго Господу Богу молебствія за спасеніе драгоцѣнной жизни Государя Императора Александра Николаевича 25 мая отъ покушенія въ Парижѣ, и по окончаніи службы убѣждалъ ихъ приличнымъ случаю словомъ, пріобрѣсти въ церковь, въ память вѣчной за сіе событіе Господу Богу благодарности, нѣкоторыя необходимыя церковныя вещи, на покупку которыхъ. пожертвовавъ 10 руб., приглашалъ къ тому и прихожанъ. Приглашеніе это и убѣдительныя внушенія священника, приняты прихожанами съ восторгомъ и благоговѣніемъ, такъ что въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ собрано было на сей предметъ значительное количество денегъ, на которыя въ текущемъ году пріобрѣтены слѣдующія церковныя вещи: Напрестольное Евангеліе въ листъ, обложенное серебряными 84-й пробы досками, съ финифтевыми изображеніями и отличными стразовыми украшеніями за 100 руб.; за 45 руб. серебряная 84-й пробы кадильница;

икона Рождества Христова на жертвенникъ, двѣ иконы Воскресенія и Вознесенія Господня къ запрестольному кіоту, огромнаго размѣра въ позлащенныхъ рамахъ, и икона Тайной Вечери къ иконостасу, украшенная раззолоченною рѣзьбою, за 200 р. Сверхъ сего малолѣтнія дѣти прихожанъ, подражая своимъ родителямъ, сложили особо отъ себя 40 руб., на которые, по ихъ желанію, куплена парчевая съ приборомъ риза. Наконецъ въ довершеніе сей складки, священникъ вершховѣцкой церкви Іустинъ Кульчицкій, въ память 25-тилѣтняго служенія при вистицкой церкви, пожертвовалъ также на покупку парчевой ризы 35 руб. Такимъ образомъ въ текущемъ 1868 году поступило въ пользу вистицкой церкви всѣхъ вещей на 442 руб. сер., считая въ томъ числѣ и остальные отъ складки 12 руб., на которые куплены еще двѣ иконы въ серебряныхъ окладахъ. Доводя до свѣдѣнія его высокопреосвященства о таковомъ богоугодномъ поступкѣ вистицкихъ прихожанъ, ходатайствовалъ брестскій благочинный протоіерей Соловьевичъ о преподаніи имъ и священнику сей церкви Кульчицкому архипастырскаго его высокопреосвященства благословенія. На семъ рапортѣ резолюція его высокопреосвященства отъ 6 іюня 1868 года за № 722, дана такая: «Благословляю за доброе дѣло вистицкихъ прихожанъ и ихъ усерднаго предстоятеля, священника Іакова Кульчицкаго, и предлагаю консисторіи о семъ имъ объявить.

— Вилкомирскій благочинный, протоіерей Приневскій, отъ 13-го апрѣля сего года за № 124, донесъ литовской духовной консисторіи, что вилкомирское православное кладбище, существующее съ 1842 года, не будучи до настоящаго времени, по недостатку средствъ, приведено въ надлежащее устройство и не имѣя даже ограды, представляетъ въ этомъ отношеніи печальную противоположность здѣшнимъ католическому и еврейскому кладбищамъ. Командиръ 28-й артиллерійской бригады, генералъ-маіоръ Петръ Петровичъ Лемтюжниковъ, движимый ревностію къ св. церкви, видя съ прискорбіемъ, что мѣсто вѣчнаго упокоенія православныхъ христіанъ находится въ такомъ запустѣніи и попирается ногами бродящихъ животныхъ, сыскалъ, при помощи Божіей, средства не только для сдѣланія ограды вокругъ кладбища, но и

для сооруженія на немъ деревянной церкви вмѣсительностью на 50 человѣкъ. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія его преосвященства, и представляя проэктъ означенной церкви, испрашиваетъ архипастырскаго благословенія и разрѣшенія генералу Лентюжникову на возведеніе по сему проэкту церкви на вилкомирскомъ кладбищѣ и на обнесеніе оной оградою. На семъ донесеніи резолюція его преосвященства Александра, епископа ковенскаго, отъ 19 апрѣля 1868 года за № 193, таковая: «Согласенъ на постройку кладбищенской церкви въ городѣ Вилкомирѣ. При семъ препровождается въ консисторію планъ церкви на постановленіе и распоряженіе на законномъ основаніи.

— Настоятель виленской свято-Николаевской церкви протоіерей Петръ Левицкій сообщилъ въ редакцію Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, что въ виленскую Николаевскую церковь разновременно поступили слѣдующія пожертвованія: а) отъ графини Пелагеи Васильевны Муравьевой *Евангеліе* въ 4-ть листа, въ малиновомъ бархатѣ, обложенное серебромъ. На верхней его доскѣ находится посрединѣ икона Спасителя 1), на серебрѣ, съ вѣнцомъ украшеннымъ мѣлкими алмазиками, а по угламъ четыре серебряныя иконы св. Евангелистовъ; б) отъ тайнаго совѣтника Степана Ѳеодовича Панютина и его семейства *серебряная кадильница*; в) отъ полковника Василія Ивановича Павлова *храмовая икона Св. Николая* на золотомъ фонѣ, писанная на деревѣ; г) отъ коллежскаго совѣтника Николая Абрамовича Зубкова *воздухъ и покровцы* изъ серебрянаго глазета; д) отъ полковника Бартоломея и его семейства воздухъ и покровцы, а также пелена на аналой изъ голубаго бархата, шитые гарусомъ и е) отъ Анны Ивановны Яковлевой, урожденной баронессы Миллеръ-Закомельской, небольшая икона Божіей Матери въ серебряномъ окладѣ; и 2., въ приписную къ Николаевской Пятницкую церковь отъ дѣйств. статс. совѣтн. Ивана Якимовича Никотина воздухъ и покровцы изъ серебрянаго глазета, шитые золотомъ и пелью. Цѣнность всѣхъ этихъ пожертвованій не показана. Приблизительно можно оцѣнить всѣ эти жертвы свыше 350 рублей.

— Бездѣжскій благочинный, священникъ Іоаннъ Кадлубовскій, отъ 4 августа за № 160, донесъ литовской духовной консисто-

ріи, что вновь устроенный иконостасъ въ хомской церкви освященъ имъ соборнѣ 14 іюля сего 1868 года, при собраніи народа не только изъ хомскаго, но и изъ другихъ сосѣднихъ приходовъ. При семъ, послѣ обычныхъ молитвословій, произнесено было мѣстнымъ священникомъ приличное настоящему случаю поученіе. Хотя прежній иконостасъ въ сей церкви былъ довольно приличный, но не соотвѣтствовалъ величественному каменному зданію, отличающемуся своею архитектурою и имѣющему круглый видъ; почему священникъ Стефанъ Моложавый, побуждаемый ревностію и усердіемъ къ благолѣпію храма Божія, заслуживающимъ благоуваженія епархіальнаго ничальства, склонилъ прихожанъ къ пожертвованіямъ и устроилъ красивый иконосталъ въ четыре яруса, иконы къ оному выписаны извѣстнаго московскаго художника живописца Титова. По устройству сказанной церкви, работы были произведены слѣдующія: устроенъ иконостасъ, сдѣланъ новый полъ въ алтарной части и покрашенъ; выбѣлена церковь внутри, изъ притвора открытъ другой боковой входъ въ церковь и починены два крыльца, на что израсходовано 1,303 р. 75 к.; сверхъ того главный управляющій помѣщиковъ Пусловскихъ пожертвовалъ двадцать корней сосноваго дерева и пять дубовъ. Кромѣ означенной суммы прихожане хомской церкви пожертвовали еще въ память событія 4 апрѣля 1866 года 38 руб. на седмисвѣщчникъ, и ученики хомскаго народнаго училища на тотъ же предметъ пять р. 10 к., къ этимъ деньгамъ прибавлено изъ суммъ приходскаго попечительства 31 руб, 90 коп.; на собранные такимъ образомъ 75 р. пріобрѣтенъ седмисвѣщчникъ. По засвидѣтельствованію мѣстнаго священника изъ членовъ попечительства болѣе другихъ содѣйствовалъ устройству церкви крестьянинъ м. Хомска Андрей Понеля. Священнику хомской церкви Стефану Моложавому, прихожанамъ той церкви и другимъ жертвователямъ за усердіе къ храму Божію и сдѣланныя пожертвованія преподано благословеніе его высокопреосвященства и изъявлена признательность епархіальнаго начальства.

— Волковыскій благочинный, священникъ Касперовичъ, отъ 6 сего августа за № 266 донесъ, литовской духовной консисторіи, что въ истекшемъ маѣ мѣсяцѣ присланъ на его имя изъ С.-Петербурга

1-й гильдіи купцомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Василіемъ Громовымъ 5% билетъ государственнаго банка въ 500 руб. сер. на постройку въ г. Волковыскѣ новой каменной церкви. О чемъ донося литовской духовной консисторіи, проситъ не оставить столь великаго жертвователя волковыской церкви безъ признательности. Жертвователю 1-й гильдіи купцу, дѣйствительному статскому совѣтнику Василію Громову за его усердіе къ храму Божію преподано благословеніе его высокопреосвященства и изъявлена признательность епархіальнаго начальства.

— Намѣстникъ виленскаго свято - Духова монастыря архимандритъ Іоаннъ, отъ 27 іюля за № 224, донесъ литовской духовной консисторіи, что на обновленіе внутренняго благолѣпія монастырской свято - Духовской церкви, кромѣ 1,000 рублей, пожертвованныхъ его высокопреосвященствомъ митрополитомъ литовскимъ и виленскимъ, еще поступило пожертвованій: отъ іеромонаха Моисея билетами 300 руб. (по курсу 250 руб.); изъ мѣстной церковной суммы 495 руб. и отъ виленскаго свято-духовскаго братства 71 р., всего 1,821 руб. сереб. Управленіе монастыря, по совѣту виленскаго губернскаго архитектора Чагина, распорядилось пожертвованною суммою такимъ образомъ: договорило: а) виленскаго еврея Файвиса Гордона на покраску всей внутренности церковной за 1,200 руб. и б) виленскаго гражданина Николая Еисмунда на покраску иконостаса и исправленіе имѣющейся наономъ позолоты за 550 руб. Гордонъ своими рабочими и своимъ матеріаломъ оскребалъ, перетеръ, побѣлилъ и покрасилъ клеевою краскою въ четыре колера всю внутренность, какъ теплой, такъ и холодной церкви съ имѣющеюся при оной папертью, а масляною краскою всѣ двери и окна, крыльцо, горнее мѣсто за престоломъ и всѣ панели церковныя, побѣлилъ фронтъ церковный и перемостилъ каменный полъ въ паперти, употребивъ на оный, въ замѣнъ бывшихъ кирпичныхъ плитокъ, мраморныя, которыя въ количествѣ 200 штукъ пожертвованы для сей цѣли архитекторомъ Чагинымъ. Другой подрядчикъ Николай Еисмундъ очистилъ, обшилъ и покрасилъ иконостасы въ холодной и теплой церкви, мѣстами исправилъ, а мѣстами вновь позолотилъ всецѣло царскія двери и раму у запрестольнаго образа Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, покрасилъ подъ мраморъ, примѣнительно къ цвѣту фальшмраморныхъ колоннъ, всѣ имѣющіяся въ основаніи оныхъ тумбы, покрылъ лакомъ всѣ образа и фальшмраморныя колонны, и покрасилъ ма-

сляною краскою клиросы, баррьеру и желѣзную дверь у входа въ пещерную церковь. Иконостасъ въ теплой церкви Ейсмундъ позолотилъ за 71 руб., пожертвованные братствомъ. Донося объ этомъ, архимандритъ Іоаннъ присовокупилъ, что всѣ поименованныя работы отъ начала до конца производились подъ руководствомъ архитектора Чагина, который, несмотря на необыкновенное усердіе, являемое имъ постоянно въ семъ дѣлѣ, пожертвовалъ мраморную плиту и трудился безмездно. Съ благословенія его высокопреосвященства обновленная Св. Духовская монастырская церковь освящена въ августѣ мѣсяцѣ по чиноположенію; а виленскому губернскому архитектору Чагину, за его усердіе къ храму Божію и сдѣланное пожертвованіе въ пользу сей церкви, преподано архипастырское благословеніе.

— Клещельскій благочинный отъ 21 декабря 1867 г. за № 419, донося литовской духовной консисторіи объ освященіи новоберезской Александро-Невской часовни, свидѣтельствуетъ объ особенной ревности къ храму Божію прихожанъ новоберезской церкви и проситъ о награжденіи двоихъ изъ нихъ, именно: церковнаго старосты новоберезской церкви Якова Тарасевича и старшины б. церковнаго совѣта Алексѣя Эліашука. Вслѣдствіе ходатайства благочиннаго, прихожанамъ новоберезской церкви, за ихъ усердіе къ храму Божію, объявлена признательность епархіальнаго начальства, а церковному старостѣ Якову Тарасевичу и старшинѣ б. церковнаго совѣта Алексѣю Эліашуку преподано архипастырское благословеніе съ выдачею имъ похвальныхъ листовъ.

— Высоко-Литовскій благочинный отъ 31 января сего 1868 г. № 46, донесъ литовской духовной консисторіи, что прихожане кринецкой церкви, по засвидѣтельствованіи мѣстнаго священника Абрамовича, въ прошедшемъ 1867 году, въ память чудеснаго избавленія Его Величества отъ преступнаго покушенія на Его жизнь въ Парижѣ, принесли посильныя жертвы, 1-я) въ кринецкую церковь: прихожанинъ деревни Новоселокъ Ѳедоръ Маевскій купилъ напрестольный крестъ въ 7 руб. и паникадило въ 18 р.; женщины, прихожанки тойже церкви, пожертвовали на покупку двухъ хоругвей изъ краснаго сукна 25 руб.; прихожане тойже церкви пожертвовали бархатную ризу со всѣмъ приборомъ, лампаду и подсвѣщчникъ на сумму 28 р. на побѣлку внутри церкви и украшеніе кіотовъ, а всего 125 руб.; 2-я) въ приписную пани-

ковскую церковь прихожане с. Паниковъ купили: крестъ выносный въ 14 руб., паникадило въ 20 руб., крестьяне Данило и Григорій Демидзюки двѣ хоругви въ 17 руб., Юліанъ Явтулинъ одну хоругвь въ 8 руб. , Станиславъ Киселюкъ — крестъ напрестольный въ 5 руб., Михаилъ Карпуцинюкъ два подсвѣщчника въ 5 руб. пожертвована свѣтлая риза со всѣмъ приборомъ стоимостію 30 р., а всего въ паниковскую церковь пожертвовано на 62 руб. Жертвователямъ — прихожанамъ кринецкой церкви за ихъ ревность ко храму Божію, обнаруженную ихъ пожертвованіями, въ криницкую и приписную къ ней панисковскую церковь изъявлена благодарность епархіальнаго начальства.

— Тотъ же благочинный отъ 20-го апрѣля за № 108, донесъ Литовской духовной консисторіи о пожертвованіяхъ, поступившихъ въ 1865, 1866 и 1867 годахъ въ рогачскую церковь отъ мѣстнаго священника и прихожанъ оной,—всего на сумму 157 руб. 50 коп. а именно: риза шелковая со всѣмъ приборомъ, цѣною въ 30 руб., 2 подсвѣщчника напрестольные въ 9 руб. 50 коп., 2 хоругви цѣною 27 руб. 50 к., кадильница въ 2 руб., Евангеліе въ бархатномъ переплетѣ цѣною 6 руб., ручный крестъ для благословенія цѣною 9 р., 6 фунтовъ свѣчь на престолъ бѣлаго воску цѣною 6 руб., напрестольный стоячій крестъ, цѣною 7 р. 50 коп., парчевая риза безъ прибора цѣною 25 руб., плащаница 19 руб., выносный крестъ и коверъ 5 р. сер. Священнику рогачской церкви Василію Харлампцовичу и прихожанамъ, за усердіе къ храму Божію и сдѣланныя пожертвованія объявлена благодарность епархіальнаго начальства.

— Волковыскій благочинный, священникъ Мартинъ Касперовичъ, отъ 8-го сего февраля за № 81, донесъ литовской духовной консисторіи, что въ 1867 году въ бережскую церковь, приписную къ зельвянской, неизвѣстнымъ лицомъ пожертвована риза съ полнымъ къ ней приборомъ, цѣною примѣрно 40 р. Въ зельвянскую же церковь, по донесенію мѣстнаго священника Куцевича, тоже неизвѣстнымъ (по засвидѣтельствованію благочиннаго, самимъ Куцевичемъ) пожертвованы серебряная вызолоченная дарохранительница цѣною 100 руб. и напрестольный мѣдный вызолоченный крестъ, цѣною 20 руб.; кромѣ того разными лицами изъ прихожанъ зельвянской церкви пожертвовано для украшенія церкви 112 руб. 14 коп. Приказали: и его высокопреосвященство Іосифъ

митрополитъ литовскій и виленскій утвердилъ: священнику зельвянской церкви Августу Куцевичу и прихожанамъ оной, жертвовавшимъ въ пользу бережской церкви приписной къ зельвянской, преподать благословеніе его высокопреосвященства, кромѣ того священника Куцевича имѣть въ виду при представленіи къ наградамъ.

— Ново-Александровскій благочинный, священникъ Ковалевскій, отъ 22 февраля сего года за № 74, представилъ литовской духовной консисторіи вѣдомость о пожертвованіяхъ, поступившихъ въ видзскую церковь, въ теченіи 1867 года. Изъ вѣдомости этой видно, что 1) причтомъ и прихожанами купленъ колоколъ, вѣсомъ въ 3 пуда и 7 фунтовъ, стоющій съ пересылкою 69 руб. серебр., 2) отъ титулярной совѣтницы Екатерины Матѳеевой поступило три иконы въ позолоченныхъ рамахъ, за стекломъ, стоющія не менѣе ста рублей, 3) отъ коллежской совѣтницы Маріи Михайловой полное священническое и діаконское облаченія, стоющія не менѣе ста пятидесяти руб. сер., 4) отъ мироваго посредника Ново-Александровскаго уѣзда, Вердеревскаго колоколъ въ 20 фунтовъ, цѣною 15 руб. сер. и 5) отъ него же деньгами 25 р. сер. на престольную одежду; такимъ образомъ въ видзскую церковь поступило пожертвованій въ теченіи 1867 года на 359 р. сер. Донося о семъ литовской духовной консисторіи, съ просьбою о напечатаніи о сихъ пожертвованіяхъ въ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, благочинный присовокупляетъ, что въ склоненіи прихожанъ и другихъ упомянутыхъ выше лицъ къ сдѣланію пожертвованій принималъ дѣятельное участіе мѣстный священникъ Павелъ Росляковъ, постоянно заботящійся о поддержаніи и украшеніи ввѣренной ему видзской церкви. Упомянутымъ выше лицамъ за ихъ пожертвованія въ пользу видзской церкви простирающіяся до 359 руб. сер. и священнику Павлу Рослякову за его заботливость о благолѣпіи ввѣренной ему церкви преподано архипастырское благословеніе.

— Бѣльскій благочинный, протоіерей Маркевичъ, отъ 24 января сего года за № 21, рапортомъ донесъ его высокопреосвященству о пожертвованіи мѣщаниномъ г. Бѣльска Трофимомъ Ивановымъ Антиховичемъ въ старый Николаевскій соборъ мѣдной посеребренной ризы на икону святителя Николая, стоющей сто руб. На семъ рапортѣ резолюція его высокопреосвященства Іосифа митрополита литовскаго и виленскаго, отъ 29 января за № 129, послѣ

довала такая: „Богъ да благословитъ добраго жертвователя! Консисторія объявитъ ему это благословеніе по принадлежности,“ каковое и объявлено Трофиму Антиховичу чрезъ бѣльскаго благочиннаго.

— Воложинскій благочинный, священникъ Адамовичъ, отъ 2 января сего года за № 6, представилъ литовской духовной консисторіи рапортъ священника Николаевской Покровской церкви, о пожертвовуніи въ сію церковь прихожанами ея крестьянами Яковомъ и Гавриломъ Шиторями двухъ иконъ стоимостію 30 рублей сереб., одна икона Благовѣщенія пресвятыя Богородицы, съ ризою позолоченною въ вызолоченномъ съ рѣзьбою кіотѣ, величиною вершковъ двадцать, шириною десять, стоимостію 20 руб. сереб., пожертвована прихожниномъ Яковомъ Шиторою; другая икона Спасителя, въ ризѣ серебряной, тоже въ такомъ кіотѣ, величиною вершковъ десять, шириною шесть, стоимостію 10 руб сереб., братомъ его Гавріиломъ Шиторою. Иконы сіи освящены на второй день Рождества Христова, при общемъ собраніи народа, и поставлены на обычныхъ мѣстахъ. Жертвователямъ прихожанамъ Николаевской Покровской церкви, за ихъ ревность къ храму Божію, обнаруженную ихъ пожертвованіями въ Николаевскую церковь, объявлена благодарность епархіальнаго начальства.

— Мядзіольскій благочинный, священникъ Бывалькевичъ, отъ 12 минувшаго апрѣля за № 163, донесъ литовской духовнои консисторіи: 1) прихожане жоснянской церкви, по случаю освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости въ 1861 году, составили приговоръ купить въ мѣстную церковь напрестольный крестъ въ память 4 апрѣля, каковой они и пріобрѣли накладнаго серебра позолоченный, цѣною въ 3 руб. сереб.; 2) прихожане старо-мядзіольской церкви пожертвовали въ семъ же мѣсяцѣ въ мѣстную церковь: а) образъ 12 праздниковъ, писаный на доскѣ, цѣною въ 14 руб., б) подризникъ бѣлаго газета въ 10 руб. и в) напрестольный крестъ накладнаго серебра съ финифтяными изображеніями, украшенными стекляными камнями, стоимостію 10 руб.; церковный же староста Николай Хвалько пожертвовалъ въ старо-мядзіольскую церковь 2 полуфунтовыя восковыя свѣчи на 90 коп. Жертвователямъ объявлена благодарность епархіальнаго начальства.

— Троскій благочинный Пѣнькевичъ, отъ 6 мая 1868 года

за № 213, донесъ литовскій духовной консисторіи, что четвертое число истекшаго апрѣля,—ознаменованное толикою милостію Божіею надъ вѣрноподданнѣйшею Россіею, праздновалось приходомъ кронской церкви ввѣреннаго ему благочинія особымъ торжественно-умилительнымъ образомъ. Причиною таковаго празднества послужило усердіе нѣкоторыхъ лицъ, въ особенности старшаго помощника надзерателя акцизныхъ соборовъ, завѣдывающаго вмѣстѣ и пограничною корчемною стражею, еврея Меера Давидовича Браславскаго, пожелавшаго ознаменовать столь важный день богоугоднымъ дѣломъ и (что всего замѣчательнѣе) открыто быть участникомъ въ благодарственныхъ молитвахъ православной церкви. Давно задумавъ праздновать день сей съ подобающею торжественностію и тѣмъ напечатлѣть въ намяти грядущихъ поколѣній мѣстныхъ прихожанъ чудодѣйственную силу Божію, видимо охраняющую помазанныхъ своихъ отъ всѣхъ навѣтовъ вражіихъ, онъ на пожертвованія свои собственныя и нижнихъ чиновъ ввѣренной ему стражи, пріобрѣлъ къ оному дню для кронской церкви серебряный образъ св. Благовѣрнаго Вел. Князя Александра Невскаго въ красивомъ кіотѣ, съ серебряною лампадкой и свѣчей. По просьбѣ его (и въ его же квартирѣ) въ м. Еарсунишкахъ, утромъ 4-го апрѣля образъ былъ освященъ кронской церкви священникомъ Соловьевымъ; послѣ чего началось шествіе съ образомъ къ церкви въ сопровожденіи самаго Браславскаго, нижнихъ чиновъ стражи, множества католиковъ и евреевъ. Между тѣмъ причтъ, оставивъ шествіе на третьей верстѣ, поспѣшилъ въ м. Кроны, возлѣ церкви ожидали уже мировой посредникъ 3-го участка, судебный слѣдователь, становой приставъ, всѣ прихожане и очень много изъ другихъ вѣроисповѣданій. Весь народъ, сопровождая крестный ходъ, отправился для встрѣчи образа, который и внесенъ былъ въ церковь г. Браславскимъ съ двумя старшими объѣздчиками стражи. Вслѣдъ за симъ совершена была Литургія и сказано приличное случаю слово мѣстнымъ священникомъ и отслужено благодарственное Господу Богу молебствіе за сохраненіе драгоцѣнной жизни Государя Императора съ провозглашеніемъ обычнаго многолѣтія. Послѣ сего все собраніе въ училищномъ домѣ было угощаемо г. Браславскимъ закускою съ провозглашеніемъ тостовъ за здравіе Государя Императора, духовныхъ и гражданскихъ властей и ху-

дожника Сазикова, добросовѣстно исполнившиго образа, стоющіе вмѣстѣ съ лампадкою 164 рубля сереб. Доброе дѣло не осталось безъ добрыхъ послѣдствій. Г. посредникъ 3-го участка Николай Красовскій во время закуски заявилъ съ своею женою желаніе пожертвовать въ оную же церковь образъ Спасителя въ серебряно-вызолоченной ризѣ, стоимостію въ 40 р., и на другой же день предъ Литургіею образъ внесенъ былъ въ церковь самими жертвователями, при значительномъ собраніи прихожанъ и другихъ лицъ. Между тѣмъ усердіе старшаго помощника надзирателя Браславскаго не ограничилось одною этою жертвою для кронской церкви. Восьмаато апрѣля онъ заявилъ мѣстному священнику о своемъ желаніи по мѣрѣ силъ дѣйствовать на пользу церкви, и тогда же принялъ на себя обязанность нанять къ церкви, при содѣйствіи стражи, сторожа постояннаго, въ теченіи года для ночнаго караула; къ тому же поступающихъ къ нему на службу въ стражники иновѣрцевъ онъ убѣждаетъ присоединяться къ православію и эти убѣжденія почти всегда вѣнчаются добрымъ успѣхомъ. Донося о семъ епархіальному начальству благочинный свидѣтельствуетъ, что таковое усердіе г. Браславскаго, хотя не христіанина, но, какъ полагаетъ, болѣе или менѣе проникнутаго чувствованіями и убѣжденіями христіанскими, а также и ввѣренной ему пограничной стражи, заслуживаетъ поощренія. Опредѣлили и его преосвященство Александръ, епископъ ковенскій, утвердилъ: „о сдѣланныхъ надзирателемъ акцизныхъ сборовъ Браславскимъ и мировымъ посредникомъ Николаемъ Крассовскимъ въ кронскую церковь пожертвованіяхъ, а. равно и о томъ, что первый изъ нихъ взялъ на себя обязанность, при содѣйствіи мѣстной акцизной стражи, нанять на цѣлый годъ сторожа къ церкви, занести свѣдѣніе въ списокъ вѣдомостей, годично представляемыхъ Св. Синоду и объявить въ общее извѣстіе посредствомъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, и независимо отъ того предписать указомъ благочинному сдѣлать зависящее распоряженіе о внесеніи сего пожертвованія въ церковную опись“

— Свенцянскій благочинный Огіевичъ, отъ 24 мая сего года за № 270, донесъ литовской духовной консисторіи, что прихожанами сосновской церкви, ввѣренной его благочинію, сдѣланы въ настоящемъ году слѣдующія пожертвованія: 1) членами приходскаго попечительства пожертвованы два трисвѣщника на престолъ, стоимостію 10 руб., лампада для свѣчей, накладнаго се-

ребра въ 4 руб., два деревянные выносные креста съ изображеніемъ расиятія, цѣною въ 5 рублей; кромѣ того, ими же обѣщаны деньги на отдѣлку иконостаса подъ мраморъ, и 2) крестьянами: Иваномъ Цѣлякомъ напрестольный крестъ цѣною 2 руб., Викентіемъ Рыбкою въ настоящемъ году на праздникъ Пасхи доставлены свѣчи для освѣщенія съ обѣщаніемъ и на будуще время доставлять ежегодно, самимъ же священникомъ пожертвованъ крестъ для требоисправленій, стимостію 3 р., комодъ съ тремя ящиками и внутренними замками и сундукъ для храненія церковныхъ вещей, стоимостію 10 руб. Жертвователямъ за ихъ усердіе къ храму Божію преподано архипастырское, его высокопреосвященства, благословеніе.

(*Лит. Еп. Вѣд.*)

ТОРЖЕСТВО ВЪ СЛОНИМѢ.

10-го числа іюля мѣсяца, минувшаго 1867 и настоящаго 1868 г., въ день препод. Антонія Печерскаго, совершено было въ приписной къ слонимскому собору Св.-Троицкой церкви торжественное богослуженіе. Причиною торжества было одно весьма важное и не безъинтересное обстоятельство, о которомъ нелишне будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Въ б. слонимскомъ бернардинскомъ костелѣ, довольно съ давнихъ временъ, былъ поставленъ бернардинскими монахами въ правомъ кіотѣ,—не въ дальнемъ разстояніи отъ алтарной части храма,—образъ Антонія Падуанскаго (¹). Въ прежнее время, до закрытія сего костела въ 1864 г., съ разныхъ сторонъ стекался сюда народъ не только римско-католическаго, но и православнаго исповѣданія, въ день 13 іюня для празднованія памяти сего святого: монахи, пользуясь въ подобныхъ случаяхъ многочисленнымъ собраніемъ православныхъ, весьма ловко и удобно дѣйствовали на ихъ совращеніе. Такимъ образомъ не мало здѣшняго народа, особенно городскихъ мѣщанъ, было увлечено ихъ ловкой пропагандой и совращено въ римское-католичество. Конечно, православные первоначально об-

---

1) Мѣсто рожденія сего р. католическаго святого—г. Падуа—въ Италіи. По мѣсту рожденія онъ называется Падуанскимъ.

ращались къ сему костелу не изъ сочувствія къ римско-католичеству, котораго они вовсе не понимали; не привлекали ихъ сюда исключительно и одни органы, которые довольно пріятно дѣйствовали на ихъ ухо, не заманивала ихъ пышная обстановка, доходящая до театральности въ богослуженіи: нѣтъ, здѣсь была причина гораздо проще. Народъ приходилъ сюда молиться чтимому имъ св. Антонію, образъ коего находился здѣсь нѣкогда, во время существованія еще на семъ мѣстѣ первой Св. Троицкой православной церкви: вотъ что сюда тянуло его! Наши православные поселяне, по неразвитости, не входили въ тонкости, для ихъ разума недоступныя, и не разбирали, къ какой церкви принадлежитъ тотъ или другой святой. Закрѣпленные въ старыхъ, отъ дѣдовъ къ нимъ перешедшихъ привычкахъ, они не внимали даже гласу своихъ православныхъ пастырей, убѣждающихъ, что не всякій святой, чтимый римскою церковью, признается нашею церковью святымъ,—они знали одно, что какъ у римлянъ, такъ и у насъ, есть св. Антоній и этимъ довольствовались; тѣмъ болѣе, что имъ не было тогда еще извѣстно, что здѣсь нѣкогда былъ образъ препод. Антонія Печерскаго, коему ихъ предки воздавали должное почитаніе. Они просто, безотчетно поддавались въ семъ случаѣ какому то чувству, хотя сами не могли опредѣлить откуда оно происходитъ и какое имѣетъ значеніе. Да, нашъ народъ, по тогдашней темнотѣ своей, никакъ не зналъ, что на эты его чувства невидимо вліяетъ давно прошедшее время—время полнѣйшаго вѣянія духа привославія въ семъ краѣ,—чувства, кототорыя въ ихъ предкахъ зарождались при посѣщеніи св. града Кіева, бывшаго нѣкогда центромъ и душею всероссійскаго православія, гдѣ жилъ великій подвижникъ препод. Антоній Печерскій, происходившій родомъ изъ Малороссіи—страны намъ сосѣдней и единоплеменной.

Вотъ такія то причины были поводомъ посѣщенія б. бернардинскаго костела въ день 13 іюня нашимъ православнымъ, простымъ и неразвитымъ людомъ!

Съ 1864 года обстоятельства нашего края измѣнились, и привычка православныхъ къ посѣщенію упомянутаго костела сама собою мало помалу начала исчезать. Тому послужило слѣдующее благопріятствующее обстоятельство. Когда закрывались, послѣ мятежа, многіе костелы за участіе римско-ка-

толическаго духовенства въ польскомъ бунтѣ, то и бернардинскій костелъ, находившійся въ г. Слонимѣ, былъ закрытъ, а такъ какъ служеніе въ немъ совершенно прекратилось, то, по распоряженію начальства, вся ризница, утварь и образа были перенесены изъ закрытаго костела въ другой костелъ приходскій, что на Замостьѣ. Въ то же самое время, со всѣмъ прочимъ, вынесенъ былъ туда и чтимый народомъ образъ Антонія Падуанскаго.

Почти два года этотъ костелъ стоялъ закрытымъ, народъ смутно глядѣлъ на пустой храмъ, въ который не такъ давно еще приходилъ на поколѣніе образу св. Антонія, и, не находя здѣсь болѣе удовлетворенія своему религіозному чувству, наконецъ обратился въ костелъ, въ который перенесенъ образъ Антонія.

Не рядостно было православному христіанину смотрѣть на такое безотчетное влеченіе православнаго народа къ римскому костелу: но, однакожъ, нельзя было за это строго обвинять народъ нашъ. Ибо въ семъ обычаѣ оказывалась не измѣна православной вѣрѣ, а отпечатлѣвалось лишь явнымъ образомъ старое время, весьма тягостное и убійственное для народнаго духа....

При обстоятельствахъ стараго прежняго времени—времени владычества польскаго духа и вліянія римской пропаганды—трудно было подъ часъ, не только простому народу, но даже православному духовенству бороться на каждомъ почти шагу со всѣми враждебными ему началами, и не одинъ ревнитель православія за свою ревность дорого поплатился....

Но никто не могъ бы такъ легко исправить всего этого зла, какъ зашедшая за предѣлы возможнаго римская пропаганда и послѣдній польско-шляхетскій бунтъ. И если что теперь сдѣлано благопріятнаго для русскаго дѣла и для православія въ здѣшнемъ краѣ, такъ это именно, благодаря обстоятельствамъ прошедшаго времени, хотя и смутнаго.

При такихъ то новыхъ условіяхъ, пишущій эти строки, по долгу пастыря церкви, желая отвлечь какъ нибудь собиравшійся 13 іюня изъ разныхъ концовъ уѣзда православный народъ отъ безотчетнаго посѣщенія слонимскаго костела, въ который перенесенъ образъ Антонія Падуанскаго, святого непризнаваемаго нашею православною церковью,—обратился въ

1866-мъ году къ б: начальнику Гродненской губерніи Ивану Николаевичу Скворцову, съ просьбою объ отдачѣ закрытаго бернардинскаго костела для устройства изъ него православной церкви. Бывшій гродненскіій губернаторъ, такъ много содѣйствовавшій утвержденію въ губерніи православія, съ великимъ удовольствіемъ на это согласился. Такимъ образомъ съ его разрѣшенія, по благословенію высокопреосвященаго митрополита литовскаго Іосифа, костелъ скоро былъ обращенъ въ православную церковь, устройству которой много посодѣйствовалъ и личнымъ участіемъ, а главнымъ образомъ своимъ денежнымъ пожертвованіемъ, слонимскій предводитель дворянства Николай Егоровичъ Извѣковъ (1).

Когда падлежащимъ образомъ устроена была сія церковь, тогда заказанъ былъ образъ препод. Антонія Печерскаго и поставленъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ образъ Антонія Падуанскаго,

Чтобы отстать совершенно отъ костела, куда собирались православные ради образа св. Антонія, ничего болѣе не нужно было, какъ только то, чтобы они увидѣли здѣсь—въ возобновленной церкви—на прежнемъ мѣстѣ образъ тогоже имени святого, празднуемаго нашею православною церковью. И, Боже мой! какая великая радость объяла всѣхъ православныхъ, когда они увидѣли въ первый разъ въ своей церкви образъ глубоко чествуемаго ими святого Антонія. Какъ душевно они благодарили за это мѣстное духовенство!.... Послѣ того имъ не нужно было ходить болѣе въ костелъ; ибо уже въ своей церкви они могли вполнѣ удовлетворять своему религіозному духу.

Теперь крестьяне, особенно близкіе, собираются для празднованія памяти препод. Антонія уже не 13 іюня, какъ это водилось до 1867 г., т. е., не въ день Антонія Падуанскаго, а 10 іюля—въ день препод. Антонія Печерскаго. Дальніе же изъ уѣзда богомольцы, хотя собираются для празднованія памяти св. Антонія въ день 13 іюня, но уже не въ костелъ, гдѣ стоитъ образъ Антонія Падуанскаго, ими чествуемый прежде, а въ церковь, возобновленную изъ костела бернардинскаго, гдѣ есть образъ Антонія Печерскаго. Можно быть вполнѣ

1) Онъ пожертвовалъ 258 руб. сереб.

увѣреннымъ, что вскорѣ и дальніе богомольцы привыкнутъ собираться для празднованія дня св. Антонія въ день опредѣленный нашею православною церковью, и старая привычка, несвойственная православнымъ, совершенно изчезнетъ.

Такихъ-то ради обстоятельствъ и соображеній, въ настоящее время, со всею торжественностію отправляется въ Св. Троицкой церкви въ день 10 іюля церковная служба, которую въ минувшемъ 1867 году совершалъ соборнѣ Жировицкаго монастыря настоятель, о. архимандритъ Николай, послѣ которой сказано было соборнымъ священникомъ г. Слонима приличное тому дню Слово, а въ настоящемъ году совершалъ церковное богослуженіе проживающій на покоѣ въ Жировицкомъ монастырѣ высокопреосвященный Михаилъ, б. архіепископъ минскій.

Небезъинтересно будетъ упомянуть здѣсь еще о самомъ днѣ 10-го іюля сего года и о приготовленіяхъ сопряженныхъ съ торжествомъ сего дня.

Вѣсть о служеніи высокепреосвященнаго 10 іюля, какъ электричество пронеслась по всему приходу и всѣ душевно радовались и благодарили Бога, что въ сей великій для слонимскаго прихода день будетъ совершена архіерейская служба. Всѣ дѣлали нужныя къ сему служенію приготовленія. Хоръ пѣвчихъ приготовлялъ къ архіерейскому служенію церковныя пѣсни, устроялся новый для архіерея тронъ; приглашались сосѣдніе священники и проч. Наконецъ все было готово и ждали только наступленія завѣтнаго дня. 10-го іюля наступило...., въ 9 часовъ утра раздался въ Троицкой церкви благовѣстъ, созывающій богомольцевъ на праздникъ, народъ сталъ собираться въ храмъ Божій, и минута за минутой народу собиралось все больше и больше, такъ что скоро наполнился весь храмъ молящимися. На паперти стоялъ съ крестомъ священникъ, облаченный въ свѣтлыя праздничныя одежды, и діаконъ съ архіерейской мантіей въ рукахъ. Всѣ съ замираніемъ сердца ожидали пріѣзда владыки! Но вотъ раздается трезвонъ, и взоры всѣхъ обратились въ ту сторону, откуда должна показаться карета. Еще минута, и жданная карета у воротъ церковныхъ остановилась. Владыка, убѣленный сѣдинами, вышелъ изъ экипажа, встрѣченный мѣстнымъ духовенствомъ вмѣстѣ съ настоятелемъ Журовицкаго монастыря, о. Архимандритомъ Ни-

колаемъ, тоже прибывшимъ къ служенію. Послѣ богослуженія во время причастна сказано было 2-е Слово.

Такимъ образомъ совершились уже, 10 іюля въ Св. Троицкой церкви, въ день препод. Антонія Печерскаго, двѣ торжественныя службы: и намъ вѣрится, что на будущее время, при таковой же торжественной службѣ, память въ народѣ о днѣ 13 іюня, въ который онъ нѣкогда собирался въ бернардинскій костелъ, въ день Антонія Падуанскаго, совершенно исчезнетъ, и мѣсто сего займетъ на вѣчныя времена день 10-го іюля—день памяти препод. Антонія Печерскаго, который, встраину, до уничтоженія существовавшей на семъ мѣстѣ первой Св. Троицкой церкви, здѣсь также предками всегда праздновался.

Можно также надѣяться, что къ празднованію памяти въ сей церкви препод. Антонія Печерскаго современемъ присоединятся и мѣстные р. католики, которые теперь, слава Богу, не чуждаются нашей Св. Ттроицкой церкви, всегда живо напоминающей имъ прежній костелъ, и посѣщаютъ ее часто въ дни Богослуженія.

(Лит, Еп. Вѣд.)

ЕЩЕ О ПРИГЛАШЕНИИ ПАПЫ НА РИМСКІЙ ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ.

Съ грустью прочитали мы извѣстіе о новой попыткѣ римскаго первосвященника къ подчиненію себѣ православно—восточной Церкви. Въ этомъ именно смыслѣ понимаемъ мы приглашеніе, адресованное Піемъ IX къ восточнымъ патріархамъ и епископамъ, прибыть на предстоящій вселенскій соборъ. Видимая цѣль приглашенія заключается въ возможности возстановить прерванное между восточной и западной церквами единеніе; но кто усомнится хотя на минуту, что предполагаемое возсоединеніе двухъ церквей заранѣе обусловливается подчиненіемъ Востока Западу? Если же такъ, то на подобныхъ условіяхъ возможно ли, мыслимо ли возстановленіе древняго единства?

Можно было бы предположить, что высокіе умы, которые соберутся на вселенскій соборъ, найдутъ возможность прійдти къ соглашенію, что ошибочныя воззрѣнія Запада на причины и по-

дробности вѣковыхъ разногласій будутъ выяснены и исправлены въ живомъ обмѣнѣ мыслей; что предубѣжденіе разсѣется и духъ братской любви, при искреннемъ съ обѣихъ сторонъ желаніи отыскать истину, укажетъ и самыя средства къ примиренію. Но увы! надежда на подобное направленіе соборныхъ совѣщаній напрасна. Мы не говоримъ объ историческихъ доказательствахъ этой мысли: десятивѣковая исторія папства свидѣтельствуетъ слишкомъ ясно, что эта братская любовь, что это искреннее желаніе прійдти въ разумъ истины, никогда не одушевляли Рима, и что всѣ дѣлаемыя имъ попытки къ примиренію съ Востокомъ вращались около одной идеи, одного стремленія—подчинить Востокъ своей власти. Убѣдиться въ иномъ направленіи современнаго папства можно было бы только на основаніи какихъ либо признаковъ противоположнаго свойства. Къ сожалѣнію, такихъ признаковъ не замѣтно въ современномъ папствѣ. Многократно высказанный взглядъ нынѣшняго владыки Рима на раздѣленіе церквей остался вѣрнымъ вѣковой идеѣ папства. Всякая попытка очистить католицизмъ отъ чуждыхъ религіи наростовъ всегда встрѣчала въ Піѣ IX только слова порицанія и осужденія, а дѣятельность римской пропаганды на Востокѣ, столь болѣзненно отзывающаяся въ сердцахъ первосвятителей древнихъ восточныхъ церквей, отличается тѣми же свойствами преобладанія и захвата, съ которыми никогда не разставалось папство, и имѣетъ единственною цѣлью, усиливая папство, ослабить и, если возможно, уничтожить православіе. При такомъ направленіи римско-католической церкви, трудно видѣть въ ней искреннее желаніе примиренія съ Востокомъ, и потому едва-ли между людьми, преданными восточно-католической истинѣ, найдется хоть одинъ человѣкъ, который бы взглянулъ на послѣднее приглашеніе папы, какъ на серьезное доказательство его стремленія положить конецъ горестному разъединенію,

Телеграмма изъ Рима извѣщаетъ, что представителямъ протестантскихъ общинъ также отправлено приглашеніе на соборъ. Въ этомъ послѣднемъ документѣ папа убѣждаетъ протестантовъ возсоединиться съ римско-католикесною церковію, потому что для спасенія христіанства, говоритъ онъ, необходимо, чтобы было едино стадо и единъ пастырь. Такимъ образомъ, римскій перво-

священникъ относитъ къ папству слова, сказанныя о себѣ Божественнымъ Основателемъ христіанской религіи. Не удивляемся такимъ понятіямъ представителя р. католицизма и такому способу его выраженія: тѣ, которые знакомы съ стремленіями папства, давно къ этому привыкли. Но полагаемъ, что протестанты едва-ли согласятся на папское приглашеніе. Они лучше папы, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ, понимаютъ смыслъ евангельскихъ словъ. Имъ понятно также то бѣдственное положеніе, въ которомъ находилась христіанская религія наканунѣ XVI столѣтія, и которое было причиною ихъ отдѣленія отъ римской церкви. Съ тѣхъ поръ протестанты не имѣли случаевъ убѣдиться въ улучшеніи этого положенія, и великая бездна все болѣе утверждалась между ними и р. католицизмомъ. Возвращеніе протестантовъ въ лоно р. католической церкви въ цѣломъ составѣ сдѣлалось невозможностью. Частные случаи перехода протестантовъ въ р. католичество, вызванные крайностями протестантизма, ничего не доказываютъ. Напротивъ, если когда либо оно проникнетъ въ духъ и исторію христіанства, то оно всего скорѣе сблизится съ православіемъ. Движеніе въ англо-американской церкви представляетъ въ этомъ отношеніи весьма замѣтный и поучительный фактъ, а нѣкоторыя изслѣдованія протестантскихъ богослововъ въ этой области доказываютъ, что безпристрастное и здравое сужденіе о христіанской истинѣ вполнѣ доступно свѣтлымъ умамъ протестантства и можетъ приводить къ счастливымъ результатамъ. Мы убѣждены, что и самъ папа не вѣритъ въ возможность присоединенія протестантовъ съ католицизмомъ, и если отъ него послано упомянутое выше приглашеніе къ представителямъ протестантскихъ общинъ, то это сдѣлано единственно для очистки совѣсти.

Соер. Лист.

ПАПСКОЕ ПОСЛАНІЕ ЕПИСКОПАМЪ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ СЪ ПРИГЛАШЕНІЕМЪ НА ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ.

Заимствуемъ изъ «Сѣверной Почты» текстъ папскаго посланія, которымъ приглашаются въ Римъ на вселенскій соборъ неуніат-

скіе восточные епископы греческой и русской церкви.— «Поставленные неисповѣдимымъ опредѣленіемъ Промысла Божія; хотя и безъ заслугъ съ нашей стороны, наслѣдникомъ всеблаженнѣйшаго князя апостоловъ на сей высокій престолъ, который, по дарованному Богомъ преимуществу (?), есть твердый и надежный камень, на коемъ Спаситель создалъ церковь Свою (?), и побуждаемые ревностью, внушаемою намъ такою должностью, мы искренно желаемъ и стараемся распространить свою заботливость на всѣхъ тѣхъ, которые, будучи разсѣянными по свѣту, носятъ имя христіанъ, и привлечь ихъ въ объятія отеческой любви. Мы не могли бы, безъ крайней опасности для души нашей, пренебречь частью христіанскаго народа, который, искупленный всечестною кровью Спасителя и водою святаго крещенія, сопричисленный къ стаду Господню, требуетъ всей нашей бдительности. И такъ, будучи обязаны неослабно обращать всѣ наши помыслы къ тому, чтобы способствовать къ спасенію всѣхъ исповѣдующихъ Іисуса Христа и поклоняющихся Ему, мы обращаемъ наши взоры и наше отеческое сердце къ церквамъ, которыя, нѣкогда соединенныя съ этимъ апостольскимъ престоломъ, чрезъ союзъ единства, сіяли такимъ блескомъ святости и небеснаго ученія во славу Божію и спасеніе душъ, а нынѣ злобою и кознями того, кто вызвалъ первый расколъ на небѣ, къ великой скорби нашей, отторгнуты и удалены обь общенія святой римской церкви, распространенной по всей вселенной. Уже въ началѣ нашего высочайшаго первосвятительства мы обращались къ вамъ по этому предмету, въ полномъ изліяніи нашего сердца, слова мира и любви. Хотя эти слова отнюдь не достигли столь желанной цѣли, но все-таки мы никогда не теряли надежды, что наши смиренныя и теплыя молитвы будутъ услышаны кроткимъ и смиреннымъ Творцомъ мира и спасенія, Тѣмъ Кто «совершилъ спасеніе земли, Кто, явившись свыше и явивъ всѣмъ желанный и желательный миръ, возвѣстилъ его людямъ, *въ нихъ же благоволеніе,* въ день Рождества Своего, служеніемъ ангеловъ, имѣлъ общеніе съ людьми, наставлялъ ихъ словомъ Своимъ и поучалъ Своимъ примѣромъ». Такъ какъ мы недавно, съ одобренія нашихъ достопамятныхъ братій, кардиналовъ святой римской церкви, возвѣстили и созва-

ли вселенскій соборъ, долженствующій воспослѣдовать въ будущемъ году въ Римѣ и имѣющій быть открытымъ 26-го ноября (8 декабря), въ день, посвященный зачатію пренепорочной Дѣвы Маріи, то мы еще разъ возвышаемъ свой голосъ къ вамъ и всѣми силами нашими просимъ васъ, извѣщаемъ васъ, настаиваемъ передъ вами, чтобы вы явились на этотъ всеобщій соборъ, какъ явились ваши предшественники на соборъ ліонскій, созванный Григоріемъ X, досточтимой памяти предмѣстникомъ нашимъ, и на соборъ флорентинскій, созванный Евгеніемъ IV, достославной памяти предмѣстникомъ нашимъ, дабы, по возобновленіи древнихъ законовъ любви и по прочномъ возстановленіи мира отцевъ нашихъ, сего спасительнаго и небеснаго дара Христова, исчезнувшаго на время, возсіялъ предъ очами всѣхъ яркій свѣтъ желаемаго единства, послѣ тучъ долговременной скорби и смутнаго, печальнаго мрака долгой разлуки. Да будетъ сіе счастливымъ плодомъ благословенія, какимъ Іисусъ Христосъ, всѣмъ намъ Образецъ и Спаситель, утѣшаетъ Свою непорочную и возлюбленную невѣсту, католическую церковь; да осушитъ Онъ ваши слезы въ эти трудныя времена, дабы, по прекращеніи всякаго раздора, несогласные прежде голоса, въ полномъ согласіи духовномъ, хвалили Бога, не хотящаго между нами никакихъ раздоровъ и повелѣвающаго гласомъ апостола всѣмъ намъ одинаково говорить и мыслить; да возносятся выну непрестанныя благодарственныя моленія къ Отцу милосердія отъ всѣхъ святыхъ Его, и наипаче отъ достославныхъ древнихъ отцевъ и учителей церкви восточной, когда они съ высоты небесной узрятъ возстановленное единеніе съ симъ апостольскимъ престоломъ, средоточіемъ католической истины и единства, единеніе, которое они во время своей земной жизни старались согрѣвать, способствуя ему всѣми своими изслѣдованіями и неутомимыми усиліями, ученіемъ и примѣромъ, воспламененные любовью, разлитою въ ихъ сердцахъ Духомъ Святымъ къ Тому, Кто примирилъ и удовлетворилъ все цѣною Своей крови; восхотѣлъ, дабы знаменіе учениковъ Его заключалось въ мирѣ, и обратился къ Отцу Своему съ симъ прошеніемъ: *да будутъ едино, якоже и Мы.* Данъ въ Римѣ,

у св. Петра, 27-го августа (8-го сентября) 1868 года, въ лѣто нашего первосвятительства двадцать третье».

(Сов. Лист.)

УНІЯ ВЪ ХОЛМСКОЙ РУСИ.

Въ нумерахъ 61 и 62 львовскаго «Слова» помѣщена обширная и весьма любопытная статья, подъ названіемъ: «Причины искаженія уніятскихъ обрядовъ». Извлекаемъ изъ нея тѣ свѣдѣнія, которыя касаются собственно уніи въ холмской Руси.

Уничтоженіе «русскихъ костей» и затираніе всякихъ слѣдовъ ихъ въ холмской епархіи, началось со времени усмиренія польскаго мятежа 1831 года, но особенно усилилось и производилось съ лихорадочнымъ поспѣхомъ послѣ возсоединенія бѣлорусскихъ уніятовъ съ православною церковью, въ 1839 году. Никогда, повидимому, взаимный союзъ полоно-латинства и холмской уніи не достигалъ такой прочности, какъ со времени этихъ знаменательныхъ событій.

До 1831 года, не только въ Холмщинѣ, но и на Подлясьѣ, не были рѣдкостью уніятско-русскіе священники, употреблявшіе какъ въ частномъ быту, такъ и во всѣхъ церковныхъ актахъ исключительно русскій языкъ. При многихъ церквахъ существовали народныя школы, въ которыхъ приходскій дьячокъ обучалъ дѣтей только на русскомъ языкѣ. Но послѣ 1831 года почти сразу замолкъ въ приходахъ этотъ прирожденный духовенству языкъ, уніятско-русскіе іереи начали подписываться ксендзами, дьячки—огранистами, метрики повелись на одномъ только польскомъ языкѣ, русскихъ училищъ не стало ни одного. До 1839 года уніятскіе храмы по большей части были украшены восточно-православнымъ благолѣпіемъ, и въ богослуженіи не было никакихъ латинскихъ примѣсей; но въ послѣдовавшіе за тѣмъ годы, внутреннее устройство церквей быстро преобразуется по латинскому образцу, особенно размножаются органы, заводятся повсюду рожанцы, народъ ежегодно тысячами переходитъ въ латинство, уніятскіе приходы запустѣваютъ, а храмы разрушаются. Замѣ-

чательно, что всѣ эти явленія происходили на глазахъ тогдашней администраціи, въ то именно время, когда правительство наше въ первый разъ послѣ 1831 года крѣпко утвердилось въ завоеванномъ Царствѣ Польскомъ, и довольно серьезно, повидимому, стало относиться къ полоно-латинству.

Между тѣмъ, пришибенная и по наружности смирившаяся польщизна втихомолку дѣйствовала такъ искусно, что всѣ мѣры, принимавшіяся съ означенной эпохи правительствомъ къ утвержденію русскаго господства въ Царствѣ Польскомъ, и въ частности къ возрожденію уніятско-русскаго народа, приводили совершенно къ противуположнымъ результатамъ, потому что служили въ рукахъ ближайшихъ исполнителей орудіемъ къ возбужденію въ уніятско-русской интелигенціи непріязни къ Россіи, и къ болѣе вѣрному и скорому ополяченію и окатоличенію русскихъ уніятовъ.

На поверхностный взглядъ казалось, что все идетъ очень хорошо, и русское дѣло начало, будто бы, прививаться къ привислинской почвѣ. Такъ, въ 1840 году правительство достигаетъ того, что въ гимназіяхъ Царства Польскаго преподаваніе производится на русскомъ языкѣ; въ присутственныхъ мѣстахъ дѣлопроизводство идетъ большею частью по русски; отпускаются суммы для пріобрѣтенія уніятскимъ церквамъ иконостасовъ; учреждается въ Холмѣ «институтъ дьяковъ», съ цѣлью приготовить пѣвцовъ для уніятскихъ церквей, и вытѣснить изъ нихъ органы; воспитываются на казенный счетъ въ московской и кіевской духовныхъ академіяхъ уніятско-русскіе семинаристы. И вотъ рядомъ съ этими мѣропріятіями, русскій языкъ окончательно изгоняется изъ церковныхъ уніятско-русскихъ актовъ, церковно-приходскія училища совершенно исчезаютъ, и замѣняются польскими; въ холмской семинаріи, вмѣсто прежняго преподавательнаго латинскаго языка, вводится польскій, изъ церквей выносятся остатки иконостасовъ, и замѣняются изображеніями бритыхъ и стриженыхъ латинскихъ монаховъ; изъ института дьяконъ выходятъ отличные органисты, поютъ не смыслящіе въ церковномъ пѣніи, за то въ совершенствѣ владѣющіе польскимъ языкомъ, котораго они до поступленія въ институтъ совершенно не понимали; уніяты-воспитанники русскихъ духовныхъ академій, по возвращеніи въ

холмскую епархію, встрѣчаются взрывомъ всеобщей непріязни, и въ скоромъ времени начинаютъ служить доказательствомъ того, что правительство совершенно напрасно потратило на нихъ деньги; въ семействахъ русскихъ священниковъ не слышится болѣе русскаго слова; семинаристы вступаютъ въ браки съ католичками, и сами присоединяютъ своихъ священническихъ дочерей къ латинству, словомъ, въ тотъ именно краткій періодъ, когда правительство излило на русскихъ уніатовъ столько благодѣяній, сколько не видѣли они въ продолженіе всей предъидущей своей исторіи,—особенно сильно развилась въ уніятско-русской интелигенціи ненависть къ Россіи, а въ духовенствѣ въ частности особенно явно обнаружилось небреженіе къ восточно-славянскому богослуженію.

Казалось, послѣдній часъ уніи пробилъ. Ей грозило окончательное поглощеніе латинствомъ, и если бы такой порядокъ продолжился еще нѣсколько лѣтъ, то безъ сомнѣнія, всѣ уніятско-русскіе приходы постигла бы такая участь, какую видимъ теперь въ мѣстечкахъ Константиновѣ, Парчевѣ, Радинѣ и другихъ, гдѣ остаются запустѣлыя уніятскія церкви среди нѣкогда русскаго населенія, нынѣ окатоличеннаго и ополяченнаго.

Но сами поляки мастера портить собственное свое дѣло. Съ 1857 года, польщизна сняла маску, и рѣшительно потребовала, чтобы оставшаяся самая незамѣтная демаркаціонная линія между русской уніей и польскимъ латинствомъ была уничтожена. Съ тѣхъ поръ католическіе епископы самовластно начали распоряжаться дѣлами уніи, не допуская для русскихъ уніятовъ и тѣни самостоятельности въ отправленіяхъ религіозной совѣсти и народнаго самосознанія. По естественному закону вещей, такая гегемонія вызвала со стороны уніятско-русской интелигенціи, во главѣ коей всегда стояло духовенство, нѣкоторую опозицію, проявившуюся въ двухъ фракціяхъ: на Подлясьѣ явились антагонистами такъ называемые «добрые униты», ревниво заботившіеся лишь о сохраненіи іерархической самостоятельности, но совершенно равнодушные къ народно-русскимъ интересамъ своей паствы; въ то же время, изъ среды духовенства въ Холмщинѣ выдѣлился кружокъ истинныхъ народолюбцевъ, солидарный въ своихъ стремле-

ніяхъ съ галицко-русской интелигенціей, проникнутый въ равной мѣрѣ и привязанностію къ чистотѣ своей религіи и любовью къ своему единокровному народу. Изъ этой то среды вышелъ извѣстный адресъ къ бывшему намѣстнику, великому князю Константину Николаевичу, умолявшій законныя власти объ охраненіи уніи отъ посягательствъ полонизма и латинства.

Насколько безполезны были для религіи и народа «добрые униты», свидѣтельствуютъ ихъ диспуты того времени съ ксендзами о томъ, кто болѣе полякъ въ лучшемъ значеніи слова— уніятъ или латинникъ? Мятежъ 1863 г. лучше всего отвѣтилъ на этотъ вопросъ: обѣ стороны оказали революціи равныя услуги, съ тою лишь разницей, что польскіе ксендзы, какъ люди холостые, самолично заправляли организаціей, а ксендзы русскіе, какъ семейные, посредственно лишь доставляли революціи матеріальную и нравственную поддержки. Напротивъ, холмскіе народолюбцы послужили тѣмъ плодоносным корнемъ, изъ котораго выростаетъ теперь крѣпкое русское дерево. Подкрѣпляемые свѣжими силами прибывшихъ изъ Галичины своихъ братьевъ, проникнутыхъ духомъ религіи и народности, холмскіе дѣятели мало по малу очищаютъ унію отъ паразитныхъ наростовъ польщизны, и приближаютъ свою обрядность къ первобытному греко-восточному благолѣпію. Въ тоже время усилія ихъ, вспомоществуемыя средствами правительства, въ значительной мѣрѣ пробудили въ меньшей братіи искуственно заглушенное сознаніе того, что природа ихъ русская, и счастливая будущность ихъ возможна только въ общемъ теченіи русской жизни. Ручательствомъ же тому, что этотъ нормальный ходъ исторіи не свернетъ съ праваго пути, служитъ надежное водительство достойнаго нынѣшняго холмскаго архипастыря, и славнаго русскаго народолюбца.

(Варш. Дн.)

ИЗВѢСТІЕ О ВСТУПЛЕНІИ НА ХОЛМСКУЮ ЕПИСКОПСКУЮ КАФЕДРУ ЕПИСКОПА МИХАИЛА КУЗЕМСКАГО.

24 августа совершилось торжественное вступленіе на холмскую епископскую *) каѳедру новопоставленнаго холмскаго епископа преосвященнаго Михаила Куземскаго. Преосвященный слѣдовалъ въ Холмъ черезъ Томашевскій и Грубешовскій уѣзды, гдѣ сплошное населеніе составляютъ уніяты. По разсказамъ очевидцевъ, особенно трогательно было вступленіе его въ г. Томашевъ въ предѣлы своего новаго великаго отечества. Галицкіе русскіе—народъ и духовенство, сопровождавшіе своего знаменитаго соотечественника и любимаго народнаго вождя, буквально, съ плачемъ и рыданіями прощались съ нимъ на границѣ, раздѣляющей Русь отъ Руси. Въ Холмъ епископъ прибылъ 24 августа, въ 7½ часовъ вечера. Съ утра этого дня, народъ и духовенство стали собираться во множествѣ. Изъ ближайшихъ приходовъ крестьяне являлись съ своими приходскими священниками крестнымъ ходомъ и встрѣчаемы были звономъ соборнаго колокола, не умолкавшаго почти цѣлый день; были церковныя процессіи даже изъ Подлясья, пришедшія за десятки верстъ. На границѣ уѣзда, преосвященный встрѣченъ былъ уѣзднымъ начальникомъ съ гминными войтами, солтысами и лавниками четырехъ ближайшихъ гминъ и народомъ, при чемъ, послѣ краткаго привѣтствія, сказаннаго начальникомъ уѣзда, гминные войты поднесли, по русскому обычаю, хлѣбъ-соль, что произвело на преосвященнаго видимо пріятное впечатлѣніе. По пріѣздѣ въ г. Холмъ, епископъ встрѣченъ былъ также съ хлѣбомъ-солью мѣстнымъ бургомистромъ и гражданами у городской заставы, за которою ожидала его преосвященство духовная процессія съ хоругвями и крестами, въ коей участвовало болѣе ста священниковъ, и до пяти тысячъ народа, и во главѣ которой преосвященный вступилъ въ холмскій каѳедральный соборъ, гдѣ привѣтствовалъ его предсѣдатель консисторіи, архипресвитеръ Войцицкій.

По совершеніи молебствія, преосвященный отправился въ свою палату, гдѣ представлялись ему: инспекторъ холмской гимназіи, инспекторъ педагогическихъ курсовъ и еще нѣкоторыя лица изъ духовенства. На другой день отправлено было въ соборѣ торжественное епископское служеніе, котораго холмская епархія не видала со

1) Греко-унитскую.

времени епископа Шумборскаго. Во время обѣдни проповѣдывалъ соборный протоіерей и законоучитель мѣстной гимназіи о. Маркеллъ Попель. Послѣ церковной проповѣди и по прочтеніи вслѣдъ за тѣмъ папскихъ буллъ о постановленіи преосвященнаго Михаила холмскимъ епископомъ, протоіерей Попель обратился къ преосвященному съ рѣчью, которую заключилъ слѣдующими словами: «Преосвященный владыка! мы крѣпко вѣруемъ, что ты, свѣтлый нашъ дождь, прольешь лучь сознанія въ утренніе сумерки здѣшней народной русской жизни, и проснувшаяся Холмщина вспомнитъ, кто она! вспомнитъ, что она достояніе св. равноапостольнаго Владиміра, и ее оживитъ русскій духъ, и она возродится, возобновитъ прерванную связь съ предками, и станетъ вѣрною дѣдовскимъ алтарямъ. Владыко нашъ и отче! прибѣгаемъ къ тебѣ съ полнымъ довѣріемъ и свидѣтельствуемъ искреннюю преданность и усердную готовность подвизаться за Русь и вѣру предковъ нашихъ. Прими насъ подъ теплый кровъ твой, буди намъ вождемъ правды. Молитвы твои да осѣнятъ паству твою, и этотъ сонмъ, который здѣсь окружаетъ тебя, да приметъ благословеніе твое, да возвеселится нѣкогда съ тобою въ небесномъ чертогѣ и да возвеличитъ того, кто избралъ тебя!»

По совершеніи богослуженія, было общее представленіе въ епископскихъ палатахъ, послѣ чего преосвященный присутствовалъ на обѣдѣ, данномъ въ честь его архипресвитеромъ Войцицкимъ. Послѣ тоста за здравіе Государя Императора, провозглашеннаго виновникомъ торжества, преосвященнымъ Михаиломъ, и сопровождавшагося громкимъ и единодушнымъ троекратнымъ «ура», комиссаръ по крестьянскимъ дѣламъ, Г. Кокошинъ, обратился къ его преосвященству съ рѣчью, въ которой особенно замѣчательны слѣд. слова: «Вступленіе ваше на холмскую епископскую каѳедру имѣетъ значеніе не только для русской Руси; оно несомнѣнно принесетъ благіе плоды и для вашей осиротѣвшей родины, изнывающей нынѣ въ тяжкомъ польскомъ плену. Намъ невольно припоминается другой отдаленный моментъ вѣковой русско-польской борьбы, когда русскіе люди, не могшіе сносить неволи и позора польскихъ оковъ, покидая свою родину, семьи и домашній очагъ, шли въ вольныя степи за пороги днѣпровскіе, и основали тамъ крѣпкую общину, ставшую на грозной стражѣ противъ враговъ своего отечества. Пусть же и возрожденный Холмъ для покинутой вами вашей родины станетъ новымъ духовнымъ запорожьемъ, свѣтлымъ маякомъ противъ обуревающихъ

ее политическихъ невзгодъ, и твердымъ нравственнымъ оплотомъ въ ея борьбѣ за свои историческія и народныя права. Таково значеніе Холма, къ которому стремятся и наши желанія, и наши усилія. Для осуществленія этой идеи, благодаря щедротамъ правительства и трудамъ, понесеннымъ многими изъ присутствующихъ здѣсь дѣятелей, которыхъ называть я не имѣю нужды, сдѣлано уже много, но все сдѣланное до сего времени имѣетъ характеръ начинанія, подготовки; прежде всего необходимо было расчищать поле для дѣланія отъ тѣхъ сорныхъ травъ и плевелъ, которыми поросло оно въ продолженіи долгихъ лѣтъ польскаго господства. Вамъ предназначенъ Провидѣніемъ высокій подвигъ возрастить на этомъ полѣ тѣ народныя сѣмена, которыя сохранились живыя въ народной почвѣ,—въ томъ народѣ, который его польскіе властители честили и честятъ именемъ быдла, но который здѣсь, какъ и вездѣ на Руси, явился вѣрнымъ хранителемъ народныхъ началъ и сберегъ ихъ черезъ долгіе годы невзгодъ для лучшаго будущаго. Да поможетъ же вамъ Богъ совершить этотъ честный подвигъ во благо русской народности и во славу общей нашей матери великой и единой русской земли.»

Слова эти заключены были тостомъ за здоровье преосвященнаго. Предсѣдатель люблинской комиссіи Н. П. Воронцовъ—Вельяминовъ, произнесъ также замѣчательную рѣчь, въ заключеніе которой сказалъ:

«Здѣсь, съ высоты этаго холма, увѣнчаннаго древнимъ русскимъ соборомъ и вашимъ жилищемъ, преосвященный Михаилъ, нравственному взору моему представляются новые обширные горизонты, въ которыхъ широко и привольно рвзливаются русская рѣчь и русская жизнь, во всей ихъ красотѣ и во всемъ ихъ богатствѣ. Призовемъ же, милостивые государи, благословленіе небесъ на этотъ холмъ и на это жилище: на нихъ устремлено вниманіе и обращенн надежды русскаго міра».

Обѣдъ окончился русскимъ народнымъ гимномъ «Боже Царя храни,» стройно и съ одушевленіемъ пропѣтнымъ всѣми присутствующими.

(Кіев. Еп. Вѣд.)

КРАТКІЙ БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЕПИСКОПА МИХАИЛА КУЗЕМСКАГО.

Варш. Дневникъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о вновь посвященномъ уніятскомъ холмскомъ епископѣ: Преосвѣщенный епископъ холмскій, Михаилъ Куземскій, какъ блюститель чистоты уніятскаго обряда и въ то же время поборникъ народно-русскихъ интересовъ, представляетъ личность, столь богато одаренную высокими нравственными качествами, что привлекаетъ къ себѣ взоры и своей новой паствы и всѣхъ вообще русскихъ народолюбцевъ. Поэтому читателямъ нашимъ интересно будетъ познакомиться, хотя въ краткихъ чертахъ, съ біографіей преосвященнаго. Она не изобилуетъ внѣшними фактами, за то богата внутреннимъ содержаніемъ.

Происходя изъ духовнаго званія, Михаилъ Куземскій родился 8-го (20-го) ноября 1809 г., въ деревнѣ Шаблинѣ, вблизи мѣстечка Бережанъ, въ Галиціи; гимназическое воспитаніе получилъ онъ въ Бережанахъ, а богословское во Львовѣ. Но училищное образованіе послужило только фундаментомъ для дальнѣйшей работы самоусовершенствованія, благодаря которой преосвященный владѣетъ замѣчательною эрудиціей по многимъ отраслямъ знаній. Это духовно-научное обогащеніе было для него тѣмъ доступнѣе, что онъ, какъ пособіями, обладаетъ основательнымъ знаніемъ языковъ: русскаго, польскаго, греческаго, латинскаго, нѣмецкаго и французскаго. Проникнувшись любовью къ языку церковно-славянскому, преосвященный Куземскій позналъ все величіе и святость греко-славянскаго обряда и на этой природной почвѣ развилъ въ послѣдствіи свою дѣятельность, направленную къ пробужденію и укрѣпленію народно русскаго духа.

Вскорѣ по окончаніи богословскаго курса, Михаилъ Куземскій, своими блестящими дарованіями и твердымъ характеромъ, обратилъ на себя вниманіе покойнаго митрополита Михаила Левицкаго, который въ 1832 году приблизилъ молодаго Куземскаго къ своей особѣ и вмѣстѣ съ нимъ совершалъ свой объѣздъ львовской епархіи. Но чрезъ годъ Михаилъ Куземскій добровольно оставилъ службу при митрополитѣ и, сочетавшись бракомъ съ священническою дочерью Маріею Сѣчинскою, былъ въ 1833 г. рукоположенъ въ священники и поступилъ на приходъ въ дер. Залозцу.

Здѣсь, на второмъ году іерейства, Михаила Куземскаго посѣ-

тило страшное семейное горе: онъ лишился своей дорогой супруги, и долженъ былъ посвятить много своихъ личныхъ заботъ вскромленію и воспитанію малолѣтней дочери Юліи, которая въ послѣдствіи вышла замужъ за совѣтника львовскаго суда Ковальскаго. И на этомъ скромномъ поприщѣ Михаилъ Куземскій сумѣлъ, на сколько къ тому представлялось возможности, облагодѣтельствовать своихъ соплеменниковъ и братьевъ въ лицѣ собственныхъ прихожанъ. Пользуясь ихъ довѣріемъ и любовью, онъ основалъ въ Залозцахъ школу и поставилъ ее такъ высоко, что привлекъ въ нее не только дѣтей и даже взрослыхъ своего прихода, но также многихъ желающихъ учиться изъ другихъ, часто отдаленныхъ, деревень и мѣстечекъ. Такимъ образомъ онъ своими неусыпными трудами распространилъ въ своемъ околодкѣ грамотность и элементарныя знанія, и добрымъ вліяніемъ уничтожилъ пьянство, водворилъ миръ и благостояніе между простымъ народомъ. Въ 1836 году Куземскій былъ перемѣщенъ во Львовъ, на должность пенитенціярія при соборѣ св. Георгія, а чрезъ годъ назначенъ членомъ консисторіи, съ титуломъ консисторскаго канцлера. Состоя въ этой должности, онъ въ короткое время привелъ въ строгій порядокъ всѣ дѣла, вѣдѣнію консисторіи подлежащія, и за свои неусыпные труды награжденъ въ 1842 году возведеніемъ въ санъ прелата-схоліярха.

По званію схоліярха, или главнаго директора народныхъ училищъ, Куземскій принялъ въ свое завѣдываніе едва лишь 24 народныя школы, и съ этаго времени поставилъ главнѣйшею задачею своей дѣятельности умноженіе ихъ и устройство на новыхъ, лучшихъ началахъ. Представивъ вниманію правительства, что такъ называемыя народныя школы совершенно не оправдываютъ своего назначенія, такъ какъ учатъ тамъ многому чужому, а напротивъ народный элементъ обученія совершенно не имѣетъ въ нихъ мѣста, вслѣдствіе чего родители видимо предпочитаютъ такимъ училищамъ дьячковскія школы, въ которыхъ обученіе присходитъ на русскомъ языкѣ.—Куземскій выработалъ проектъ преобразованія первоначальныхъ училищъ въ духѣ чисто-народномъ, и когда послѣдовало одобреніе и утвержденіе этого проекта правительствомъ, то воспитаніе молодаго поколѣнія совершалось съ тѣхъ поръ уже въ духѣ русской народности и религіи. Возбудивъ такимъ образомъ въ своихъ соплеменникахъ любовь къ греко-уніятскому обряду, русскому языку и письменности, почтенный схоліярхъ заботился

о состоянiи русскихъ учебниковъ, о подборѣ надежныхъ во всѣхъ отношенiяхъ преподавателей и, въ результатѣ своей дѣятельности, учредилъ въ теченiе 15 лѣтъ болѣе тысячи народно-русскихъ школъ, послужившихъ крѣпкой основой правильнаго развитiя народно-русскаго духа. Рядомъ съ этими заботами, Куземскiй принималъ самое живо участiе въ заведенiи въ 1846 году учено-благоворительнаго общества, подъ названiемъ галицко-русской матицы, а также въ основанiи первой русской газеты.

Принявъ въ 1848 году предсѣдательство въ главномъ областномъ совѣтѣ во Львовѣ, Куземскiй сообщилъ и этому учрежденiю чисто-народное направленiе, способствовалъ къ открытiю по значительнымъ городамъ второстепенныхъ совѣтовъ, благодаря которымъ пробудилось у русиновъ нацiональное самосознанiе и возродилась братская солидарность между ними. Съ этихъ поръ Куземскiй, сосредоточивъ на себѣ неограниченное довѣрiе своихъ соплеменниковъ, всегда являлся во главѣ русскихъ депутацiй истолкователемъ желанiй и потребностей русскихъ галичанъ предъ австрiйскимъ императоромъ, и съ этихъ то поръ, то есть съ 1848 года, имя его связывается съ всякимъ народно-русскимъ проявленiемъ. По его вчинанiю, собралось во Львовѣ первое засѣданiе русскихъ ученыхъ и народолюбцевъ со всей Галичины, для соглашенiя объ одномъ общемъ литературномъ языкѣ и правописанiи; его неутомимыми трудами созданъ во Львовѣ «народный домъ», и благодаря его просвѣщенной дѣятельности возникли народные музеи и книгохранилища.

Дѣятельность въ пользу народа не ослабляла дѣятельности въ пользу церкви. Въ воздаянiе отличiй на этомъ поприщѣ, Куземскiй былъ возведенъ въ 1856 году въ санъ прелата-кустоша, а въ 1865 въ санъ архидiакона собора крылошанъ, генеральнаго викарiя митрополичьяго офицiяла. Въ этомъ званiи Куземскiй, кромѣ консисторiи, обязанъ былъ распространить свою благотворную дѣятельность и на всю митрополiю. Назначенный въ 1860 году членомъ министерства просвѣщенiя, онъ сумѣлъ отстоять неоднократныя попытки враговъ русскаго народа замѣнить древнiя кирилловскiя письмена латинскою азбукой, за что удостоенъ отъ нашего Августѣйшаго Императора орденомъ св. Анны второй степени съ короною.

Славное имя Михаила Куземскаго сдѣлалось столь извѣстнымъ

въ Имперіи, что этому замѣчательному дѣятелю предложено было со стороны нашего правительства принять вакантную епископскую каѳедру въ Холмѣ, и когда сей почтенный іерархъ изъявилъ на то свою полную готовность, то Высочайшимъ указомъ, 21-го мая сего года, назначенъ епископомъ-номинатомъ холмской епархіи и 22-го іюня утвержденъ въ семъ званіи, въ собраніи римской консисторіи, папою Піемъ IX. Обрядъ посвященія былъ исполненъ въ августѣ, нарочно пріѣхавшимъ во Львовъ папскимъ нунціемъ. Доказательствомъ же довѣрія и благоволенія къ преосвященному Михаилу Государя Императора служитъ то, что со времени рукоположенія въ епископы Куземскаго присланы отъ Его Величества драгоцѣнные дары: архіерейская митра, омофоръ, серебряный посохъ и другіе знаки епископскаго достоинства.

(Сѣв. Поч.)

ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНІЕ ХОЛМСКАГО ЕПИСКОПА МИХАИЛА.

Епископъ холмскій Михаилъ о вступленіи своемъ на епископскую каѳедру извѣстилъ свою паству окружнымъ посланіемъ. Послѣ разсказа о своемъ избраніи и посвященіи, преосвященный Михаилъ обратился къ своей паствѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Русскій народе! Ты всегда славился твердою вѣрою, и набожностію, и непоколебимою преданностію къ своимъ монархамъ, вѣдущи, що сущыя власти отъ Бога учинены суть, а противляяся власти, Божію повелѣнію противляется (Рим. 13, 23). Не меньше славился ты, русскій народе, постоянностію и любовью къ отеческимъ преданіямъ; любилъ есь и почиталъ завсегда пастырей и духовныхъ отцевъ своихъ. Къ тебѣ отже русскій народе холмской епархіи ввѣренному нашему архіерейскому управленію отзываемся днесь: *не отъ чужины* приходимъ къ вамъ возлюбленный, но отъ того же самаго русскаго народа, который тою самою бѣсѣдою що и вы, говоритъ, туюжде самую вѣру каѳолическую, що и вы, исповѣдуетъ и тѣхъ же самыхъ святыхъ обрядовъ греческихъ придержуется. Приходимъ къ вамъ съ полнымъ и необмеживымъ упованіемъ, що наставлоніямъ архіерея и отца вашего повиноватися и къ нему полное и необмежимое довѣріе имѣти будете.

Намъ не суть тайныи ни тяжкое бремя архіерейскаго званія, ниже неудобность силъ нашихъ; однакже облегаетъ намъ оныя по части торжественное запорученіе высокаго управительства, „що тоежде неякъ не будетъ стѣсняти совѣсти нашей, ниже нашему соединенію во вѣрѣ съ римско-каѳолическою церковью въ нѣчемъ препятствовати"; больше же его поддержуетъ и одобряетъ насъ крѣпкое упованіе на Бога, на Его помощь святую и на молитву вѣрныхъ. Вѣрныи о Христѣ сынове и дщери! Старайтеся всѣми силами о умноженіи хвалы Божіей и о спасеніи вашихъ душъ. Душъ пастыри—тіи-то отцы и проводники ваши, бдять о добро душъ вашихъ. Они приносятъ за насъ безкровную жертву, они преподаютъ вамъ святіи тайны; они проповѣдаютъ вамъ евангеліе Іисуса Христа, и обучаютъ васъ въ истинахъ вѣры и нравственности. Сего ради повинуйтеся наставленіямъ ихъ. Собирайтеся численно на богослуженіи, слухайте съ увагою слова Божего, и исполняйте заповѣди Божія и церковныя, а чада ваша воспитывайте въ страхѣ Господнемъ: сіе бо угодно есть Господеви." Документъ этотъ замѣчателенъ, какъ по формѣ изложенія и языку, такъ и по внутреннему содержанію. Въ немъ сразу обрисованъ человѣкъ, взявшій твердою рукою врученный ему жезлъ. Человѣкъ, который всю свою жизнь провелъ въ борьбѣ за свою народность, который велъ эту борьбу съ рѣдкимъ тактомъ и успѣхомъ, конечно, останется по гробъ вѣренъ своимъ принципамъ, и пріобрѣтеніе такого человѣка для Россіи,и особенно для привисланскаго края можно, кажется, почитать великою находкою. Одна твердая, громкая русская, съ малороссійскимъ выговоромъ, рѣчь его производитъ магическое вліяніе на предстоящихъ."

(Варш. Днев.)

ВЫСЫЛКА ВЪ НОВГОРОДЪ ПЛОЦКАГО ЕПИСКОПА ПОПЕЛЯ.

Изъ Варшавы пишутъ въ газету *Москва:* «На-дняхъ высланъ на жительство въ Новгородъ плоцкій епископъ Попель. Онъ постоянно отличался оппозиціоннымъ характеромъ. Всѣ новыя реформы, даже некасающіяся церкви, находили въ немъ тайнаго или явнаго сопротивника, и не пропускалъ онъ случая возбуж-

дать и въ населеніи подобныя же чувства. Такъ, въ прошломъ году, графъ-намѣстникъ, снисходя къ просьбамъ нѣкоторыхъ католическихъ духовныхъ особъ и некатолическихъ свѣтскихъ, разрѣшилъ епископамъ католическимъ объѣхать свои епархіи. Попель не преминулъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы произвести цѣлый рядъ манифестацій. Карета его была конвоирована отъ 120 до 200 человѣкъ отрядомъ, составленнымъ изъ польскихъ патріотовъ, наряженныхъ въ видѣ уланъ, гусаръ и т. п. Всюду стекались тысяти народа, предшествуемаго знаменами, хоругвями и проч. На вопросъ администраціи, что это значитъ, Попель объяснилъ, что все это суть выраженія преданности невинныхъ овечекъ къ нему, Попелю, какъ къ доброму пастырю, и что во всѣхъ этихъ манифестаціяхъ онъ дурнаго ничего не видитъ. Другіе епископы также обозрѣвали свои епархіи, однако ничего подобнаго не происходило. Но это дѣло прошедшее. Теперь правительство, говорятъ, обратилось къ нему, Попелю, съ требованіемъ выслать депутата въ Петербургъ въ учреждающуюся тамъ коллегію или синодъ католическій. Попель отказался исполнить это требованіе, и потому—такъ разсказываютъ — отправили его на жительство въ Новгородъ. Попелю сохранено и все содержаніе, простирающееся до 6,000 рублей».

(Русск. Инв.)

О РОЛИ ПОЛЬСКАГО ДУХОВЕНСТВА СРЕДИ ЗАПАДНО-РУССКАГО НАСЕЛЕНІЯ.

I.

Нельзя не согласиться, что римскій католицизмъ, помимо своего космополитическаго характера, проявляется у разныхъ народностей болѣе или менѣе своеобразно, смотря по тому, какія историческія судьбы пережиты народомъ и въ особенности, въ какія отношенія былъ онъ поставленъ къ римской куріи. Иначе поэтому усвоенъ римскій католицизмъ ирландцемъ, нежели французомъ, иначе проявляется онъ у жителя южной Италіи, нежели у германца. Чѣмъ дольше и сильнѣе находилась нація подъ вліяніемъ Ватикана, чѣмъ продолжительнѣе извѣстный религіозный орденъ направлялъ духовную жизнь народа, тѣмъ фанатичнѣе и нетерпи-

ніе выработался религіозный обликъ тѣхъ классовъ общества, которые подвергались этому вліянію. Въ этомъ отношеніи польское духовенство и польскій католицизмъ пановъ и шляхты представляетъ самый назидательный примѣръ того, что значитъ слишкомъ двухъ-сотъ-лѣтняя дѣятельность въ Рѣчи Посполитой самыхъ рьянныхъ служителей Ватикана—іезуитовъ, опекуновъ и воспитателей восьми поколѣній преимущественно высшаго и средняго слоя польской республики. А извѣстно, что по преимуществу на западный край нашъ, составлявшій нѣкогда часть Рѣчи Посполитой, направлены были самые грозные удары Ватикана и борцовъ его, іезуитовъ—этихъ бичей Христовыхъ, какъ они сами себя называли здѣсь, jesu—mastigiae; (canes latrant dominis suis et tu non vis, ut latrem pro Christo, сказалъ одинъ здѣшній інзуитъ). Здѣсь болѣе всего разыгралась вѣковая борьба папства съ православіемъ, здѣсь былъ авангардъ папскаго воинства, въ здѣшнемъ краѣ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Мицкевичъ, могущественная римская церковь приняла *польское* дѣло подъ свое покровительство и *оно сдѣлалось ея собственнымъ дѣломъ*. Понятно послѣ этого, какого рода своеобразностью должно было отличаться здѣшнее *польское* ксендзовство, здѣшній *польскій* католицизмъ; понятно, почему выпало ему на долю носить, даже до послѣдняго времени, печать самаго крайняго ультрамонтанства и почему нравственный кодексъ его мирно, не возмущая совѣсти, уживался съ притворствомъ и лицемѣріемъ, съ открыто проповѣдывавшеюся ненавистію къ иновѣрію русскихъ и съ убѣжденіемъ, что папистамъ позволяется все относительно православныхъ, хотя и составляющихъ громадное большинство населенія западныхъ губерній. Разумѣется, что при сложившихся такъ, *подъ покровительственнымъ вліяніемъ Рима,* обстоятельствахъ, польское духовенство влеклось къ нему всѣми своими симпатіями, для него не было земляковъ въ родной ему Руси литовской и совершенно справедливо графъ Толстой, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ о католицизмѣ въ Россіи, говоритъ по этому поводу, что «польское духовенство больше принавлежало Риму, чѣмъ своему отечеству, образовывало касту, а не классъ общества, больше привязано было къ своимъ интересамъ, чѣмъ къ интересамъ страны». При папскомъ же вліяніи, направленномъ противъ православія громаднаго числа подданныхъ Рѣчи Посполитой, для соблюденія интересовъ

папства ничего не значило прямое неисполненіе хотя бы и государственныхъ договоровъ. Такое хозяйничанье Рима на Руси литовской весьма наглядно выразилось между прочимъ уже и въ то время, когда царь Иванъ III Васильевичъ требовалъ исполненія торжественнаго договора его съ великимъ княземъ литовскимъ Александромъ, касательно свободнаго исповѣданія православія дочерью его, великою княгинею Еленою, женою Александра (1478). Царь настаивалъ, чтобы Александръ построилъ женѣ церковь греческаго закона, не давалъ ей слугъ латинской вѣры, не принуждалъ ее носить польское платье, а папа Александръ VI въ тоже самое время писалъ литовскому князю, что совѣсть его останется совершенно чиста, если онъ, не смотря на договоръ и присягу, употребитъ всѣ возможныя средства для склоненія Елены къ католицизму, когда же доводы эти не дѣйствовали на князя, то слѣдующій папа Юлій II въ 1505 году дозволилъ Александру жить съ иновѣрною женою только въ ожиданіи смерти отца ея, который уже очень старъ, или въ ожиданіи какого нибудь другаго обстоятельства. Но самое опасное время для западнорусскаго народа наступило съ роковаго года Люблинской уніи (1569), когда, подъ прикрытіемъ конвоя, прибыли въ Вильну іезуиты и принялись усердно за дѣло полонизаціи, къ которому приложили стараніе и другіе ордена. Іезуиты, со свойственною имъ проницательностію, сразу поняли, въ чемъ должна заключаться ихъ задача и съ наибольшимъ рвеніемъ взялись не за религіозную пропаганду, а за ослабленіе на Руси литовской русской народности. Средствомъ къ тому было избрано ополяченіе русскихъ посредствомъ школы, почему прежде всего іезуиты и захватили въ свои руки народное образованіе, начиная съ высшаго, то есть влiятельнѣйшаго слоя общества. Такъ какъ всегда и вездѣ языкъ служитъ основною и самою могущественною охраною народности, а оставляя господствующимъ русскій языкъ никогда не прервется связь съ восточною Русью, хранителницею православія Руси западной, то въ іезуитскихъ школахъ преподаваніе происходило на польскомъ и латинскомъ языкахъ, и самыя школы прежде всего заведены въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ особенности преобладалъ уже русскій элементъ и гдѣ уже были кальвинскія школы. Такъ открыты іезуитскія школы сначала въ Вильнѣ, потомъ въ Полоцкѣ, въ Нѣсвижѣ, Смоленскѣ, Оршѣ, Брестъ-Литовскѣ, Минскѣ

и въ другихъ мѣстахъ, Такимъ-то образомъ костелъ, по словамъ Мицкевича, взялъ на себя дѣло широкаго развитія и распространенія польскаго языка. Съ распространеніемъ іезуитскими, а потомъ и другихъ орденовъ школами польскаго языка и польской цивилизаціи, разумѣется, легко достигалось и окатоличеніе высшаго слоя западно-русскаго общества. Ополяченный принималъ католичество, какъ естественное послѣдствіе того воспитанія, которое было привито ему съ дѣтства. Отлучаемый отъ русской народности, онъ нечувствительно отвлекался и отъ православія, полонизируясь, становился ближе къ той вѣрѣ, исповѣданіе которой совершается на польскомъ языкѣ. Окатоличеніе являлось такимъ образомъ закрѣпленіемъ ополяченія. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что вмѣшательство во все польскаго духовенства приносило какъ ему, такъ и Ватикану огромную матеріальную пользу. Вмѣшательство это подчинило имъ съ теченіемъ времени не только пановъ и шляхту, но и самыхъ королей польскихъ съ помощію громадныхъ богатствъ, собранныхъ польскимъ духовенствомъ къ концу 46 лѣтняго царствованія знаменитаго покровителя іезуитовъ, Сигизмунда III, — богатствъ, съ которыхъ вносился папѣ извѣстный процентъ подъ названіемъ аннатъ.

Въ это время высшему духовенству въ Рѣчи Посполитой принадлежало 100,530 деревень, а во владѣніи приходскаго духовенства и монастырей было 60,530, и того, слѣдовательно, 161,060 деревень составляло достояніе духовенства, между тѣмъ, какъ король и дворянство имѣли въ своемъ владѣніи только 90,000 деревень, такъ что польское духовенство владѣло два столѣтія тому назадъ 2/3 всего государства. И при такомъ громадномъ богатствѣ это духовенство, какъ независимая каста, какъ status in statu, признававшее своего владыку ultra montes, нисколько не считало себя обязаннымъ нести какія либо имущественныя повинности для своего отечества, или подчиняться законнымъ требованіямъ свѣтской власти. Происходили безпрестанныя по этому поводу отклоновенія между обѣими властями, доходившія иногда до невѣроятнаго для нашего времени самоуправства духовныхъ. Такъ напр., въ концѣ XIV вѣка, епископъ виленскій Бжостовскій запретилъ крестьянамъ своихъ епископскихъ имѣній снабжать продовольствіемъ расположенныя у нихъ войска, подчиненныя началь-

ству виленскаго воеводы Сапѣги. По понятіямъ епископа костельныя имѣнія были свободны отъ всякихъ повинностей и если духовенство помогало иногда казнѣ, то не иначе, какъ только добровольными пожертвованіями. Принесенная имъ на Сапѣгу жалоба сперва въ литовскій трибуналъ, а потомъ и королю не была уважена. Тогда Бжостовскій пригласилъ епископовъ начать открытую борьбу противъ свѣтской власти. Не получивъ на то ихъ согласія, онъ рѣшился дѣйствовать одинъ. Онъ собралъ съ крестьянъ деньги, назначенныя для войска и держалъ ихъ у себя, приказалъ сжечь въ епископскихъ имѣніяхъ овесъ и сѣно, чтобы они не попали въ руки солдатъ, приказалъ ксендзамъ на исповѣди и въ проповѣдяхъ возмущать народъ противъ войска и его начальника Сапѣги. Нунцій папскій Сантаруце, судья и посредникъ между Сапѣгой и епископомъ, взялъ сторону епископа и обнародовалъ декретъ противъ Сапѣги. Сапѣга отвѣчалъ, что распущеніе войска зависитъ отъ правительства, а не отъ власти церковной и тѣмъ менѣе отъ посла иностраннаго государства, и что въ столь трудное время нѣтъ возможности вывести войска изъ епископскихъ имѣній. 18 апрѣля 1694 года Бжостовскій приказалъ по всей своей епархіи отлучить Сапѣгу и главнѣйшихъ его офицеровъ отъ церкви (на армію онъ не распространилъ проклятія); самъ первый произнесъ анаѳему противъ Сапѣги въ каѳедральномъ костелѣ въ Вильнѣ и прекратилъ на нѣсколько дней всякое богослуженіе, чтобы показать скорбь церкви. Дѣло это, продолжавшееся цѣлыхъ пять лѣтъ, кончилось тѣмъ, что Бжостовскій рѣшился наконецъ помириться съ Сапѣгой, съ тѣмъ, чтобы убытки взыскать со всей епископіи, о чемъ и просилъ папу, „Desiste, frater charissime, отвѣчалъ папа, a fastu et litigiis, sufficient tibi reditus episcopales, qui aliis episcopis sufficiebant et sufficiunt,“ т. е. брось, любезнѣйшій братъ, высокомѣріе, и споры, довольно тебѣ епископскихъ доходовъ, какими довольствовались и довольствуются другіе епископы. Случаевъ безсилія государственной власти,—когда постановленія ея папа и польское духовенство находили несогласными съ своимъ интересомъ,—множество; сеймы и короли спокойно подчинялись грозному veto Ватикана, хотя бы оно влекло за собою явный вредъ государству. Такъ два короля польскихъ, Владиславъ и Казиміръ, вступая на престолъ, торжественно клялись возстановить права православно-русскихъ подданныхъ Рѣчи

Посполитой, а оканчивали, благодаря вліянію на дѣла папъ съ іезуитами, совершеннымъ уничтоженіемъ этихъ правъ! Такъ Владиславъ, при избраніи въ короли, включилъ въ pacta conventa условіе возстановить права православныхъ и далъ клятву въ ихъ исполненіи. Сильная при дворѣ и на сеймѣ іезуитская партія настояла при этомъ, чтобы въ проектъ возстановленія правъ внесено было *только* выраженіе «salvandis juribis Romanae Ecclesiae,» т. е. съ сохраненіемъ законовъ римской церкви. Чѣмъ же кончилось дѣло? Въ Римъ, для рѣшенія его, отправлено было въ 1633 г. посольство, въ которомъ главная роль предоставлена была уніатскому епископу Корсаку: онъ такъ взволновалъ римскую курію, что конгрегація распространенія вѣры признала незаконными всѣ распоряженія короля, и папскій легатъ въ Польшѣ, архіепископъ Лариссенскій, немедленно получилъ приказаніе употребить всѣ возможныя средства къ отклоненію короля отъ даннаго слова и уничтоженію относящихся къ тому пунктовъ сеймовой конституціи, что разумѣется, и удалось легату. Или случай, напр., въ 1658 году, вскорѣ послѣ страшнаго для Рѣчи Посполитой факта—потери Малороссіи. Извѣстно, что гетманъ Выговскій, тотчасъ же послѣ смерти Богдана Хмѣльницкаго, измѣнилъ своему новому отечеству, Россіи, и съ значительною частію казаковъ опять передался на сторону Польши. Заключенъ былъ при этомъ между казаками и Польшею договоръ гадяческій, которымъ Польша сразу дала казакамъ то, чего не могъ добиться Хмѣльницкій со всѣмъ западно-русскимъ народомъ. Она предоставила имъ почти полную самостоятельность, надѣлила ихъ своею нобилитаціею, вполнѣ возстановляла западно-русское православіе, сравняла его въ правахъ съ латинствомъ, а унію рѣшилась истребить во всемъ государствѣ. Уступки эти во всей полнотѣ внесены въ сеймовую конституцію, въ исполненіи ихъ клялись всѣ заключавшіе гадячскій миръ, самъ король, два главные представителя латинскаго духовенства, примасъ гнѣзненскій и епископъ виленскій, клялись канцлеры, выборные отъ сейма. Пріятное впечатлѣніе производитъ чтеніе такого либеральнаго документа въ volumina legum (т. IV; стр. 395—307) на того, который ограничится только прочтеніемъ его въ volumina'хъ. Но какъ діаметрально противоположно разыгралось это дѣло въ дѣйствительности! Іезуитская партія, въ союзѣ съ уніатскою, съумѣла вывернуть на изнанку

самыя ясныя положенія договора. Партія эта стала убѣждать, что не унія, вполнѣ согласная съ латинствомъ, причиною бѣдствій Рѣчи Посполитой, а православіе, въ лицѣ казаковъ и народа, которому, слѣдовательно, унія должна быть прямымъ противодѣйствіемъ. Посланы жалобы къ верховному рѣшителю всѣхъ дѣлъ Рѣчи Посполитой—папѣ, жалобы, которыя повезъ ему совѣтникъ уніатско-іезуитскаго ордена базиліановъ, Пахомій Огилевичъ, а Гавріилъ Коленда, сначала архіепископъ полоцкій, а потомъ митрополитъ уніатскій, ораторствовалъ на сеймахъ въ такомъ смыслѣ, что въ концѣ концовъ всѣ уступки въ пользу православныхъ истолкованы такъ, какъ будто они относятся собственно къ уніатамъ. Мало того, уніаты пріобрѣли еще новое преимущество: митрополитъ Коленда получилъ отъ короля Яна Казиміра дипломъ, по которому ему предоставлено право назначать на всѣ духовныя вакансіи греческой вѣры (подъ которою разумѣлась и православная) лицъ по своему усмотрѣнію, помимо прихожанъ, патроновъ, сеймовыхъ избраній и даже помимо короля, то есть назначать усердныхъ слугъ своихъ, проникнутыхъ такою же, какъ и онъ, нетерпимостью. Такъ-то отзывалось на несчастной Рѣчи Посполитой *покровительство папъ*, которые, разумѣется, преслѣдовали свои цѣли, а не государственное и общественное благо Польши и ея подданныхъ. Польша была такимъ образомъ только орудіемъ папъ для борьбы ихъ съ православіемъ: нужды нѣтъ, что орудіе можетъ погибнуть, лишь бы цѣль римской куріи достигалась.

Съ теченіемъ времени вліяніе папъ на Польшу и соединенную съ нею Литву нисколько не умалялось, напротивъ того, если, съ развитіемъ анархіи, правительство польское не имѣло уже силъ справляться и со шляхтою, то тѣмъ менѣе, разумѣется, могло оно дѣйствовать на свое духовенство, слушавшее главу своего въ Римѣ. Какую силу пріобрѣлъ папа на фанатизированную іезуитами шляхту видно изъ того, что и въ XVIII столѣтіи онъ еще могъ возжигать въ ней религіозную ревность, какъ нѣкогда въ средніе вѣка въ остальной Европѣ. Такъ въ 1767 году, когда народъ склонялся на уступки, вслѣдствіе требованія сосѣднихъ державъ о расширеніи правъ диссидентовъ, папа Климентъ XIII прислалъ циркулярное письмо къ епископамъ польскимъ, которое должно было воспламенить умы народа и сейма и отклонить отъ уступокъ. Письмо это произвело такое потрясающее дѣйствіе, что тогдашній

посолъ нашъ въ Польшѣ, Рѣпнинъ, писалъ 5/17 августа того же года слѣдующее министру иностранныхъ дѣлъ, Панину: «я не могу довольно изобразить, сколь заражена здѣшняя нація суевѣріемъ и фанатизмомъ закона, и думаю, что *не могло то въ сильнѣйшемъ градусѣ быть и во время самыхъ кроазадовъ*». Но что всего удивительнѣе, такъ это непостижимый союзъ фанатизма религіознаго, съ низостію и двоедушіемъ руководившихъ этимъ дѣломъ людей, въ томъ числѣ и духовныхъ. «Изволите видѣть,» писалъ далѣе тотъ же Рѣпнинъ, «съ сколь честными людьми я имѣю дѣло, и сколь пріятны должны быть мои обороты и поведеніе; истинно боюсь, чтобы самому, въ семъ ремеслѣ съ ними обращаясь, мошенникомъ наконецъ не сдѣлаться.»

Вліяніе Рима и фанатическое настроеніе польскаго духовенства нисколько не прекратилось и со времени полнаго возсоединенія съ нами западныхъ губерній и присоединенія на вѣчныя времена Польши. Необузданная анархія и явное неуваженіе къ свѣтской власти не допускались уже съ этого времени нашимъ правительствомъ, но не смотря на то, благодаря Риму, прорывался иногда неожиданно самый грубый фанатизмъ, и притомъ въ самыя торжественныя и священныя для насъ минуты. Извѣстно, что благодушіе и личная иниціатива Александра I дала Польшѣ либеральную конституцію, но оставила духовенство въ тѣхъ же неограниченно-подчиненныхъ отношеніяхъ къ Риму—и вотъ, записанный въ „pamiętnikach Koźmiana,“ фактъ непостижимой въ остальной Европѣ нетерпимости; но всегда возможной при слѣпой преданности Риму. Едва окончилась въ Варшавѣ въ 1825 году печальная церемонія въ память почившаго монарха, какъ польское духовенство начало уже тревожиться мыслію о томъ, имѣло ли оно право возсылать къ небу молитвы о успокоеніи души Государя, принадлежавшаго къ другому исповѣданію. Смущеніе сдѣлалось еще сильнѣе, когда *изъ Рима полученъ былъ строгій выговоръ* по этому поводу; а епископъ Вороничъ, говорившій погребальную рѣчь въ костелѣ св. Яна, поспѣшилъ добровольно наложить на себя эпитемію и удалился на время въ бернардинскій монастырь. Дѣло это покажется еще возмутительнѣе, если обратить вниманіе на отношеніе покойнаго Государя къ римскому католицизму въ Россіи и его представителямъ. Тотъ же самый епископъ Вороничъ принесъ однажды Государю лично жалобу на тогдашня-

го министра народнаго просвѣщенія въ Польшѣ, Станислава Потоцкаго, за изданіе брошюры „Podróż do Ciemnogrodu,“ въ которой Потоцкій отзывался довольно рѣзко о фанатизмѣ польскаго духовенства, его проискахъ, его страсти вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла и т. п. Не смотря на то, что Потоцкій обратился также къ Государю съ письменнымъ опроверженіемъ, въ которомъ еще подробнѣе развивалъ мысль о фанатизмѣ польскаго духовенства и вредномъ его вліяніи на народъ, жалоба Воронича все таки была уважена, и Потоцкій принужденъ былъ выйти въ отставку, а мѣсто его занялъ Станиславъ Грабовскій, извѣстный покровитель польскихъ клерикаловъ. Погребеніе Государя обнаружило окончательно, кто былъ болѣе правымъ: изувѣръ ли Вороничъ, умѣвшій возстановить Государя противъ Потоцкаго, или послѣдній, упрекавшій епископа въ фанатизмѣ?

Какъ вело себя польское духовенство во время мятежа 1830 года и даже тотчасъ послѣ усмиренія его, видно между прочимъ изъ даннаго въ 1832 году римско-католической коллегіи предложенія тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, касательно упраздненія римско-католическихъ монастырей въ западныхъ губерніяхъ (191 монастыря изъ числа 304). «Изъ дѣлъ, производящихся въ слѣдственныхъ, коммиссіяхъ,» говоритъ министръ, «открывается, что въ продолженіе бывшихъ мятежей, многіе изъ монашествующихъ дерзнули явно именемъ религіи проповѣдывать измѣну и, какъ своимъ лжеученіемъ, такъ и дѣйствіями явили страшный и почти неслыханный въ иноческомъ санѣ примѣръ вѣроломства. Не довольствуясь сею мѣрою преступленій и употребляя во зло дарованное имъ всемилостивѣйшими манифестами прощеніе, нѣкоторые изъ нихъ, какъ мѣстное начальство имѣетъ право полагать, *даже и по возстановленіи въ западныхъ губерніяхъ спокойствія,* дозволяли еще себѣ волновать умы въ народѣ и, распространяя въ народѣ нелѣпые слухи, тѣмъ возбуждать къ непокорству законной власти. (Не происходило ли нѣчто подобное и по возстановленіи спокойствія послѣ усмиренія послѣдняго мятежа, въ особенности въ одной изъ губерній съ ея почти сплошнымъ католическимъ населеніемъ, гдѣ осенью 1865 года почему-то вдругъ понадобилось поднять на ноги цѣлое населеніе для *бержмованія?*) Въ томъ же предложеніи министра весьма характеристично то мѣсто, гдѣ излагаются мотивы упраздненія римско-католическихъ мо-

пастырей въ приходахъ чуждаго имъ исповѣданія, то есть посреди селеній греко-россійскихъ и греко-уніатскихъ. «Мѣстное положеніе римско-католическихъ монастырей», пишетъ министръ, «служитъ также доказательствомъ, что многіе изъ нихъ *основаны безъ всякой цѣли* и существуютъ безъ всякой пользы для окружающаго ихъ народонаселенія. Въ Литвѣ, Самогитіи и Инфлянтскихъ уѣздахъ, населенныхъ преимущественно жителями римско-католическаго исповѣданія, причитается по одному монастырю на 20, 30 и даже 40 тысячь душъ римскихъ католиковъ; между тѣмъ какъ въ южныхъ губерніяхъ и Бѣлоруссіи, гдѣ почти всѣ жители греко-россійскаго и греко-уніатскаго исповѣданій,—*по одному монастырю на двѣ и на одну тысячу душъ обоего пола* (конечно, римско-католическаго исповѣданія) сверхъ церквей, завѣдываемыхъ бѣлымъ духовенствомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что монахи сихъ монастырей, самымъ положеніемъ ихъ, поставляются въ необходимость вести жизнь *праздную,* безъ всякаго пособія ближнему и даже служащую въ тягость обществу.» Теперь, благодаря послѣднему мятежу и разоблаченію польскихъ замысловъ, мы достаточно знаемъ о томъ, *безъ всякой ли цѣли* существовали католическіе монастыри среди православнаго населенія и чѣмъ наполняли монахи жизнь праздную...

Обратимъ ли наконецъ вниманіе на недавнее время, на тотъ напр. торжественный моментъ въ жизни нашего народа, когда святое слово Царя объ улучшеніи быта крестьянства, возбудило въ средѣ его, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, такое дѣятельное стремленіе къ трезвости. Какъ же отнеслось къ этому дѣлу польское духовенство трехъ западныхъ губерній? Оно сдѣлало изъ него, орудіе самой фанатической пропаганды, оно воспользовалось имъ для порабощенія народа самому тягостному игу, дѣйствуя страхомъ и деспотически устраняя свободную волю и добровольное убѣжденіе крестьянина. Считая обязательнымъ для себя непризнанный въ Россіи уставъ о братствахъ трезвости папы Пія IX и обходя законъ, запрещающій безъ разрѣшенія правительства заводить какія бы то ни было общества или братства, польское духовенство заставляло жителей записываться въ установленныя для этой цѣли при костелахъ книги о трезвости и давать клятвенныя обѣщанія не употреблять вина никогда; крестьянинъ, позволявшій себѣ выпить рюмку вина, или *даже подозрѣваемый въ этомъ,* кро-

мѣ публичнаго посрамленія, наказывался духовенствомъ публично розгами и нагайками. Его привязывали къ дереву, заключали въ прикостельныхъ погребахъ, въ колодахъ и цѣпяхъ, и въ склепахъ, гдѣ ставятъ покойниковъ, вымазывали дегтемъ и т. п. Самый входъ въ питейное заведеніе и даже въ частный домъ еврея запрещался духовенствомъ католику, и нерѣдко, нарушавшій это запрещеніе подвергался тѣмъ же истязаніямъ, какъ и употреблявшій вино. Къ питейнымъ заведеніямъ приставлялись духовенствомъ сторожа изъ церковныхъ старшинъ (маршалковъ) или нищихъ для воспрещенія входа туда католикамъ; словомъ, подъ видомъ развитія нравственности въ народѣ, употреблялись мѣры, не предоставленныя законами даже судебной или исполнительной власти въ отношеніи къ обвиненнымъ по суду преступникамъ. Въ проповѣдяхъ страшили угрозами отлученія отъ церкви тѣхъ, которые употребляютъ вино; грозили не крестить дѣтей ихъ, не допускать до исповѣди и причащенія и не предавать христіянскому погребенію умершихъ. По поводу погребенія напр. былъ случай, который мы приведемъ здѣсь, какъ особенно ярко характеризующій крайнее изувѣрство польскаго духовенства и заносчивое отношеніе его въ тоже время къ гражданской власти. Въ 1862 году прибывшій въ одно мѣстечко, по своимъ дѣламъ, крестьянинъ-католикъ скоропостижно умеръ и былъ, какъ въ такихъ случаяхъ водится, похороненъ при посредствѣ полиціи на католическомъ кладбищѣ. Духовенство, на томъ основаніи, что умершій не принадлежалъ къ обществу трезвости, воспользовалось этимъ случаемъ для возбужденія проповѣдями фанатизма въ народѣ и въ заключеніе объявило, что кладбище осквернено и что никто изъ католиковъ не можетъ быть на немъ похороненъ до тѣхъ поръ, пока скоропостижно умершій не будетъ оттуда выброшенъ и кладбище не получитъ новаго освященія или не отведется мѣсто для новаго. Крестьяне, разумѣется, исполнили внушеніе, т. е. выкопали мертвеца и похоронили его за оградой, а духовное начальство,—то самое, которое, какъ мы видѣли, самовольно присвоило себѣ такую неограниченную власть, судебную и административную, надъ братчиками трезвости и не братчиками, сочло себя въ правѣ, по поводу дѣла о скоропостижно умершемъ, внушительно предложить высшей гражданской власти, чтобы она *не осмѣливалась* мѣшаться въ предѣлы духовной власти, ниже присвоивала себѣ

азузнаніе интересовъ чисто духовныхъ. Не слышится ли въ этихъ выраженіяхъ тотъ же клерикальный деспотизмъ, который съ большею только рельефностью выразился въ столкновеніи Ѳостовскаго съ Сапѣгой?

Умолчимъ здѣсь о тѣхъ, еще остающихся у всѣхъ въ свѣжей памяти, продѣлкахъ и демонстраціяхъ польскаго духовенства во время послѣдняго мятежа, которыми оно болѣе или менѣе успѣшно волновало бѣлорусскихъ и литовскихъ католиковъ. Умолчимъ здѣсь и о томъ, какіе происки употребляло это духовенство до послѣдняго времени въ Римѣ при замѣщеніи епископскихъ каѳедръ въ Россіи, съ подробностями чего желающіе могутъ познакомиться изъ опубликованныхъ выдержекъ изъ бесѣдъ въ 1858-мъ году ксендза Фелинскаго съ студентами с.-петербургской римско-католической академіи, напечатанныхъ въ Вѣстникѣ западной Россіи за 1865—66 годъ. Нынѣ, съ упраздненіемъ конкордата, настало, кажется, наконецъ время, когда будутъ изысканы дѣйствительныя средства, чтобы прекратить возможность нарушенія Римомъ неотъемлемыхъ правъ русской державы и подвластныхъ ей русскихъ подданныхъ. Такъ точно, какъ крестьянская реформа призвала къ новой гражданской жизни милліоны несчастныхъ хлоповъ-католиковъ, изнывавшихъ въ вѣковомъ рабствѣ польскихъ пановъ, такъ соотвѣтственная энергическая мѣра къ полному устраненію польской пропаганды, въ уродливомъ союзѣ ея съ религіею, способствовала бы нравственному перерожденію русскихъ подданныхъ-католиковъ бѣлорусской и литовской рѣчи. Дѣло это облегчается очевидными уже благими результатами и другой, хотя скромной, но не менѣе важной, реформы народнаго образованія, основаннаго на русскихъ началахъ; мирныя реформы эти прямо доказали, что о благѣ народа заботится теперь русское правительство, а не прежніе владыки и руководители народа—польскіе паны съ ксендзами. Только рабство и невѣжество народа обусловливали власть послѣднихъ надъ набожною и непросвѣщенной массой, которой навязывалась чуждая ей польщизна. Что же касается до искорененія ея и въ средѣ католическихъ пастырей русскаго и литовскаго народа, то оно наступитъ только въ то время, когда—воспользуемся приведеннымъ выше выраженіемъ Мицкевича—римская церковь будетъ поставлена въ невозможность сливать польское дѣло на Руси съ ея собственнымъ дѣломъ, и когда, слѣдо-

вательно, духовенство среди западно-русскихъ и литовскихъ католиковъ перестанетъ быть *польскимъ*. О возможности же этого желаннаго и нисколько не затрогивающаго религіи дѣла мы поговоримъ въ слѣдующей статьѣ.

(Продолженіе будетъ).

ПРОЩАНІЕ БЫВ. КОВЕНСКАГО ЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРА СЪ СВОЕЮ ПАСТВОЙ.

8-го сентября, преосвященнѣйшій Александръ, бывшій ковенскимъ, а нынѣ минскій и бобруйскій епископъ, прощался съ своею ковенскою паствою. Чтобы легче представить трогательность этого прощанія, нужно припомнить, что уже семнадцать лучшихъ лѣтъ своей жизни и дѣятельности преосвященнѣйшій Александръ посвящаетъ сѣверозападному краю и что епископское служеніе свое онъ началъ въ Ковнѣ около восьми лѣтъ тому назадъ. Достаточно назвать 1861 годъ, чтобы привести на память начало прошлаго мятежа и неисчислимый рядъ вынесенныхъ русскими тяжкихъ испытаній, язвительныхъ оскорбленій и преслѣдованій. Въ то тяжелое время преосвященный Александръ жилъ въ Пожайскомъ монастырѣ, въ восьми верстахъ отъ города Ковны, на самомъ берегу Нѣмана, слѣдовательно, на самой польской границѣ. Живописная долина Нѣмана, большой лѣсъ, одѣвающій правый берегъ его и окружающій монастырь,—все это очень красиво и привлекательно, особенно въ лѣтнее время; но въ то недоброй памяти время, когда лѣса наполнялись шайками и когда въ самомъ губернскомъ городѣ не было другаго войска, кромѣ обыкновеннаго гарнизона, жизнь въ монастырѣ не представляла никакого ручательства за личную безопасность. По разсказамъ русскихъ старожиловъ, — которыхъ, впрочемъ, въ Ковнѣ не насчитывается болѣе десятка,—самымъ тяжкимъ для нихъ было время приготовленія къ мятежу. Всѣ знали, что замышляется и готовится что-то недоброе; но никто не зналъ, что же будетъ и что будетъ сдѣлано въ отпоръ злодѣйскимъ замысламъ. Неизвѣстность становилась тѣмъ мучительнѣе, чѣмъ болѣе распространялись мятежныя прокламаціи и разбрасывались подметныя письма пасквильнаго или угрожающаго содержанія. При неизвѣстности, при униженіи, до

котораго почти систематически доведены были здѣшніе русскіе нужно было много христіанскаго самоотреченія, чтобы безотрадно влачить жизнь и безнадежно выслушивать, какъ тотъ или другой изъ русскихъ или семейства ихъ ежедневно подвергались дерзкимъ оскорбленіямъ. И вспомнить стыдно, что эти оскорбленія доходили до оплеванія. Припоминать-ли, что санъ освященства и даже епископства не спасалъ отъ наглостей грубаго невѣжества и политическаго изувѣрства? Какъ ни больно, но въ этой корреспонденціи нельзя не припомнить, что преосвященнѣйшій Александръ, этотъ благодушнѣйшій и всѣми глубоко чтимый архипастырь, въ самой Вильнѣ былъ жертвою многократныхъ и безнаказанныхъ оскорбленій. И вотъ среди этой мрачной дѣйствительности началось епископское служеніе преосвященнѣйшаго Александра. Всегда благодушный, онъ явился въ Ковнѣ для немногихъ тогда русскихъ утѣшителемъ скорбящихъ, защитникомъ гонимыхъ, а подъ часъ и кормильцемъ голодающихъ, словомъ, пастыремъ бодрымъ и добрымъ. Не смотря на то, что жилъ въ монастырѣ, онъ былъ центромъ, около котораго группировалось нѣсколько лицъ, представлявшихъ все русское общество, въ каждый же воскресный и праздничный день имѣлъ обычай пріѣзжать въ Ковну для богослуженія. Вскорѣ и эти переѣзды на разстояніи восьми верстъ отъ губернскаго города сдѣлались не безопасными; по крайней мѣрѣ, въ одинъ изъ праздничныхъ дней мѣстный исправникъ предупредилъ преосвященнѣйшаго, чтобы не пріѣзжалъ въ городъ, потому что *и въ лѣсу, и въ городѣ не безопасно.* „Если я не поѣду, кто же поѣдетъ," рѣшилъ архипастырь и не измѣнилъ своему обычаю. Не трудно представить, каково было жить въ монастырѣ въ такое время и безъ всякой матеріальной защиты. Немногимъ улучшилось положеніе и тогда, когда во время самаго разгара мятежа было прислано до двадцати козаковъ. Чтобы не распространяться болѣе о тогдашнемъ почти безучастномъ положеніи русскихъ людей въ Ковнѣ и Ковенской губерніи, заключу однимъ характернымъ разсказомъ. Въ началѣ 1865 года, когда мятежъ отошелъ уже въ разрядъ мрачныхъ воспоминаній, преосвященнѣйшій Александръ ѣхалъ изъ Вильны въ Пожайскій монастырь. При самомъ въѣздѣ въ монастырскій лѣсъ онъ встрѣтилъ своего намѣстника, о. архимандрита Антонія. Когда они сѣли въ экипажъ, преосвященный обратилъ вниманіе на необычайность подобной встрѣчи. О. намѣстникъ

сперва затруднялся, а потомъ разсказалъ, что вышелъ не одинъ, что по лѣсу близъ дороги сторожатъ и нѣкоторые изъ братіи, потому что всѣ они встревожены слухами и толками, будто „схизматическому бискупу не доносить головы" до перестройки костела въ православный храмъ. Грозили местію за то, что преосвященный Александръ исходатайствовалъ разрѣшеніе перестроить въ православный храмъ мрачный и уже приближавшійся къ разрушенію костелъ доминиканскаго монастыря, который былъ упраздненъ за участіе въ мятежѣ тридцатыхъ годовъ. Теперь этотъ ветхій костелъ—прекрасная, приписная къ собору церковь, освященная во имя московскихъ святителей. Она стоитъ почти на дворѣ гимназіи, оглашается стройнымъ пѣніемъ гимназическаго хора и навсегда останется прекраснымъ памятникомъ просвѣтительной дѣятельности преосвященнаго Александра и бывшаго директора Ковенской гимназіи, а нынѣ помощника попечителя виленскаго учебнаго округа, И. Я. Шульгина. Преосвященный Александръ исходатайствовалъ средства на перестройку костела въ храмъ, а И. Я. Шульгинъ занимался работами по перестройкѣ и потомъ, по освященіи храма, былъ избранъ и доселѣ оставался попечителемъ храма.

Мы припомнили обстоятельства, среди которыхъ началась архипастырская дѣятельность преосвященнаго Александра. Да проститъ намъ скромность нашего владыки, если скажемъ, что многіе изъ его ковенской паствы обязаны ему разнородными личными одолженіями и всѣ принадлежатъ ему навсегда глубокимъ почтеніемъ и искреннею любовью.

Мы не имѣли въ виду характеризовать плодотворную его дѣятельность во всѣхъ подробностяхъ. Мы упоминаемъ объ ней на столько, на сколько нужно для оцѣнки впечатлѣній, пережитыхъ нами 8-го сентября. День выдался праздничный и теплый. Исключительность случая собрала въ ковенскій соборный храмъ все русское общество и немало крестьянъ изъ единственнаго въ уѣздѣ православнаго села. Богослуженіе было торжественное и вышло трогательнѣе обыкновеннаго. Общее благоговѣйное настроеніе выразилось въ той совершенной тишинѣ, среди которой, не смотря на массу молящихся, слышалось каждое слово негромкаго голоса архипастыря. По окончаніи литургіи и царскаго молебна, выйдя изъ алтаря, весь растроганный, преосвященный Александръ остановился на амвонѣ и произнесъ прощаль-

ное слово къ бывшей паствѣ своей. Такого рода рѣчи не составляются напередъ, не пишутся. Въ какой мѣрѣ эта, послѣдняя для Ковенской паствы, рѣчь преосвященнаго Александра была прочувствована съ обѣихъ сторонъ, можно заключать изъ того, что не только женщины рыдали, но и у многихъ мущинъ лились слезы. На сколько память не измѣнила намъ, мы приведемъ, по крайней мѣрѣ, содержаніе прощальной рѣчи преосвященнаго:

„Нынѣ послѣднее къ вамъ, православная братія, отъ меня слово,—слово мира, любви, молитвеннаго благожеланія и сожалѣнія." Начавъ этими выраженіями, архипастырь припомнилъ святое содержаніе прощальной бесѣды Спасителя съ Апостолами, указалъ на примѣръ апостоловъ, „вѣщавшихъ миръ градамъ и весямъ," и привелъ въ подкрѣпленіе прощальныхъ благожеланій своихъ всю церковь, которая при каждомъ богослуженіи возглашаетъ „миръ всѣмъ" устами священнослужителей. Потомъ преосвященнѣйшій изъяснилъ миръ, оставляемый и желаемый имъ ковенской паствѣ, не только какъ житейское согласіе и единодушіе, но и какъ спокойствіе совѣсти и примиреніе души съ Богомъ. „Съ такимъ миромъ неразлучна любовь и, лучше, истинный миръ невозможенъ безъ любви." Въ любви—новый завѣтъ Христа христіанамъ: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга.* Собравъ черты любви христіанской у апостоловъ, преосвященный выразилъ молитвенное желаніе, чтобы эта любовь соединяла и хранила наше общество, ибо „и малое по численности своей стадо Христово, согрѣтое такою любовію, дѣйственно и непобѣдимо среди всякихъ испытаній." Пожелавъ ковенской паствѣ внутренней силы, почерпаемой въ мирѣ души и въ любви христіанской, преосвященный трогательно перешелъ къ прощанію съ нами. „При разлукѣ," сказалъ онъ, „любовь пробуждаетъ въ нашемъ сердцѣ сожалѣніе и скорбь. Не могу и я не сожалѣть, оставляя мѣсто почти восьмилѣтняго служенія и прощаясь съ вами, любимыми и любящими. Сожалѣя, не могу и не оскорбѣть, ибо несовершенно исполнилъ долгъ пастыря добраго, не часто бесѣдовалъ съ вами, недовольно поучалъ словомъ, еще менѣе жизнію, мало руководилъ васъ по пути спасенія, многаго, къ чему побуждало и сознаніе и даже хотѣніе, не успѣлъ или не могъ сдѣлать. Скорблю и страшусь строгаго отвѣта на судѣ Божіемъ. Страшусь и молю милосерднаго Бога, да проститъ вольную и невольную невнимательность къ пастырскому долгу. Молю и васъ, братья, простить мнѣ

и доброю жизнію засвидѣтельствовать предъ Господомъ, что моя безпечность не имѣла вреднаго вліянія на вашу религіозную жизнь. При сознаніи неисполненнаго долга одно теперь остается мнѣ утѣшеніе. Это—непрерывающаяся молитва за васъ и всѣхъ, ввѣренныхъ моему пастырскому водительству. Молюсь, вѣрю и надѣюсь, что непрестанная молитва ко Господу о вашемъ спасеніи будетъ восполнять несодѣянное въ свое время, и самъ Господь Своею благодатію уврачуетъ немощное и восполнитъ оскудѣвающее въ семъ избранномъ стадѣ своемъ. Молю, да призритъ Самъ Всевышній съ небеси, да посѣтитъ и утвердитъ духовный виноградъ сей, насажденный Его всемощною Десницею. Молитвенно желаю, да возрастаетъ малая паства ковенская, да утверждается въ вѣрѣ и да укрѣпляется въ надеждѣ на благодатную, всегда присущую и хранящую помощь Божію. Да преуспѣваете въ любви Христовой нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ."

Да проститъ намъ преосвященнѣйшій архипастырь, если, воспроизводя по памяти, мы не передали всего, имъ сказаннаго и невольно уклонились отъ текста его рѣчи. Помнимъ, что она заключилась словами неподдѣльной просьбы о прощеніи и памятованіи въ молитвахъ, словами искренней благодарности за любовь взаимную и пастырскимъ благословеніемъ.

Едва кончилъ архипастырь, какъ за амвономъ сталъ одинъ изъ священниковъ ковенскаго собора, о. Николай Введенскій, и произнесъ тоже полное мысли и неподдѣльнаго чувства любви къ архипастырю прощальное слово. По выходѣ изъ церкви все общество проводило архипастыря въ его покои, въ которыхъ высокопреосвященный предсѣдатель ковенскаго православнаго братства, архіепископъ Антоній, заранѣе назначилъ на 8-е сентября очередное собраніе братства 1). При этомъ имѣлось въ виду, чтобы основатель его, преосвященный Александръ, почтилъ своимъ присутствіемъ послѣднее для него собраніе братства въ тѣхъ же покояхъ, въ которыхъ открылъ и благословилъ его дѣятельность еще 6-го декабря 1864 года. Засѣданіе совершилось въ обычныхъ формахъ. Но нельзя не замѣтить двухъ особенностей этого, хотя и очередного, но все же исключительнаго собранія. Во-первыхъ, нашелся неизвѣстный благотворитель, который внесъ 25 руб. въ

---

1) Ежемѣсячныя очередныя собранія братства бываютъ обыкновенно въ залѣ гимназіи.

братскую кассу. Во-вторыхъ, члены совѣта были такъ настроены, что всѣ прошенія были удовлетворены щедрѣе обыкновеннаго. Преосвященный Александръ, заключая засѣданіе, выразилъ собранію свое удовольствіе, такъ какъ въ теченіе четырехъ лѣтъ дѣятельность братства сдѣлала значительные успѣхи по всѣмъ параграфамъ устава. Едва къ тремъ часамъ окончилось засѣданіе. Преосвященный благословилъ всѣхъ членовъ совѣта и каждаго изъ братчиковъ и сестеръ и принялъ приглашеніе ихъ на прощальный хлѣбъ-соль въ залѣ гимназіи.

Предложенная братствомъ нероскошная трапеза не имѣла и не могла имѣть ни вида, ни значенія пира. Это былъ скромный прощальный обѣдъ. Гимназическій и архіерейскій хоры съ аккомпаниментомъ небольшаго оркестра исполнили „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ," когда чествуемый гость вошелъ въ залу, и „Боже Царя храни", когда нашъ вице-губернаторъ В. Л. Давыдовъ 2) поднялъ начальный и самый дорогой тостъ за здоровье Государя Императора. Когда смолкли не разъ повторенные звуки народнаго гимна и клики народной преданности Государю, В. Л. Давыдовъ произнесъ тостъ „за здравіе маститаго нашего архипастыря, высокопреосвященнѣйшаго Іосифа, митрополита литовскаго и виленскаго," а преосвященный Александръ — тостъ „за здоровье главнаго начальника края, А. Л. Потапова." Послѣ этихъ тостовъ В. Л. Давыдовъ произнесъ тостъ за чествуемаго гостя въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Мм. гг.! въ настоящую торжественно-грустную минуту еще среди насъ высоко чтимый, владѣющій самымъ горячимъ сочувствіемъ нашимъ, нашъ глубоко-уважаемый архипастырь. Скоро его не будетъ съ нами, но въ насъ навсегда останутся неизгладимыми свѣтлыя воспоминанія о его личности, о его дѣятельности. Эти чувства, съ которыми мы провожаемъ ваше преосвященство,

---

2) Губернатора, кн. М. Л. Оболенскаго, не было въ городѣ. Онъ былъ на ревизіи Россіенскаго уѣзда и, не успѣвъ вернуться къ обѣду въ честь преосвященнаго, съ дороги прислалъ на имя вице-губернатора слѣдующую телеграмму: «Передайте преосвященному Александру искреннее сожалѣніе, что не могу посѣтить къ прощальной въ честь его трапезѣ. Передайте еще болѣе искреннюю скорбь о томъ, что ввѣренная мнѣ губернія лишается достойнаго и любимаго архипастыря. Отъ души желаю успѣха на новомъ служеніи. Прошу архипастырскаго благословенія.

конечно, найдете и между новой ввѣренной вамъ паствой. Мы же, разставаясь съ вашимъ преосвященствомъ, просимъ васъ и на будущее время не оставлять насъ вашимъ добрымъ вниманіемъ и доброй памятью. Считая себя счастливымъ, что мнѣ выпалъ жребій выразить предъ вашимъ преосвященствомъ тѣ высокія чувства, которыми всѣ мы къ вамъ преисполнены, поднимаю заздравный бокалъ за многолѣтіе и благоденствіе вашего преосвященства на минской каѳедрѣ."

Преосвященный Александръ отвѣтилъ на этотъ тостъ тремя тостами „за здоровье г. начальниками губерніи," а потомъ „за здоровье предсѣдателя ковенскаго братства, высокопреосвященнаго архіепископа Антонія" и „за процвѣтаніе ковенскаго братства и преуспѣяніе его плодотворной дѣятельности." Послѣ этого ряда тостовъ окружный инспекторъ виленскаго учебнаго округа Н. Н. Новиковъ обратился къ преосвященному Александру съ рѣлью, въ которой обстоятельно изложилъ плодотворную дѣятельность преосвященнаго Александра въ знаменательное время движенія къ православію въ массахъ бѣлорусскаго и частію литовскаго народа. „Вы овладѣли смысломъ этого явленія," сказалъ между прочимъ г. Новиковъ преосвященному, вы стали на сторонѣ народнаго чувства, направили его просвѣтительно и освятили для него 38 храмовъ. Мудрено ли, что изъ всѣхъ слоевъ вами же подготовленнаго мѣстнаго общества, явились вамъ сотрудники? Прощаясь съ вами, мы не можемъ не пожелать, чтобы хранилъ Господь взлелѣянныя вами начала въ ихъ безпримѣсной святости и далъ имъ ростъ и силу на торжество русскаго православія, во славу Царю-Освободителю и на пользу нашему отечеству." Въ отвѣтъ на эту рѣчь преосвященный Александръ смиренно отклонилъ отъ себя рядъ приписываемыхъ ему заслугъ и при этомъ засвидѣтельствовалъ, что весь успѣхъ въ церковной жизни края въ послѣднее время составляетъ плодъ жизни и награду многолѣтней мудрой и зиждительной дѣятельности высокопреосвященнаго Іосифа, митрополита литовскаго и виленскаго.

Въ ряду послѣдующихъ тостовъ за православное духовенство Ковенской губерніи, за процвѣтаніе гимназій и училищъ Ковенской губерніи, за здоровье всѣхъ русскихъ и т. п., съ особеннымъ одушевленіемъ и единодушіемъ приняты были тосты за здоровье новаго помощника попечителя виленскаго учебнаго округа и здоровье попечительницы братской школы, А. В. Шульгиной.

Простите, корреспонденція мои растянулась. Но мнѣ хотѣлось выразить, что весь день 8-го сентября былъ искренно отданъ цѣлымъ ковенскимъ обществомъ досточтимому и любимому архипастырю и что впечатлѣнія этого дня будутъ принадлежать къ числу самыхъ свѣтлыхъ воспоминаяій каждаго изъ насъ.

12-го сентября, преосвященный Александръ выѣхалъ изъ Пожайскаго монастыря обратно въ Вильну. Снова все ковенское русское общество собралось на станціи желѣзной дороги, чтобы еще разъ засвидѣтельствовать его преосвященству искреннѣйшее почтеніе и получить архипастырское благословеніе въ послѣдній разъ. Мысль объ этомъ послѣднемъ разѣ тяготѣла надъ всѣми, но не выражалась, чтобы не вырвались едва сдерживаемыя слезы....

Сообщаемъ о дальнѣйшемъ разставаньи преосвященнаго Александра вообще съ литовскою епархіей.

„Дѣйствительно, какъ замѣчаетъ и самъ преосвященный, онъ не имѣлъ времени достаточно бесѣдовать съ своею паствою (ковенскою), ему нѣкогда было поучать ее словомъ, а тѣмъ болѣе жизнію. Почти все время своего восьми-лѣтняго викаріатскаго служенія онъ провелъ въ Вильнѣ, куда постоянно, неотступно звали его епархіальныя занятія; да и это время онъ не сидѣлъ сиднемъ, а очень часто ему приходилось *странствовать* по обширной литовской епархіи: онъ изъѣздилъ ее по всѣмъ направленіямъ и каждая мѣстность губерній виленской и ковенской ему очень хорошо знакома. Въ одномъ мѣстѣ онъ являлся въ видѣ епархіальнаго ревизора; въ другомъ онъ устроялъ храмъ Богу, освящалъ его для духовныхъ нуждъ христіянина, провозглашалъ въ истинномъ свѣтѣ имя Божіе, освѣщая своимъ архіерейскимъ словомъ историческую, мѣстную истину, разрушая ложь; въ иномъ мѣстѣ онъ являлся, какъ частный человѣкъ, посмотрѣть духовное преуспѣяніе своихъ пасомыхъ; преподать отеческій совѣтъ, архипастырское благословеніе. И вездѣ привыкли видѣть въ немъ дорогаго нѣжнаго отца, который всегда приметъ въ васъ участіе, пособитъ вамъ, чѣмъ можетъ, покрайности не отпуститъ тща. За то и серда всѣхъ были открыты ему: вездѣ онъ чувствовалъ себя среди своихъ.

И съ такимъ преосвященнымъ пришлось проститься ковенской паствѣ. Понятно, что прощаніе было радушное, искреннее. Виленская губернія тоже привыкла считать его своимъ архіереемъ. Такъ, значитъ, былъ удаченъ, съ одной стороны, выборъ высокопреосвященнаго Іосифа, который поручалъ преосвященному разнаго рода дѣла; съ другой—избранникъ выполнилъ съ достоинствомъ возложенную на него не легкую задачу и „вѣрный вмалѣ былъ призванъ на болѣе широкое поле дѣятельности.“

Въ Вильнѣ прощаніе преосвященнаго было не менѣе торжественно, искренно, радушно, какъ и въ Ковнѣ, хотя въ послѣдней оно было гораздо общественнѣе, какъ бы виднѣе; въ Вильнѣ оно совершилось чисто семейственнымъ образомъ. Рано утромъ 17 сентября, преосвященный оставилъ городъ Вильну, напутствуемый благожеланіями многихъ и сопровождаемый до первой станціи Рукойнь нѣкоторыми духовными и свѣтскими лицами. Въ послѣдній разъ преподавъ въ Рукойняхъ благословеніе своимъ спутникамъ, а въ лицѣ ихъ всей бывшей паствѣ, и простившись сердечно, преосвященный поспѣшилъ далѣе. Вездѣ, гдѣ приводилось останавливаться преосвященному, его встрѣчало мѣстное духовенство и другіе, чтобы въ послѣдній разъ получить благословеніе отъ любимаго своего пастыря. Ночевать преосвященный порѣшилъ въ Молодечнѣ, въ учительской семинаріи.

Учительская семинарія давно знакома преосвященному. Отчасти онъ принималъ участіе въ дѣлѣ ея первоначальнаго основанія. Интересуясь истинно-народнымъ, здоровымъ, русскимъ православнымъ образованіемъ, онъ при каждомъ удобномъ случаѣ старался заглянуть въ семинарію, желая убѣдиться на сколько порвоначальные проекты и предположенія приводятся здѣсь въ исполненіе. Такимъ образомъ преосвященному приходилось быть три раза въ семинаріи до 1868 года. 1-й разъ въ 1865 году и два раза въ 1866 году. Всякій разъ преосвященный оставался доволенъ этимъ заведеніемъ, полюбилъ его, увидѣлъ въ немъ для себя что то родное, считалъ его какъ бы своимъ домомъ. И тетеперь въ четвертый разъ, семинарія имѣла счастіе принять у себя дорогаго гостя. Онъ прибылъ въ Молодечно, часу въ 10-мъ вечера, и былъ встрѣченъ на дворѣ семинаріи служащими въ ней лицами. На встрѣчу преосвященному поспѣшилъ архитекторъ А. В. П., занимающійся постройкою церквей православныхъ по виленскому уѣзду. Такъ какъ въ Молодечнѣ строится новая, ка-

менная церковь, то онъ и просилъ преосвященнаго на слѣдующій день посмотрѣть эту вновь воздвигающуюся святыню и дѣйствительно красующуюся въ Молодечнѣ. Преосвященный съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе. Было уже поздно. Преосвященному пора было и отдохнуть, тѣмъ болѣе, что на слѣдующій день ему предстоялъ новый путь. Предложивши преосвященному чай, за которымъ присутствовала и небольшая семья семинарскихъ наставниковъ, попросивши его посѣтить на слѣдующій день классы семинаріи и съ тѣмъ вмѣстѣ благословить воспитанниковъ, директоръ семинаріи, а съ нимъ вмѣстѣ и наставники простились съ преосвященнымъ до слѣдующаго дня, пожелавъ ему покойнаго отдыха.

На слѣдующій день утромъ, часу въ 8-мъ, явилось къ преосвященному мѣстное и сосѣднее духовенство. Отрадно было преосвященному вездѣ встрѣчать своихъ сотрудниковъ, лицъ, съ которыми въ продолженіи многихъ лѣтъ онъ трудился на одномъ и томъ же поприщѣ, но съ другой стороны, нѣкоторая жалость закрадывались въ сердце, при той мысли, что вѣдь это—прощальная разлука. Хорошо знакомый съ мѣстнымъ, современнымъ положеніемъ дѣлъ, преосвященный вездѣ оставлялъ совѣты—не уставать въ начатомъ добромъ дѣлѣ ни передъ какими трудностями: Богъ и русскіе добрые люди воздадутъ труженникамъ добромъ за это „во время свое." Часовъ около 9-ти преосвященный посѣтилъ классы семинаріи: спрашивалъ у учениковъ грамматическій разборъ, по закону Божію, по русской церковной исторіи, по географіи Россіи; отвѣтами учениковъ преосвященный остался доволенъ и благословилъ каждаго изъ нихъ на память крестикомъ, совѣтуя имъ въ тоже время помнить о своемъ высокомъ назначеніи, стараться быть достойными его, напоминая также объ ихъ громадной отвѣтственности по своему воспитанію предъ Богомъ, Государемъ и отечествомъ. Попросивши спѣть: „Тайнъ еси, Богородице, рай..,", преосвященный простился съ учениками, Все уже было готово къ отъѣзду. Преосвященный осмотрѣлъ еще семинарскую церковь и отправился въ дальнѣйшій путь. По дорогѣ осмотрѣлъ и строющуюся молодечненскую приходскую церковь. Нѣсколько лицъ провожало преосвященнаго до первой станціи. Еще одна станція, и уже начиналась для преосвященнаго его новая, минская епархія... Все шествіе его сопровождалось одними благожеланіями."

Въ среду, 18-го мин. сентября, въ 5½ часовъ по полудни преосвященнѣйшій Александръ, прибылъ въ Минскъ. При въѣздѣ въ городъ, его преосвященство былъ встрѣченъ властями города и городскимъ обществомъ. Благосклонно принявъ подносенные при этомъ градскимъ головою хлѣбъ-соль, архипастырь благословилъ городъ на всѣ четыре стороны, и затѣмъ, при колокольномъ звонѣ, изволилъ отправиться въ каѳедральный соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ всѣмъ духовенствомъ г. Минска и множествомъ народа, наполнявшаго соборъ и соборную площадь. Здѣсь, послѣ краткаго молебствія, на которомъ провозглашено было многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому, святѣйшему сvноду и преосвященнѣйшему Александру, епископу Минскому и Бобруйскому, когда его преосвященство приложился къ мѣстнымъ иконамъ, членъ Минской консисторіи, священникъ Минскаго екатериновскаго собора Никаноръ Смоличъ, обратился къ его преосвященству съ привѣтственною рѣчью, на которую преосвященный отвѣчалъ теплымъ словомъ любви и благожеланія къ присутствующимъ и выразилъ упованіе, что на взаимныхъ молитвахъ и любви созиждется истинный союзъ и духовное единеніе пастыря съ пасомыми.

Потомъ архипастырь, осѣнивъ предстоящихъ животворящимъ крестомъ и преподавъ имъ благословеніе; отправился въ архіерейскій домъ, гдѣ прежде, чѣмъ вошелъ въ свои покои, зашелъ въ домовую архіерейскую церковь и приложился къ иконамъ.

Въ этотъ же день представлялись его преосвященству—духовенство г. Минска и нѣкоторые изъ высшихъ губернскихъ чиновниковъ. Достойно замѣчанія, что первый шагъ вступленія преосвященнѣйшаго Александра съ управленіе Минскою паствою ознаменовался утѣшительнымъ явленіемъ на благо православной церкви. Въ числѣ представлявшихся въ первый день его преосвященству былъ ксендзъ Свѣбода, настоятель Копыльскаго прихода, Слуцкаго уѣзда, изъявившій при этомъ желаніе присоединиться къ православной церкви съ тѣмъ, чтобы остаться православнымъ священникомъ.

(Вил. Вѣст.)

УНІЯТСКОЕ АРХІЕРЕЙСКОЕ БОГОСЛУЖЕНІЕ ВЪ ВАРШАВѢ.

Въ *Варшав. Дневн.* пишутъ: Въ воскресенье, 22-го сентября (4-го октября), въ здѣшней греко-уніятской, или, по мѣстному названію, василіянской церкви совершена была преосвященнымъ Михаиломъ Куземскимъ, епископомъ холмскимъ, въ сослуженіи трехъ священниковъ и двухъ діаконовъ, божественная литургія, закончившаяся молебствіемъ, по случаю спасенія драгоцѣнной жизни Великаго Князя Алексѣя Александровича, о здравіи и благоденствіи Августѣйшаго Царствующаго Дома. Это церковное торжество привлекло въ уніятскій храмъ значительное число варшавской русской интеллигенціи, и нѣсколько лицъ православнаго духовенства. При совершеніи архіерейскихъ часовъ, обыкновенно предшествующихъ литургіи, епископъ возсѣдалъ, подъ нарочно устроеннымъ краснымъ балдахиномъ, въ малиновомъ бархатномъ креслѣ, между каѳедрой и боковой правой дверью алтаря. Облаченіе имѣетъ полное сходство съ православно-архіерейскимъ облаченіемъ, съ тою лишь незначительною разницей, что на руки греко уніятскаго преосвященнаго были надѣты бѣлыя перчатки, составляющія католическую принадлежность. Послѣ часовъ преосвященный, совмѣстно съ остальнымъ духовенствомъ, совершилъ, при пѣніи божественныхъ гимновъ, троекратный крестный ходъ вокругъ престола и, занявъ подобающее ему предъ престоломъ мѣсто, началъ литургію. Посохъ оставался въ архіерейской рукѣ до входа, по входѣ же только при мурствованіи; но перчатки были сняты во время херувимской пѣсни, и надѣты вновь предъ окончаніемъ обѣдни. Преосвященный, въ теченіе священнодѣйствія, собственноручно нѣсколько разъ прибавлялъ серебряной ложечкой въ кадило ладонъ, причемъ становились предъ нимъ на колѣни оба діакона, т. е. подносившій серебряный ящичекъ съ ладономъ, и державшій кадило. Католическіе звонки оглашали церковь весьма рѣдко; колѣнопреклоненія предъ алтаремъ совершались только при прохожденіи подлѣ царскихъ вратъ мѣстными церковными клириками; лица же, составляющія церковный штатъ преосвященнаго, бывшіе галиціяне, замѣняли присѣданіе, не свойственное восточной церкви, набожнымъ колѣнопреклоненіемъ. При чтеніи евангелія, два діакона стояли бокомъ къ алтарю, а лицомъ другъ къ другу. Одинъ изъ нихъ держалъ раскрытую священную книгу, а другой читалъ слово Божіе: при этомъ преосвященный оставался по сю

сторону престола, лицомъ къ народу; символъ вѣры не былъ пропѣтъ, но прочитанъ. Интонація голоса какъ у священниковъ, такъ и у низшихъ церковныхъ служителей болѣе приближается къ манерѣ католической. Самая внѣшность уніятскихъ служителей алтаря, по отсутствію бороды и усовъ, и по короткимъ волосамъ на головѣ, не имѣетъ никакого сходства съ наружностью нашихъ священниковъ. Впрочемъ исключеніе изъ этого правила представляетъ мѣстный варшавскій настоятель церкви, лицо котораго, украшенное волосами, имѣетъ, даже и при остриженной головѣ, оттѣнокъ православнаго греко-восточнаго лика. Но самое главное отличіе уніятскаго богослуженія отъ православнаго то именно, которое, вмѣстѣ съ filioque составляетъ сущность уніятскаго вѣроисповѣданія, это—поминаніе папы римскаго. Такъ, послѣ херувинской пѣсни, преосвященный, держа святую чашу, помянулъ папу, потомъ Государя Императора, и вкратцѣ Царствующій Домъ, православное всероссійское воинство и всѣхъ предстоявшихъ православныхъ христіанъ. Затѣмъ, въ теченіе богослуженія, папа былъ помянутъ еще одинъ разъ. Между прочимъ многолѣтіе Царствующему Дому возглашалъ самъ архіерей, а многолѣтіе епископу было возглашено однимъ изъ сослужившихъ іереевъ. Почти всю обѣдню пѣвчіе пѣли нотную. По окончаніи богослуженія, преосвященный опять сталъ подъ балдахинъ, гдѣ, при пѣніи церковныхъ гимновъ, совершалось разоблаченіе отъ архіерейскихъ ризъ, послѣ чего на малиновую католическаго покроя рясу была надѣта такого же цвѣта мантія, а бѣлыя перчатки замѣнены красными. Въ такомъ одѣяніи, въ митрѣ и съ посохомъ, преосвященный направился къ выходу изъ храма, и окропляя народъ, вступилъ въ церковный притворъ, гдѣ митра была замѣнена малиновою скуфьею, а мантія снята. Отсюда преосвященный Михаилъ удалился въ занимаемые имъ покои василіянскаго монастыря, гдѣ имѣли честь ему представиться нѣкоторые изъ русскихъ, присутствовавшихъ при архіерейской службѣ. Въ 12 часовъ того же дня, епископъ удостоился быть принятымъ у Августѣйшаго Монарха.—Къ этому прибавимъ, что преосвященный Михаилъ—человѣкъ еще не старый, средняго роста, худощавъ, съ продолговатымъ весьма выразительнымъ и умнымъ лицомъ, на которомъ отпечатлѣвается весьма рѣдкое сочетаніе мягкости нрава и энергіи воли. Въ личныхъ сношеніяхъ, преосвященный Михаилъ отличается тою про-

этой, естественностію и благодушіемъ, которыя неотразимо привлекають къ нему всякаго, кто имѣлъ удовольствіе хоть короткое время побывать въ обществѣ этого высокоуважаемаго мужа.

(Сѣв. Поч.)

ОСВЯЩЕНІЕ ВИЛЕНСКАГО УСПЕНСКАГО СОБОРА.

Во вторникъ, 22-го октября, въ день празднованія Казанской Божіей Матери, совершено освященіе послѣдняго возстановленнаго изъ развалинъ и окончательно отдѣланнаго древняго Успенскаго собора въ Вильнѣ, называемаго Пречистенскимъ и митрополичьимъ, краткое историческое извѣстіе. о которомъ помѣщено въ № 116 «Виленскаго Вѣстника». Торжество освященія этого собора началось, можно сказать, еще наканунѣ, всенощнымъ богослуженіемъ въ присутствіи множества молящихся. На другой день съ 10 часовъ утра начато самое освященіе собора, послѣ чего богослуженіе длилось почти до трехъ часовъ по полудни, совершенное тремя іерархами, тремя архимандритами и всѣмъ духовенствомъ какъ Вильны, такъ и прибывшимъ изъ другихъ городовъ. Первенствующимъ въ торжествѣ освященія былъ высокопреосвященный Антоній, бывшій архіепископъ минскій, нарочно пріѣхавшій для этого изъ пожайскаго монастыря, гдѣ пребываетъ нынѣ на покоѣ; съ нимъ сослужили литовскіе преосвященные викаріи—Игнатій брестскій и Іосифъ ковенскій. Большой храмъ едва вмѣщалъ молящихся. Передъ соборомъ стояли войска въ парадѣ, хоръ военной музыки и толпы народа, привлеченнаго величіемъ совершавшагося торжества. Послѣ освященія собора преосвященные вмѣстѣ съ духовенствомъ и со всѣми присутствовавшими отправились крестнымъ ходомъ за антиминсомъ въ Свято-Духовскій монастырь. Колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ, сливавшійся съ стройнымъ пѣніемъ архіерейскихъ и семинарскихъ пѣвчихъ, толпы народа, благоговѣйно шедшаго за процессіей, сосредоточенное вниманіе иновѣрцевъ-зрителей—все это составляло величественную картину, которую еще разъ являлъ

нашъ древле-православный городъ при освященіи послѣдней возобновленной нынѣ святыни, возникшей изъ развалинъ и запустѣнія. Послѣ литургіи, назначенный въ этотъ храмъ соборнымъ протоіереемъ нашъ краснорѣчивый проповѣдникъ, отецъ Антоній Пщолко, сказалъ соотвѣтственное торжеству слово, въ которомъ привелъ на память слушателей историческія воспоминанія, связанныя съ судьбою православія въ здѣшнемъ краѣ и съ новоосвященнымъ храмомъ въ особенности, благодарственно относясь какъ къ умершимъ, такъ и живущимъ ревнителямъ и поборникамъ православія. По окончаніи богослуженія, собраннымъ войскамъ было предложено городскимъ обществомъ сытное угощеніе, тутъ же на площадкѣ, въ присутствіи всѣхъ высшихъ начальствующихъ лицъ; затѣмъ войска съ музыкою разошлись по улицамъ города.

Торжество этого знаменательнаго для Вильны дня окончилось роскошною трапезою у главнаго начальника края Александра Львовича Потапова. За обѣдомъ провозглашены были тосты—первый, предложенный Александромъ Львовичемъ, тостъ за здравіе Государя Императора, встрѣченъ былъ восторженными, единодушными кликами ура; такими же выраженіями радости и восторга сопровождались тосты за здравіе Государыни Императрицы, Наслѣдника Цесаревича, Августѣйшей Его Супруги и всего Царствующаго Дома. Затѣмъ пили за здоровье маститаго архипастыря высокопреосвященнѣйшаго митрополита Іосифа, главнаго виновника торжества православія въ здѣшнемъ краѣ, за здоровье присутствующихъ іерарховъ и духовенства. Александръ Львовичъ, указавъ затѣмъ на живую связь прошедшаго съ настоящимъ въ нашемъ краѣ, на дѣятельность бывшихъ генералъ-губернаторовъ: покойнаго графа М. Н. Муравьева, К. П. фонъ-Кауфмана и графа Ѳ. Т. Баранова, исполнителей благихъ предначертаній Монарха, провозгласилъ тостъ за здоровье находящихся теперь въ Петербургѣ Константина Петровича, гр. Эдуарда Трафимовича и бывшаго предсѣдателя церковно-строительнаго комитета С. Ѳ. Панютина,—тостъ, принятый съ искреннимъ удовольствіемъ присутствующими;

когда же Александръ Львовичъ предложилъ послать объ этомъ тостѣ телеграммы въ Петербургъ бывшимъ генералъ-губернаторамъ и начальнику Виленской губерніи, то присутствующіе единодушнымъ откликомъ изъявили на это свое согласіе. Изъ многихъ тостовъ упомянемъ еще о тостахъ въ честь духовенства, строителей храма, всѣхъ служащихъ и дворянства нашихъ губерній, представитель котораго, тутъ же присутствовавшій между прочими, Александръ Ѳаддѣевичъ Домейко кровью запечатлѣлъ свою преданность русскому отечеству въ смутное время послѣдняго польскаго мятежа. Далѣе Александръ Львовичъ, развивая мысль о важности и значеніи здѣсь народнаго образованія, провозгласилъ тостъ въ честь представителя образованія—попечителя виленскаго учебнаго округа П. Н. Батюшкова, неуклонно и съ энергіей исполняющаго предначертанія высшей власти по предмету народнаго просвѣщенія, которое должно быть одною изъ крѣпкихъ основъ прочнаго умиротворенія края. Обѣдъ заключился тѣмъ же тостомъ, который былъ провозглашенъ первымъ—за здравіе Государя Императора, нашего общаго Отца и Благодателя, — и былъ встрѣченъ тѣмъ же неудержимымъ восторгомъ и продолжительными кликами ура.

На посланныя въ С.-Петербургъ, 22 октября, во время обѣда у главнаго начальника края Александра Львовича Потапова, телеграммы, получены на другой день по телеграфу отвѣты:

Отъ графини П. В. Муравьевой:

«Искренно благодарю всѣхъ присутствовавшихъ при сегодняшнемъ торжествѣ за воспоминаніе о возобновителѣ нынѣ освященнаго храма».

Отъ генералъ-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана:

«Благодарю отъ души сослуживцевъ моихъ за добрую память. Борьба съ враждебными элементами сроднила

насъ. Уповаю, что честные труды въ пользу Россіи не прошли даромъ».

Отъ генералъ-адъютанта, графа Э. Т. Баранова:

«Душевно порадовала меня ваша телеграмма извѣщеніемъ давно желаннаго освященія митрополитальнаго собора и памятью моихъ дорогихъ сослуживцевъ. Искренно благодарю всѣхъ вспомнившихъ обо мнѣ».

Отъ тайнаго совѣтника С. Ѳ. Панютина:

«Глубоко тронутъ вниманіемъ вашимъ и бывшихъ моихъ сослуживцевъ. Душевно благодарю; никогда не забуду вчерашней депеши».

25-го октября, ночью, главный начальникъ края *А. Л. Потаповъ* выѣхалъ въ С.-Петербургъ.

(Вил. Вѣст.)

ОПЕЧАТКИ.

ВЪ III ОТДѢЛѢ 6-ОЙ КНИЖКИ ВѢСТНИКА.

	Напечатано:	нужно читать:
Стр. 27 строка 3 сверху:	ηκουμενικοσ οικγμενος	ὂικονμενικός ὂικουμὲνη
— 29 — 7 и 8 снизу:	есть... чиновничество	что.. человѣчество
— 30 — 1 сверху:	даже	далѣе.
— 31 — 1 сверху:	никакихъ	нѣкоторыхъ.

Въ 5 книжкѣ Вѣстника опечатку—располoжать нужно читать: расплoжать:

ДЕРЖАНІЕ 7-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ ЗА 1868 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.—1) **Закладная** запись епископа владимірскаго и архимандрита кіево-печерскаго монастыря Мелетія Хребтовича на имѣніе Путятичи, данная Аксиньи Богушевой—Балакиревой 1592 г. Стр. 1.—2) **Рѣшеніе** уніатскимъ духовнымъ судомъ несогласій между настоятелемъ Богоявленской бѣльской церкви и ея прихожанами, вмѣстѣ съ ревизіей этой и Пречистенской церквей. 1634 г. Стр. 3.—3) **Жалоба** полотскаго лянтвойта Есмана на полотскаго скорняка Ѳедора Алексѣевича, утверждавшаго, что унія—порожденіе діавола 1646 г. Стр. 10.—4) **Донесеніе** холмскаго уніатскаго епископа Іакова Сушы римскому папѣ о бѣдственномъ положеніи уніатской церкви и угнетеніи уніатовъ католиками. Стр. 12.

ОТДѢЛЪ II.

ПѢВЕЦЪ И КНЯЗЬЯ ЕГО (прод.) Стр. 1.
НЕТЕРПИМОСТЬ ПАПЪ (продолж.) Стр. 37.

ОТДѢЛЪ III.

«НОВОЕ ВРЕМЯ» не старѣется. Стр. 1.

ОТДѢЛЪ IV.

...ЙЛО, историческій романъ (продолж.) часть 1-я, глава 8-я, Ригальда, и глава 9-я, Соперницы. Стр. 1. **С. Калугинъ.**
ВЪѢЗДЪ высокопреосвященнѣйшаго архіепископа Михаила. Стр. 27.
...ЧЬ, произнесенная 12 іюня 1868 года, при прощаніи съ архіепископомъ Михаиломъ (бывшимъ минскимъ и бобруйскимъ). Стр. 33. **Свящ. I. Наркевичъ.**
ПОРЯДОКЪ выноса иконы изъ хойникской церкви въ село Великій боръ, всемилостивѣйше пожалованной Государемъ Императоромъ въ тамошнюю церковь. Стр. 35. **Свящ. М. Еремичъ.**
...ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ЧЕТВЕРИКОВУ. Стр. 37.
ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ. — **Поѣздка** г-на главнаго начальника сѣверо-западнаго края по минской и гродненской губерніямъ. Стр. 40.—**Осмотръ** г. главнымъ начальникомъ края училищъ виленскаго учебнаго округа. Стр. 47.—**Рѣчь** г. министра народнаго просвѣщенія въ главной варшавской школѣ. Стр. 52. — **Школы** грамотности для взрослыхъ въ Волковыскомъ уѣздѣ. Стр. 56. — **О среднихъ** учебныхъ заведеніяхъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Стр. 58.—**Освященіе** церквей и пожертвованія на оныя. Стр. 64.—**Торжество** въ Слонимѣ. Стр. 80.—**Еще** о приглашеніи папы на римскій вселенскій соборъ. Стр. 85. — **Папское** посланіе епископамъ восточной церкви съ приглашеніемъ на вселенскій соборъ. Стр. 87.—**Унія** въ холмской Руси. Стр. 90.—**Извѣстіе** о вступленіи на холмскую епископскую каѳедру епископа Михаила Кузевскаго. Стр. 94. — **Краткій** біографическій очеркъ епископа Михаила Кузевскаго. Стр. 97. — **Окружное** посланіе холмскаго епископа Михаила. Стр. 100. — **Высылка** въ Новгородъ плоцкаго епископа Попеля. Стр. 101.—**О роли** польскаго духовенства среди западно-русскаго населенія. Стр. 102.—**Прощаніе** быв. ковенскаго епископа Александра съ своею паствой. Стр. 114.—**Уніатское** архіерейское богослуженіе въ Варшавѣ. Стр. 125.—**Освященіе**